

ЯН
ПОТОЦКИЙ

Рукопись, найденная в Сарагосе

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Ян Потоцкий

Рукопись, найденная в Сарагосе

«Издательство АСТ»

1804

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44

Потоцкий Я.

Рукопись, найденная в Сарагосе / Я. Потоцкий — «Издательство АСТ», 1804 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-145405-0

По своему построению «Рукопись, найденная в Сарагосе» замечательного польского писателя Яна Потоцкого (1761-1815) напоминает арабские сказки «Тысяча и одна ночь». Сюжетом этого фантастического романа служат необычайные приключения молодого валлонского офицера. Географический диапазон романа необъятен: из Испании начала XVIII века действие переносится в Италию, на Корсику, Сардинию, Мальту, в Тунис, в Марокко. Вместе с героями читатель отправляется к Нилу, в старинные рыцарские замки, в Лион, в Париж, в Вену и даже экзотическую Мексику. Неутомимая фантазия автора переносит нас в Древнюю Грецию, в Египет, в Иудею.

УДК 821.162.1-31

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-145405-0

© Потоцкий Я., 1804

© Издательство АСТ, 1804

Содержание

Предисловие	6
День первый	7
День второй	17
День третий	23
День четвертый	33
День пятый	35
День шестой	41
День седьмой	49
День восьмой	55
День девятый	58
День десятый	65
День одиннадцатый	72
День двенадцатый	76
День тринадцатый	84
День четырнадцатый	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ян Потоцкий

Рукопись, найденная в Сарагосе

© Перевод. Д. Горбов, наследники, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Граф Ян Потоцкий (1761–1815) был крайне необычным человеком, биография которого хранит немало загадок. Выдающийся археолог и путешественник, географ и этнограф, издатель и дипломат, он был одновременно известным мистиком, близким к масонам и рыцарям Мальтийского ордена, с которыми всю жизнь поддерживал таинственные контакты. Даже смерть этого человека была загадочной: измученный хроническими мигренями, Потоцкий застрелился из пистолета, зачем-то заряженного... серебряной пулей, которую он отлил собственными руками. Однако главная тайна, оставленная им потомкам, – единственное произведение, которое он писал и переписывал всю жизнь, «Рукопись, найденная в Сарагосе». Роман, без которого современная литература не стала бы такой, какой мы ее знаем. Роман, о котором написаны десятки научных трудов, статей и эссе. Роман, оказавший на литературу модернизма и постмодернизма (как, кстати, на литературу мистики и ужасов) влияние, которое невозможно переоценить. Одна из самых странных и оригинальных книг мировой литературы – и первое европейское произведение, написанное в жанре «китайская шкатулка».

Предисловие

Будучи офицером французской армии, я принимал участие в осаде Сарагосы. Через несколько дней после завоевания этого города, оказавшись в одном из отдаленных его кварталов, я обратил внимание на домик довольно изящной архитектуры, который – это было сразу видно – французские солдаты еще не успели разграбить.

Подстрекаемый любопытством, я подошел к двери и постучал. Она оказалась незапертой – я слегка толкнул ее и вошел внутрь. На мой зов никто не откликнулся; поиски не дали результата: в доме не было ни души. Казалось, что из дома вынесли все ценное, на столах и в шкафах остались одни ненужные безделицы. Только в углу на полу я увидел несколько исписанных тетрадей. Перелистал их. Рукопись была испанская; хоть я очень слабо знал этот язык, но все же понял, что нашел что-то интересное: рукопись содержала повествование о каббалистах, разбойниках и оборотнях. Чтение необычайных историй казалось мне прекрасным средством рассеяния среди походных трудов. Решив, что рукопись навсегда утратила законного владельца, я без колебаний взял ее себе.

Через некоторое время нашей армии пришлось оставить Сарагосу. К несчастью, я оказался в стороне от главных сил и, вместе со своим отрядом, попал в руки противника. Я думал, что пробил мой последний час. Когда нас привели на место, испанские солдаты стали делить наше имущество. Я попросил, чтобы мне оставили один только предмет, не представлявший для них к тому же никакой ценности, а именно – найденную мной рукопись. Сперва они не соглашались, но потом попросили указаний командира. Тот, кинув взгляд на тетради, лично поблагодарил меня за то, что я спас произведение, очень для него важное, так как в рукописи речь шла об одном из его предков. Я объяснил, каким образом драгоценные тетради попали ко мне в руки. Испанец взял меня к себе на квартиру, хорошо со мной обходился, и я довольно долго прожил у него. По моей настоятельной просьбе он перевел рукопись на французский язык, а я точно записал его перевод.

День первый

До того как граф Олавидес заселил Сьерра-Морену, в этих неприступных горах, отделявших Андалузию от Манчи, жили контрабандисты, разбойники и небольшое количество цыган, о которых шел слух, что они пожирают трупы убитых путников. Отсюда, может быть, возникла испанская пословица «Las gitanas de Sierra-Morena quieren carne de hombres». Мало того. Говорили, что путешественника, решавшегося вступить в эту дикую местность, преследовали тысячи ужасов, один вид которых приводил в трепет самых смелых. Он слышал голоса плачущих, мешающиеся с шумом горных потоков, его манили блуждающие огни и невидимые руки под свист бури толкали в бездонную пропасть.

Правда, на этой страшной дороге можно было изредка встретить какую-нибудь венту, то есть уединенный трактир, но духи, еще более дьявольские, чем сами трактирщики, заставляли последних уступать им свои места и удаляться в края, где только голос совести нарушал их покой, и трактирщики, выбирая из двух зол меньшее, предпочитали иметь дело со вторым, то есть с совестью. Трактирщик из Андухара клялся святым Иаковом Компостельским, что в рассказах этих нет ни слова неправды. И в заключение прибавил, что лучники святой Германдады всегда отговариваются от походов в горы Сьерра-Морены, а путешественники предпочитают дорогу на Хаэн или Эстремадуру.

Я ответил ему на это, что такой выбор может прийтись по вкусу заурядным путешественникам, но если король дон Филипп V удостоил меня звания капитана валлонской гвардии, священный долг чести повелевает мне ехать в Мадрид кратчайшей дорогой, будь она хоть самой опасной.

– Молодой господин мой, – возразил трактирщик. – Позвольте мне обратить внимание вашей милости на то, что ежели король удостоил вас звания капитана, прежде чем наилегчайший пушок оказал такую же честь подбородку вашей милости, то было бы уместным прежде всего доказать свое благоразумие, – тем более что уж ежели злые духи облюбуют себе какое-нибудь место...

Он наплел бы мне еще с три короба, но я дал шпоры коню и умерил его бег, только когда решил, что слова трактирщика уже не дойдут до меня. Тут, обернувшись, я увидел, что он машет руками, указывая мне дорогу на Эстремадуру. Мой слуга Лопес и погонщик мулов Москито глядели на меня с состраданием, как будто разделяли предостережения трактирщика. Я сделал вид, словно ничего не понимаю, и пустился в чашобу – туда, где позже возникло селение под названием Ла-Карлота.

На том месте, где теперь почтовая станция, тогда находилось пристанище, хорошо известное погонщикам мулов, которое они называли Лос-Алькорнокес, то есть «Пробковые Дубы», так как два прекрасных дерева этой породы осеняли там отделанный белым мрамором обильный источник. Это был единственный водопой и единственная тень, какие можно было найти от Андухара до трактира Вента-Кемада, большого и удобного, хоть и стоящего в пустынной местности. Собственно говоря, это был старинный мавританский замок, приведенный в порядок по распоряжению маркиза Пенья Кемада, откуда и название Вента-Кемада. Позже маркиз сдал замок в наем одному горожанину из Мурсии, который устроил там самый большой на этой дороге трактир. Путешественники утром выезжали из Андухара, съедали в Лос-Алькорнокес имевшуюся у них провизию и ехали ночевать в Вента-Кемаду. Там они нередко проводили весь следующий день, готовясь к переходу через горы и запасаясь новой провизией.

Таков был и мой план.

Но когда мы приближались к «Пробковым Дубам» и я напомнил Лопесу о том, что пора подкрепиться, оказалось, что Москито куда-то пропал вместе с мулом, навьюченным всеми нашими запасами. Лопес ответил, что погонщик отстал от нас на несколько сотен шагов, чтобы

поправить выюки. Мы подождали его, потом проехали немного вперед, потом опять остановились, стали звать его, потом вернулись той же дорогой, думая найти его, но – напрасно.

Москито исчез и увез с собой драгоценнейшую нашу надежду, то есть весь наш обед. Я с вечера ничего не ел, а Лопес все время жевал взятый в дорогу тобосский сыр, однако от этого ему было ничуть не веселей моего, и он ворчал себе под нос, что андухарский трактирщик был прав, и бедного Москито, видно, унесли черти.

Приехав в Лос-Алькорнокес, я увидел возле источника корзинку, накрытую виноградными листьями, наверно, забытые кем-нибудь из проезжих фруктов. С любопытством запустив в нее руку, я обнаружил там четыре отличные фиги и апельсин. Две фиги я хотел отдать Лопесу, но он поблагодарил и отказался, говоря, что может подождать до вечера. Тогда я съел все сам, а потом захотел напиться воды из источника. Но Лопес удержал меня, утверждая, что после фруктов пить воду вредно, и подал мне оставшееся у него небольшое количество аликанте. Я принял угощение, но, как только вино оказалось в желудке, у меня вдруг защемило сердце. Небо и земля закружились перед моими глазами, и я наверняка потерял бы сознание, если б Лопес не поспешил мне на помощь. Он привел меня в чувство, сказав, что я не должен удивляться и что дурно мне стало от голода и усталости. В самом деле, ко мне не только вернулись силы, но я даже почувствовал необычайное возбуждение. Окрестности, казалось, засверкали тысячью красок, предметы заискрились у меня в глазах, словно звезды летней ночью, а кровь стремительно побежала по жилам, застучав в висках и на шее.

Лопес, видя, что я пришел в себя, возобновил свои жалобы:

– Ах, зачем не послушался я брата Херонимо Тринидадского, монаха, проповедника, духовника и оракула нашего семейства. Недаром он, будучи шурином пасынка невестки отчима моей мачехи и, таким образом, ближайшим нашим родственником, не позволяет, чтобы у нас в доме что-нибудь делалось без его совета. А я поступил по-своему и вот – получаю по заслугам. Как часто толковал он мне, что офицеры валлонской гвардии – сплошь еретики, о чем ясно говорят их светлые волосы, голубые глаза и румяные щеки, – ведь у добрых христиан цвет лица, как у мадонны из Аточи, которую написал святой Лука.

Я прервал этот поток дерзостей, приказав Лопесу подать мне двустволку и остаться при лошадях, а сам решил взобраться на одну из окрестных скал в надежде обнаружить заблудившегося Москито или хотя бы его следы. В ответ Лопес залился слезами и, кинувшись к моим ногам, стал заклинать ради всех святых не оставлять его одного в таком опасном месте. Тогда я решил остаться самому с лошадьми, а Лопеса отправить на розыски Москито, но это намерение испугало его еще больше. Однако в конце концов я привел ему столько убедительных доводов, что он позволил мне уйти и, вынув из кармана четки, начал усердно молиться.

Горные вершины, на которые я решил подняться, находились гораздо дальше, чем мне показалось на первый взгляд, и, для того чтобы добраться до них, я потратил не меньше часа. Поднявшись на макушку горы, я увидел под собой дикую и пустую равнину, без малейших следов человека, зверя или какого-нибудь жилища, каких-либо дорог, кроме той, по которой я приехал, и вокруг – глухая тишина. Я нарушил ее криком; мне ответило только эхо вдали. В конце концов я вернулся к источнику, где нашел своего коня, но Лопес... Лопес исчез бесследно.

Передо мной было два пути: либо обратно в Андухар, либо дальше, вперед. Выбрать первое мне даже в голову не приходило; я сел на коня и, пустив его крупной рысью, через два часа выехал на берег Гвадалквивира, который не разливается здесь тем великолепным спокойным потоком, каким он омывает стены Севильи. При выходе из гор Гвадалквивир мчится быстрой стремниной, не зная дна и берегов, колотясь волнами о скалы, на каждом шагу мешающие его разбегу.

Долина Лос-Эрманос начинается в том месте, где Гвадалквивир выбегает на равнину. Долина получила свое название от трех братьев, которых жажда разбоя объединяла гораздо

больше, чем кровное родство. Место это долго было ареной их злодеяний. Из трех братьев двоих поймали, и в том месте, где начиналась долина, можно было видеть тела их, качающиеся на виселицах; третий же, по имени Зото, бежал из тюрьмы в Кордове и, говорят, укрылся в горах Альпухары.

Удивительные вещи рассказывают о двух повешенных братьях. Их не называют прямо оборотнями, но утверждают, что часто по ночам тела их, оживленные нечистой силой, сходят с виселиц и преследуют живых. Эта история почитается столь достоверной, что один богослов из Саламанки написал обширный трактат, где доказывал, что висельники являются чем-то вроде вампиров, что подтверждается многочисленными примерами, которые убедили в конце концов даже самых недоверчивых. Ходили также слухи, будто эти двое были осуждены невинно и, мучая путников и проезжих, мстят за себя с позволения неба. Я много слышал об этом в Кордове и, подстрекаемый любопытством, подъехал к виселице. Зрелище было тем более отталкивающим, что, когда ветер шевелил мерзкие трупы, свирепые коршуны принимались раздирать им внутренности и склевывать последние остатки тела. Я с отвращением отвернулся и пустился в горы.

Надо признать, что долина Лос-Эрманос, казалось, была создана для разбойничьих нападений, предоставляя преступникам повсюду укрытия. На каждом шагу путник встречал препятствия в виде обвалившейся скалы или вывороченного бурей векового дерева. Во многих местах дорога пересекала русло потока и проходила мимо глубоких пещер, зловещий вид которых не внушал доверия.

Миновав эту долину, я вступил в другую и увидел трактир, где мне предстояло искать приюта, но вид его уже издали не сулил ничего хорошего. Я заметил, что у него нет ни окон, ни ставен, дым не шел из трубы, вокруг – ни малейшего движения, и прибытие мое не было ознаменовано собачьим лаем. Отсюда я сделал вывод, что это место из числа тех, о которых андухарский трактирщик говорил, как о раз и навсегда оставленных.

Чем ближе подъезжал я к трактиру, тем глубже казалась мне тишина. Наконец, подъехав вплотную, я увидел у входа кружку для сбора милостыни с такой надписью: «Господа путешественники, помолитесь за душу Гонсалеса из Мурсии, бывшего хозяина Вента-Кемады. Но самое главное – не задерживайтесь здесь и ни в коем случае не останавливайтесь на ночлег».

Я решил смело ждать опасностей, которыми грозила надпись, – отнюдь не потому, что не верил в существование привидений, а, как покажет дальнейшее повествование, потому, что в моем воспитании больше всего усилий было направлено на то, чтоб выработать во мне чувство чести, а честь, по-моему, заключается в том, чтобы никогда не обнаруживать боязни.

Солнце еще не совсем зашло, и я воспользовался последними его лучами, чтоб осмотреть это жилье, по правде говоря, не столько для того, чтоб оградить себя от адских сил, сколько чтоб отыскать что-нибудь съестное, так как теми крохами, которые я нашел в Лос-Алькорнокес, едва можно было на короткое время заморить червячка, но ни в коем случае не утолить мучивший меня голод. Я прошел несколько просторных комнат. Большая часть их была украшена мозаикой до высоты человеческого роста, потолки покрывала великолепная резьба, какой в свое время по праву гордились мавры. Я осмотрел кухню, чердак и погреба – последние были высечены в скале, а некоторые из них соединены с подземельями, уходившими, видимо, далеко в глубь гор, – но ничего съестного не нашел. Наконец, когда уже начало смеркаться, я вернулся к лошади, которая все это время стояла привязанная во дворе, отвел ее на конюшню, где увидел охапку сена, а сам пошел в ту комнату, где стояла жалкая кровать, единственное ложе, оставшееся во всем трактире. Попробовал заснуть, но безуспешно, и тут, как назло, обнаружилось, что я не могу найти не только пищи, но и света.

Чем темней становилась ночь, тем все более мрачный оттенок приобретали мои мысли. Я думал то о внезапном исчезновении обоих моих слуг, то о том, как подкрепить свои силы. Мне приходило в голову, что грабители, неожиданно выскочившие из кустов или какого-нибудь

подземного укрытия, схватили Лопеса и Москито, а на меня побоялись напасть, видя, что я – человек военный и что это отнюдь не сулит им легкой победы.

Больше всего меня занимала мысль о том, как бы утолить голод; на горах я видел коз, при них, конечно, должен быть и пастух, и трудно представить себе, чтоб у него не нашлось молока и хлеба. Кроме того, я рассчитывал на свое ружье. Но ни за что на свете не вернулся бы я в Андухар, опасаясь насмешливых расспросов трактирщика. И я твердо решил без колебаний продолжать свой путь дальше.

Когда со всеми этими размышлениями было покончено, я не мог не вспомнить известной истории о фальшивомонетчиках и многих других в таком же роде, которые мне рассказывали на сон грядущий в детстве. Приходила в голову надпись на кружке для сбора милостыни. Я не допускал мысли, чтобы трактирщику свернул шею дьявол, но не мог найти объяснения его печальному концу.

Так в мертвой тишине протекал час за часом, как вдруг я вздрогнул от неожиданного звона колокола. Я насчитал двенадцать ударов, а, как известно, злые духи имеют власть только от полуночи до первого пенья петуха. Как было не изумиться, если до этого часы ни разу не били, – и бой их произвел на меня зловещее впечатление. Вскоре дверь в комнату открылась, и я увидел на пороге черную, но отнюдь не страшную фигуру; это была красивая полунагая негритянка с двумя факелами в руках.

Негритянка подошла, отвесила мне глубокий поклон и обратилась ко мне на чистом испанском языке с такими словами:

– Сеньор кавалер, две иностранки, остановившиеся на ночлег в этом трактире, просят тебя провести вечер в их обществе. Не угодно ли следовать за мной?

Я поспешил за негритянкой и, пройдя несколько коридоров, оказался в ярко освещенной зале, посреди которой стоял стол с тремя приборами, уставленный японским фарфором и графинами из горного хрусталя. В глубине залы возвышалось роскошное ложе. Несколько негритянок сновали туда и сюда, наводя порядок, но вдруг они почтительно расступились, образовав два ряда, и я увидел двух входящих женщин; лица их, цвета розы и лилии, чудно оттенялись эбеновым цветом прислужниц. Молодые женщины держали друг друга за руку. Одеты они были немного странно, по крайней мере, мне так показалось, хотя впоследствии, в дальнейших моих странствиях, я убедился, что это был обычный наряд, распространенный на берберийских побережьях. Он состоял, по существу, только из рубашки и корсажа. Верхняя половина рубашки была полотняная, а от пояса – из мексиканского газа, материи, которая была бы совершенно прозрачной, если бы широкие шелковые ленты, друг с другом соприкасаясь, не скрывали прелестей, находившихся под этим легким покровом. Корсаж, богато расшитый жемчугом и украшенный алмазными застежками, тесно охватывал грудь, а рукава рубашки, тоже газовые, были пристегнуты на плечах. Драгоценные браслеты покрывали их руки у запястий и выше локтей. Ножки незнакомок, ножки, повторяю, которые, принадлежи они злым духам, конечно, были бы кривые и оснащены когтями, были обуты в вышитые восточные туфельки, едва скрывавшие маленькие пальчики. На щиколотках у незнакомок сияли бриллиантовые браслеты.

Незнакомки подошли ко мне с приветливой улыбкой. Обе были несравненные красавицы, каждая в своем роде. Одна – высокая, стройная, яркая, другая – нежная, робкая. Фигура и черты старшей с первого взгляда поражали своей правильностью. У младшей, полненькой, были пухлые губки, а прищуренные глаза оттенены необычайно длинными ресницами. Старшая обратилась ко мне на чистейшем испанском языке с такими словами:

– Сеньор кавалер, спасибо тебе за любезность, с которой ты пожаловал на наш скромный ужин. Я думаю, он будет нелишним...

Она произнесла это с такой улыбкой, что я подумал, уж не по ее ли приказу был уведен мой мул с провизией. Но сердиться не приходилось – ущерб был щедро восполнен.

Мы сели за стол, и та же незнакомка промолвила, придвигая ко мне блюдо из японского фарфора:

– Сеньор кавалер, это – оляя подрида, приготовленная из мяса всякого рода, кроме одного, так как мы – правоверные, или, говоря точнее, мусульманки.

– Прекрасная чужеземка, – ответил я, – ты, безусловно, очень точно выразилась. Кому же более пристало говорить о верности? Ведь это религия искренне любящих сердец. Однако, прежде чем утолить мой голод, не откажите в любезности сделать то же самое с моим любопытством – скажите, кто вы?

– Кушай, сеньор кавалер, – возразила прекрасная мавританка. – У нас нет от тебя никаких тайн. Меня зовут Эмина, а сестру мою – Зибельда; мы живем в Тунисе, но семья наша родом из Гранады, и некоторые наши родственники остались в Испании, где тайно исповедуют веру отцов. Неделию тому назад мы покинули Тунис и высадились на пустынном берегу возле Малаги. Потом перевалили горы между Лохой и Антекерой и, наконец, приехали сюда, чтобы переодеться и уйти от поисков. Как видишь, сеньор, наше путешествие – большая тайна, которую мы вверяем твоей порядочности.

Я уверил прекрасных путешественниц, что меня им нечего опасаться, и стал подкреплять свои силы; ел я с некоторой жадностью, однако не без вынужденного изящества, о котором никогда не забывает молодой человек в обществе женщины.

Увидев, что первый голод мой утолен и я перехожу к тому, что в Испании называют *los dulces*¹, прекрасная Эмина велела негритянкам показать мне, как у них на родине танцуют. Кажется, никакое приказание не могло быть для них приятнее. Они исполнили его с увлечением, которое почти граничило с распущенностью. И я, наверно, не сумел бы положить конец этим пляскам, если б не спросил прекрасных незнакомок, не предаются ли они тоже иногда этой забаве. В ответ они встали и велели подать им кастаньеты. Танец их напоминал болеро, зародившееся в Мурсии, и фоффу, которую танцуют в Альгарве. Кто знает эти края, тот легко представит себе его, однако никогда не сумеет постичь того очарования, которое придавали ему прелести обеих африканок, прикрытые прозрачными складками, сбегаящими по их стройным станам.

Некоторое время я спокойно смотрел на восхитительных плясуний, но в конце концов их движения, все более стремительные, оглушающий звук мавританской музыки, чувства, возбужденные обильными яствами, – все это, вместе взятое, ввергло меня в дотоле неизведанное волнение. Я просто не знал, женщины это или какие-то коварные призраки. Я уже не смел смотреть, не хотел видеть, закрыл глаза рукой и в то же мгновение почувствовал, что теряю сознание.

Обе сестры подошли ко мне и взяли меня за руки. Эмина заботливо осведомилась, как я себя чувствую, – я успокоил ее. А Зибельда спросила, что это за медальон на груди моей, – наверно, портрет возлюбленной?

– Это талисман, полученный от матери. Я обещал никогда его не снимать. В нем заключена частица животворящего креста.

Услышав это, Зибельда отступила и побледнела.

– Ты испугалась, – продолжал я. – А ведь креста боятся только злые духи.

Эмина ответила за сестру:

– Сеньор кавалер, ты ведь знаешь, что мы мусульманки, и не должен удивляться огорчению, которое ты невольно причинил моей сестре. Признаюсь, у меня тоже такое чувство: нам досадно, что ближайший наш родственник принадлежит к христианскому вероисповеданию. Эти слова удивляют тебя, но ведь твоя мать – из рода Гомелесов. Мы тоже принадлежим к

---

¹ Лакомства (*исп.*).

этому роду, который ведет свое происхождение от Абенсеррагов... Но сядем на этот диван, я расскажу тебе подробнее...

Негритянки ушли. Эмина усадила меня в углу дивана и села рядом, подогнув под себя ноги. А Зибельда легла по другую сторону, облокотившись на мою подушку, и мы были так близко друг от друга, что наши дыханья смешивались. Эмина, казалось, минуту обдумывала; потом, бросив на меня полный участия взгляд, взяла меня за руку и начала так:

– Я не хочу скрывать от тебя, милый Альфонс, что нас свел с тобой не просто случай. Мы ждали тебя здесь, и если бы, движимый страхом, ты выбрал другую дорогу, ты навсегда лишился бы нашего уважения.

– Ты мне льстишь, прекрасная Эмина, – возразил я. – Не понимаю, отчего тебя так интересует моя храбрость.

– Нас очень интересует твоя судьба, – продолжала мавританка, – но, может быть, это покажется тебе менее лестным, когда ты узнаешь, что ты – первый мужчина, которого мы встретили в жизни. Тебя удивляют мои слова, и ты как будто сомневаешься в их правдивости. Я обещала рассказать тебе историю наших предков, но, наверно, будет лучше начать с нашей собственной.

История Эмины и ее сестры Зибельды

Наш отец Газир Гомелес, дядя по матери дею, который правит теперь в Тунисе. Братьев у нас не было, мы никогда не знали отца и, оставаясь с малых лет запертыми в стенах сераля, не имели ни малейшего представления о вашем поле. Но природа наделила нас неизъяснимой склонностью к любви, и, за отсутствием кого-либо другого, мы страстно полюбили друг друга. Привязанность эта возникла уже в младенческие годы. Мы заливались слезами, когда нас хотели ненадолго разлучить. Если одну из нас наказывали, другая плакала навзрыд. Днем мы играли за одним столиком, а ночью спали в одной постели.

Это сильное чувство, казалось, росло вместе с нами и особенно усилилось благодаря одному обстоятельству, о котором я тебе расскажу. Мне было тогда шестнадцать лет, а сестре четырнадцать. Мы давно заметили, что мать старательно прячет от нас некоторые книги. Сначала мы не обращали на это особенного внимания, и без того наскучив книгами, по которым нас учили читать, но с возрастом в нас проснулось любопытство. Улучив минуту, когда запретный шкаф был открыт, мы быстро вытащили маленький томик, в котором описывались чувства Меджнуна и Лейлы, в переводе с персидского, сделанном Бен-Омаром. Это захватывающее произведение, изображающее пламенными красками любовные наслаждения, зажгло наше молодое воображение. Мы не могли их понимать, никогда не встречая представителей вашего пола, но повторяли новые для нас выражения. Мы обменивались речами любовников и в конце концов страстно пожелали любить друг друга, как они. Я взяла на себя роль Меджнуна, а сестра – Лейлы. Сперва я открывала свою страсть, подбирая цветы и букеты (этот способ объяснения в любви применяется во всей Азии), потом стала кидать на нее полные огня взгляды, падала перед ней на колени, целовала следы ее ног, умоляла ветерок передать ей мою тоску и пробовала воспламенить его жаркими вздохами.

Зибельда, следуя указаниям поэта, назначила мне свидание. Я упала к ее ногам, стала целовать ей руки, обливать слезами ее колени. Моя возлюбленная сначала оказывала легкое сопротивление, но вскоре позволила мне сорвать несколько поцелуев и, наконец, целиком поделила мои пламенные чувства. Наши души, казалось, слились в одно, и более полного счастья мы не могли себе представить.

Не помню уже, как долго занимали нас эти страстные сцены, но постепенно порывистость наших чувств заметно охладела. У нас проснулся интерес к некоторым наукам, в частности, о растениях, которые мы изучали по трудам славного Аверроэса. Моя мать, убежденная, что

нельзя пренебрегать никакими средствами, способными рассеять скуку сераля, относилась с сочувствием к нашим занятиям и, желая облегчить нам ученье, выписала из Мекки святую женщину по имени Хазарета, что означает святая из святых. Хазарета учила нас законам Пророка и преподавала нам науки тем чистым и мелодичным языком, каким говорят теперь только потомки корейшитов. Мы не могли в досталь ее послушаться и скоро знали наизусть почти весь Коран. Потом мать рассказала нам историю нашего рода и передала множество сочинений, из которых одни были написаны по-арабски, а другие по-испански.

Дорогой Альфонс, ты не поверишь, как нам стала противна ваша религия, как возненавидели мы ее слугителей. А с другой стороны, превратности и несчастья, выпавшие на долю тех, чья кровь текла в наших жилах, необычайно заинтересовали нас. Мы восхищались то Саидом Гомелесом, перетерпевшим мученья в застенках инквизиции, то его племянником Леиссом, который долгие годы вел в горах жизнь дикую, мало чем отличающуюся от жизни хищных животных. Подобные описания будили в нас восхищение перед мужчинами, нам хотелось увидеть их, и часто мы поднимались на террасу в саду, чтобы хоть издали взглянуть на моряков на озере Голетта или правоверных, спешащих к источнику Хамам-Неф. Хоть мы и не забыли уроков любезного Меджнуна, однако с тех пор больше им не следовали. Я даже думала, что моя любовь к сестре совершенно погасла, как вдруг новое событие доказало мне, что я ошибаюсь.

Однажды мать привела к нам некую принцессу из Тафилета, женщину преклонных лет. Мы постарались принять ее как можно лучше. После ее ухода мать объявила мне, что принцесса сватает меня за своего сына, а сестра моя предназначена в жены одному из Гомелесов. Новость эта поразила нас как гром среди ясного неба. Первое время мы не могли вымолвить ни слова, потом горе разлуки так живо встало у нас перед глазами, что мы предались самому жестокому отчаянию. Мы рвали на себе волосы и оглашали сераль воплями. Наконец, когда проявления нашей горести достигли грани безумия, мать, испуганная, обещала не выдавать нас насильно и предоставила нам возможность либо остаться в девушках, либо выйти за одного и того же мужчину. Эти заверения немного нас успокоили.

Вскоре после этого мать сказала нам, что говорила с главой нашего рода и он согласился, чтоб мы вышли за одного и того же человека, но чтобы он был из рода Гомелесов.

Мы ничего не ответили, но с каждым днем мысль иметь одного и того же мужа все больше нам улыбалась. До тех пор мы ни разу не видели ни старика, ни молодого мужчины, разве только на большом отдалении; но поскольку молодые женщины казались нам привлекательнее старых, нам очень хотелось, чтоб и супруг наш был тоже молод. Мы надеялись, что он сумеет объяснить нам некоторые места в книге Бен-Омара, которых мы сами не могли понять...

Тут Зибельда перебила сестру и, сжимая меня в объятиях, промолвила:

– Милый Альфонс, зачем ты не мусульманин! Как я была бы счастлива видеть тебя на груди у Эмины и разделять ваше наслаждение, участвовать в ваших ласках. В нашем доме, как и в семье Пророка, потомки по женской линии имеют такие же права, как и по мужской, от тебя зависело бы стать главой нашего рода, который уже клонится к упадку. Для этого было бы довольно открыть свое сердце лучам нашей веры.

Слова эти показались мне до такой степени похожими на дьявольское искушение, что я посмотрел, не заметны ли следы рожек на прекрасном челе Зибельды. Я пробормотал несколько слов о святости моей религии. Обе сестры отстранились от меня. Лицо Эмины приобрело строгое выражение, и прекрасная мавританка продолжала в таком духе:

– Сеньор Альфонс, я слишком много рассказывала о себе и Зибельде. Это не входило в мои намерения; я села рядом с тобой, чтобы сообщить подробности, касающиеся рода Гомелесов, от которых ты производишь по женской линии. Вот что я хочу тебе поведать.

История замка Касар-Гомелес

Родоначальником нашим был Масуд бен Тахер, брат Юсуфа бен Тахера, который вступил в Испанию во главе арабов и дал свое имя горе Джебаль-Тахер, или, как вы произносите, Гибралтар. Масуд, много содействовав успеху арабского оружия, получил от калифа Багдадского в управление Гранаду, в которой он оставался до смерти своего брата. Он занимал бы эту должность и дальше, так как пользовался большим уважением как мусульман, так и мавров, то есть христиан, оставшихся при господстве мавров, – но у него были сильные враги в Багдаде, которые очернили его в глазах калифа. Он узнал, что его ждет неминуемая гибель, и решил сам удалиться. Собрал горстку верных ему людей и скрылся в Альпухаре, которая, как ты знаешь, представляет собой продолжение хребта Сьерра-Морены и отделяет королевство Гранаду от королевства Валенсии.

Визиготы, у которых мы отняли Испанию, никогда не добирались до Альпухары; большая часть долин была совершенно безлюдна. Только три из них населяли потомки древнего иберийского племени, так называемые турдулы. Они не знали ни Магомета, ни твоего пророка из Назарета; основы их религии и законов сохранились в песнях, переходивших от отцов к детям. Когда-то у них были священные книги, но с течением времени они пропали.

Масуд покорил турдулов скорее с помощью убеждений, чем силой, научился их языку и привил им основы ислама. Оба народа смешались через браки, и вот этому слиянию племен и горному воздуху обязаны мы с сестрой тем свежим цветом лица, которым отличаются дочери Гомелесов. Правда, и среди мавров можно встретить светлых женщин, но они по большей части бледны.

Масуд принял титул шейха и приказал возвести сторожевой замок, назвав его Касар-Гомелес. Скорей судья, чем властитель своего племени, Масуд был доступен каждому, дверь его была открыта для всех, только в последнюю пятницу каждого месяца он расставался с семьей, спускался в подземелье замка и проводил там взаперти целую неделю. Эти исчезновения давали повод для разных толков. Одни утверждали, что шейх ведет беседы с Двенадцатым имамом, который должен явиться перед концом света, другие – что в подземелье сидит антихрист, остальные утверждали, что там почивают семь спящих братьев вместе со своим верным псом Калобом. Шейх на все эти домыслы не обращал никакого внимания и управлял своим народом, пока хватало сил. Наконец он выбрал самого рассудительного из всего племени, нарек его наследником, отдал ему ключ от подземелья, а сам удалился в пустыню, где прожил еще много лет.

Новый шейх правил в духе своего предшественника, также исчезая в последнюю пятницу каждого месяца. Это положение сохранялось до тех пор, пока Кордова не получила своих калифов, совершенно независимых от властителей Багдада. В это время альпухарские горцы, принимавшие деятельное участие в этих переменах, стали оседать на равнинах, где вскоре прославились под названием Абенсеррагов. Другие же, оставшиеся верными шейху Касар-Гомелеса, сохранили имя Гомелесов.

Между тем Абенсерраги скупили богатейшие поместья в королевстве Гранады и самые роскошные дворцы города. Их излишества всем бросались в глаза. Возникло подозрение, что в подземелье шейхов спрятаны несметные сокровища, но никто не мог проверить, насколько это верно, так как сами Абенсерраги не знали источника своих богатств. В конце концов, когда прекрасные королевства эти навлекли на себя гнев божий, Аллах предал их в руки неверных. Гранада была взята штурмом, и через несколько дней после этого славный Гонсальв из Кордовы во главе трех тысяч испанцев вступил в Альпухару. Шейхом нашего племени был тогда Хатем Гомелес. Он вышел навстречу Гонсальву и отдал ему ключи от замка. Испанец потребовал ключи от подземелья, шейх их сейчас же принес. Гонсальв спустился в подземелье, но

вместо сокровищ нашел там гробницу да несколько старых книг, поднял на смех пустые бредни своих соотечественников и поспешил обратно в Вальядолид, куда его звали страсть и любовные интрижки.

До вступления на престол Карла в наших горах царил мир. Шейхом тогда был Сефи Гомелес. Этот человек по неизвестным причинам сообщил императору, что откроет ему важную тайну, если Карл придет в Альпухару какого-нибудь знатного испанца, которому полностью доверяет. Не прошло двух недель, как к Гомелесам явился в качестве императорского посла дон Руис из Толедо; но он уже не застал шейха в живых: его убили накануне приезда посла. Дон Руис начал было следствие над несколькими лицами, но, наскучив бесплодными усилиями, вернулся к императорскому двору.

Таким путем тайна шейхов перешла к убийце Сефи. Этот человек по имени Биллах Гомелес собрал племенных старейшин и объяснил им необходимость сокрытия столь важной тайны. Было решено посвятить в нее нескольких членов рода Гомелесов, но так, чтобы каждый из них знал только часть тайны. Избранные были обязаны представить доказательства благоразумия, верности и бесстрашия.

Тут Зибельда опять перебила сестру, сказав:

– Милая Эмина, тебе не кажется, что Альфонс выдержал бы все эти испытания? Ах, может ли в этом быть сомнение! Дорогой Альфонс, как жаль, что ты не мусульманин: ты, конечно, стал бы обладателем несметных сокровищ.

Это явно было новым искушением. Дух тьмы, не сумев соблазнить меня наслаждением, старался теперь пробудить во мне жадность к золоту. Но тут мавританки прижались ко мне, и я почувствовал убедительное прикосновение живых тел, а не призраков. Немного помолчав, Эмина продолжала:

– Дорогой Альфонс, ты хорошо знаешь о преследованиях, которые претерпело наше племя в царствование сына Карла – Филиппа. У нас отнимали детей, воспитывали их в Христовой вере и отдавали им имущество родителей, не желавших отказаться от веры отцов. Тогда-то один из Гомелесов был принят в орден дервишей святого Доминика и достиг звания великого инквизитора...

Тут мы услышали пенье петуха, и Эмина замолчала... Петух пропел еще раз. Человек суеверный подумал бы, что обе красавицы тотчас улетят в дымовую трубу. Этого не произошло – однако девушки вдруг нахмурились и погрузились в размышление.

Эмина первая прервала молчание.

– Любезный Альфонс, – сказала она, – уже светает, слишком дороги минуты, которые мы можем провести с тобой, чтоб тратить их на рассказы о далеком прошлом. Мы можем стать твоими женами, если только ты примешь закон Пророка. Но никто не мешает тебе видеть нас во сне. Ты хочешь этого?

Я согласился.

– Но это не все, – сказала Эмина с выражением величайшего достоинства, – это не все, дорогой Альфонс. Нужно еще, чтоб ты поклялся своей честью никогда не выдать тайну наших имен, нашего существования и всего, что знаешь о нас. Отважишься ты взять на себя такое обязательство?

Я обещал исполнить все, что от меня требуется.

– Это хорошо, – сказала Эмина. – Теперь, сестра, принеси чашу, освященную главой нашего племени Масудом.

Пока Зибельда ходила за заклятой чашей, Эмина, став на колени, читала арабские молитвы. Зибельда вернулась с чашей, которая показалась мне выточенной из одного большого изумруда. Обе сестры пригубили ее и велели мне осушить ее одним духом. Я послушался. Эмина поблагодарила меня за сговорчивость и нежно меня обняла. Потом Зибельда прильнула

к моим губам и долго не могла от них оторваться. Наконец, они покинули меня, сказав, что я скоро опять их увижу, а пока они советуют мне постараться скорей заснуть.

Столько удивительных происшествий, чудесных рассказов и неожиданных впечатлений хватило бы мне для раздумий на всю ночь, но должен признаться, что больше всего интересовали меня обещанные сновиденья. Я поспешно разделся, лег на приготовленное для меня ложе и с удовольствием удостоверился, что здесь места хватит не для одних только сновидений. Но едва успел я сделать это наблюдение, как неожиданный сон смежил мои веки, и все ночные иллюзии овладели моими чувствами. Одно фантастическое видение сменялось другим, и мысль моя, летящая на крыльях желанья, невольно переносила меня в африканские серали, открывала прелести, скрытые среди их очарованных стен, и погружала в пучины невыразимых наслаждений. Я чувствовал, что сплю, и в то же время сознавал, что сжимаю в своих объятиях отнюдь не призраков. Я терялся в бесконечных пространствах безумнейших обманов чувств, но хорошо помню, что все время находился в обществе прекрасных родственниц. Засыпал у них на груди и просыпался в их объятиях. Не помню, сколько раз испытал я эти восхитительные перемены...

День второй

Наконец я проснулся по-настоящему. Солнце жгло веки, и мне с трудом удалось их поднять. Я увидел небо, так как находился на открытом воздухе, но сон еще не совсем покинул меня. Я уже не спал, но еще не вполне пробудился. Мучительные картины проходили перед моим умственным взором. Меня охватила тревога. Я вдруг поднялся и сел.

Где найти слова, чтоб описать ужас, овладевший мной? Я лежал под виселицей Лос-Эрманос. Трупы двух братьев Зото не висели, а лежали по обе стороны от меня. Без сомнения, я провел между ними всю ночь. Подо мной были обрывки веревки, остатки колес, кости и отвратительные лохмотья.

Я подумал, что еще сплю и меня гнетет скверный сон. Закрыв глаза, я стал вспоминать впечатления минувшей ночи. И вдруг почувствовал, как мне в бок впиваются когти. Я увидел коршуна, который опустился на меня и стал пожирать одного из моих товарищей по ночлегу. Боль, причиненная когтями, заставила меня окончательно проснуться. Одежда моя лежала возле меня, я стал поспешно одеваться. Одевшись, хотел было выйти из виселичной ограды, но ворота были заперты, и, несмотря на все усилия, я не мог их открыть. Пришлось влезть на эту мрачную изгородь. Взобравшись наверх, я оперся о столб виселицы и стал озирать окрестности. Место мне было уже знакомо. В самом деле, я находился у входа в долину Лос-Эрманос, недалеко от берегов Гвадалквивира.

Обведя все вокруг блуждающим взором, я заметил у реки двух путников, один из которых готовил завтрак, а другой держал за поводья двух коней. Меня так обрадовало это зрелище, что я тотчас стал кричать: «Агур! Агур!» – что значит по-испански: «Привет тебе».

Путники, услышав приветствия, которые кто-то кричит с верхушки виселицы, на мгновение остолбенели, но тут же вскочили на коней и во весь дух поскакали по дороге на Алькорнокес. Я кричал им, чтобы они подождали, но напрасно: чем громче я их звал, тем проворней они удалялись и тем сильнее шпорили коней. Наконец, совсем потеряв их из вида, я стал прежде всего думать о том, как бы выйти из того положения, в котором находился. Я спрыгнул на землю, но упал и ушиб себе ногу.

Хромая, добрал я до берега Гвадалквивира и нашел тут готовый завтрак, с такой поспешностью покинутый двумя путниками. Подкрепление это было как нельзя более кстати, потому что силы мои были страшно истощены. Я нашел здесь еще кипящий шоколад, пропитанное аликанте эспонхадо, хлеб и яйца.

Поев, я стал перебирать в памяти события минувшей ночи. В голове у меня все спуталось, однако я хорошо помнил, что дал честное слово хранить тайну, и решил свято блюсти клятву. Устранив в этом вопросе всякое сомнение, я начал обдумывать, как быть дальше, какую выбрать дорогу. Теперь больше чем когда-либо мне было ясно, что священный закон чести повелевает мне ехать через Сьерра-Морену.

Может показаться странным, что я уделял столько внимания вопросу моей чести и так мало – событиям прошлой ночи, но такой образ мыслей был следствием моего воспитания, как будет видно из дальнейшего. А пока возвращаюсь к своему путешествию.

Мне очень хотелось знать, что сделали черти с моим конем, которого я оставил в Вента-Кемаде; так как путь мой вел опять туда, я решил заглянуть в трактир. Пришлось пройти пешком через всю долину Лос-Эрманос, а также следующую, в которой находилась вента, и я был так измучен, что с нетерпением ждал минуты, когда отыщу своего коня. И вот я нашел его в той самой конюшне, где оставил вчера. Верный мой конь не утратил обычной своей веселости, а блеск его шкуры говорил о том, что кто-то о нем тщательно позаботился. Я не мог понять, кто дал себе этот труд, но мне довелось увидеть столько чудес, что не имело смысла задумываться над одним-единственным. Я тотчас пустился бы в дорогу, если б мне не пришлось

желание еще раз осмотреть трактир. Я нашел комнату, где лег сначала, но, несмотря на самые упорные розыски, не мог найти залы, в которой познакомился с прекрасными мавританками. Наскучив безрезультатным осматриванием всяких закоулков, я сел на коня и тронулся в дальнейший путь.

Когда я проснулся под виселицей Лос-Эрманос, солнце уже почти достигло полудня, почти два часа я потратил на то, чтобы дойти до венты; теперь, сделав еще несколько миль, надо было подумать о новом пристанище, но, не видя нигде признаков жилья, я ехал вперед. Наконец я узрел вдали готическую часовню, к которой прилепилась маленькая хижина, напоминающая жилище отшельника. Все это находилось на значительном расстоянии от дороги, но, так как меня начал мучить голод, я, не колеблясь, свернул туда в надежде найти пищу.

Подъехав, я привязал коня к дереву, постучал в дверь хижины, и оттуда вышел монах весьма почтенной наружности. Он обнял меня с отеческой лаской и промолвил:

– Входи скорей, сын мой, не оставайся ночью под открытым небом, остерегись искушений, ибо господь отвел от нас десницу свою.

Я поблагодарил отшельника за его доброту и напомнил ему о голоде, который меня мучил.

– Подумай пока о спасении души, сын мой, – ответил он, – ступай в часовню, преклони колени и помолись перед распятием. А я позабочусь о потребностях твоего тела. Но тебе придется довольствоваться скромной трапезой, какую можно найти в бедной хижине отшельника.

Я пошел в часовню и на самом деле стал молиться, оттого что не только сам никогда не был безбожником, но даже не понимал, как могут существовать неверующие. Все это было привито мне моим воспитанием.

Через четверть часа отшельник пришел за мной и отвел меня в хижину, где я нашел довольно порядочный ужин. Его составляли превосходные маслины, артишоки, маринованные в уксусе, соус из испанского лука и сухари вместо хлеба, нашлась и бутылка вина, которое отшельник не пил, а употреблял только для святого причастия. Узнав об этом, я тоже до вина не дотронулся.

Во время моей приятной трапезы в хижину вошла такая страшная фигура, какой я до сих пор в жизни не видел. Это был человек, на вид еще молодой, но худобы устрашающей. Волосы взъерошены, один глаз выщерблен и еще кровоточил. Из рта высовывался язык, покрытый пеной. Незнакомец был в довольно приличном черном платье, но не имел ни рубашки, ни исподних.

Отвратительное виденье, не говоря ни слова, уселось, скорчившись, в углу и неподвижно, как статуя, единственным глазом своим вперилось в распятие, которое сжимало в руках. После ужина я спросил отшельника, кто это.

– Сын мой, – ответил старец, – это одержимый, из которого я изгоняю бесов. Страшная история его ясно свидетельствует о той власти, которую ангел тьмы забрал над этой несчастной местностью. Повесть его жизни может содействовать твоему спасению, поэтому я велю ему начать. – И он обратился к одержимому с такими словами: – Пачеко! Пачеко! Именем твоего икупителя приказываю тебе рассказать свою историю.

Пачеко, страшно зарывав, начал.

История одержимого Пачеко

Я родился в Кордове, где отец мой жил в полном довольстве. Три года назад умерла моя мать. Первое время отец мой казался безутешным, но через несколько месяцев ему пришлось поехать в Севилью, и он влюбился там в молодую вдову по имени Камилла де Тормес. Женщина эта не пользовалась хорошей репутацией, и друзья моего отца старались отвлечь его от этого знакомства; но, словно им наперекор, отец женился на ней через два года после смерти

первой жены. Свадьбу сыграли в Севилье, и через несколько дней отец мой вернулся в Кордову с новой супругой и ее сестрой Инезильей.

Поведение моей мачехи целиком оправдывало распространяемые о ней слухи. Прибыв в наш дом, она стала бросать на меня нежные взгляды. Но это не вызвало во мне ответного чувства; я безумно влюбился в ее сестру Инезилью. Страсть моя вскоре до такой степени усилилась, что я упал отцу в ноги и стал умолять его, чтоб он дал мне ее в жены. Отец ласково поднял меня и сказал:

– Запрещаю тебе, сын мой, думать об этом браке по трем причинам: во-первых, неприлично тебе быть шурином своего отца; во-вторых, святые законы церкви не допускают таких браков; в-третьих, я не хочу, чтоб ты женился на Инезилье.

Приведя эти три довода, отец отвернулся от меня и ушел. А я отправился к себе в комнату и предался горькому отчаянию. Мачеха моя, узнав от отца, в чем дело, пришла ко мне и уверила меня, что я напрасно так убиваюсь; хотя я не могу быть мужем Инезильи, ничто не мешает мне стать ее кортехо, то есть любовником, и она берется все это устроить. В то же время, однако, она сказала о своей любви ко мне и о жертве, которую она приносит, уступая сестре первенство. Я жадно слушал эти отрадные для моего уха слова, но, зная скромность Инезильи, несколько не льстил себя надеждой, что они исполнятся.

Вскоре после этого отец мой отправился в Мадрид, где хотел выхлопотать себе должность коррехидора Кордовы, и взял с собой жену и ее сестру. Путешествие должно было продлиться всего два месяца, но для меня, который не мог и дня прожить без Инезильи, время тянулось неслыханно медленно. В конце второго месяца я получил от отца письмо, в котором он приказывал мне ехать ему навстречу и ждать его в Вента-Кемаде, при въезде в Сьерра-Морену. За несколько недель до того я не посмел бы пуститься в Сьерра-Морену, но теперь, когда только что повесили двух братьев Зото, вся банда разбежалась, и дороги стали безопасными.

Я выехал из Кордовы около десяти часов утра и приехал ночевать в Андухар, к самому болтливому трактирщику во всей Андалузии. Велел приготовить обильный ужин и половину его съел, а половину оставил себе на дорогу.

На другой день я подкрепился этими остатками в Лос-Алькорнокес и вечером приехал в Вента-Кемаду. Отца еще не было, но, так как он приказал мне ждать его, я послушался тем охотней, что трактир оказался большой и удобный. Хозяин его, некий Гонсалес из Мурсии, человек добрый, хоть и большой хвастун, обещал приготовить мне ужин, достойный гранда первого класса. Пока он его готовил, я пошел пройтись по берегу Гвадалквивира, а вернувшись, убедился, что ужин в самом деле неплох.

Насытившись, я велел Гонсалесу постелить мне постель. Он смутился и пробормотал что-то невнятное. В конце концов я выяснил, что в трактире завелась нечистая сила. Сам он с семьей перебирается на ночь в соседнюю деревушку на берегу реки, и прибавил, что, если я желаю провести ночь спокойно, он постелет мне подле себя.

Предложение трактирщика показалось мне неуместным – я сказал ему, чтоб он ложился спать, где хочет, и прислал бы мне моих слуг. Гонсалес не стал спорить; он ушел, качая головой и пожимая плечами.

Вскоре появились мои слуги; они уже слышали о предупреждении трактирщика и стали меня уговаривать провести ночь в соседней деревне. Я довольно резко отклонил их советы и велел постелить мне в той самой комнате, где ужинал. Они безропотно, хоть и неохотно, исполнили это приказание и, когда постель была готова, вновь со слезами на глазах стали умолять меня отказаться от мысли ночевать в трактире. Раздраженный их настойчивостью, я позволил себе несколько жестов, заставивших их обратиться в бегство. Я легко обошелся без их помощи, так как имел обыкновение сам раздеваться, – однако почувствовал, что они заботились обо мне больше, чем я того заслуживал своим обращением: они поставили у моей постели зажженную

свечу и вторую, запасную, положили два пистолета и несколько книг. Последние должны были занять меня в часы бодрствования, так как мне в самом деле уже совсем не хотелось спать.

Несколько часов провел я, то читая, то ворочаясь в постели, как вдруг услышал звон колокола или скорей часов, бьющих полночь. Я удивился, тем более что до этого часы как будто ни разу не били. Тотчас дверь отворилась, и я увидел свою мачеху в легком дезабиле, со свечой в руке. Она подошла ко мне на цыпочках, жестом приказывая молчать, поставила свечу на столик, села на постель, взяла мою руку в свои и повела такую речь:

– Дорогой Пачеко, наступило мгновение, когда я могу исполнить данное тебе обещание. Час тому назад мы приехали в этот трактир. Твой отец отправился ночевать в деревню, а я, узнав, что ты здесь, попросила, чтобы он разрешил нам с сестрой остаться. Инезилья ждет тебя. Она ни в чем тебе не откажет, но помни об условии твоего счастья. Ты любишь Инезилью, а я люблю тебя. Из нас троих двое не должны наслаждаться счастьем за счет третьего. Я хочу, чтобы мы все трое спали в одной постели. Иди за мной.

Мачеха не дала мне времени для ответа; взяв меня за руку, она провела меня по длинным коридорам – к последней двери и заглянула сквозь замочную скважину.

Насмотревшись, она сказала мне:

– Все идет как надо, гляди сам.

В самом деле, я увидел прелестную Инезилью: она лежала на ложе, но в ней не было ничего от ее обычной скромности. Выражение лица, частое дыхание, пылающие щеки, самая поза – все говорило о том, что она ждет появления любовника.

Камилла, дав мне насмотреться, промолвила:

– Побудь здесь, милый Пачеко. Я скоро за тобой приду.

Когда она вошла в комнату, я снова приложил глаз к замочной скважине и увидел множество таких вещей, которые мне нелегко описать. Камилла не спеша разделась, легла в постель к сестре и сказала ей:

– Несчастливая Инезилья, неужели ты в самом деле хочешь иметь любовника? Бедная девочка! Ты не знаешь, какую придется тебе пережить боль. Он на тебя накинется, стиснет, ранит...

Сочтя это поучение достаточным для своей воспитанницы, Камилла открыла дверь, подвела меня к постели сестры и легла вместе с нами. Что могу я сказать об этой несчастной ночи? Я познал вершины греха и наслаждения. Боролся со сном и природой, чтобы как можно дольше продлить адские утехы. Наконец я заснул, а наутро проснулся под виселицей братьев Зото, трупы которых лежали по бокам от меня.

Тут отшельник прервал одержимого, обратившись ко мне со словами:

– Ну как, сын мой? Что ты об этом думаешь? Наверно, у тебя в голове помутилось бы от страха, окажись ты вдруг между двумя повешенными?

– Ты меня обижаешь, отец мой, – возразил я. – Дворянин не должен ничего бояться, особенно когда имеет честь быть капитаном валлонской гвардии.

– Однако же, сын мой, – перебил отшельник, – слышал ли ты, чтобы с кем-нибудь произошел подобный случай?

Мгновение помолчав, я ответил:

– Если подобный случай произошел с сеньором Пачеко, он вполне мог произойти и с другим. Думаю, лучше будет, если ты велишь ему продолжать.

Отшельник, повернувшись к одержимому, произнес:

– Пачеко! Пачеко! Именем твоего искупителя приказываю тебе продолжать.

Пачеко, страшно зарывав, стал рассказывать дальше:

– Я убежал из-под виселицы ни жив, ни мертв. Потасился сам не зная куда, наконец встретил путников, которые сжалились надо мной и отвели меня к Вента-Кемаде. Я застал трактирщика и слуг моих в большой тревоге о моей судьбе. Спросил у них, действительно ли отец мой провел ночь в деревне поблизости. Они ответили, что никто из моих родных пока еще не приезжал.

Я больше не в силах был оставаться в Вента-Кемаде и вернулся в Андухар. Приехал я туда уже после захода солнца; трактир был полон народа, и мне постелили на кухне. Я лег, но напрасно старался заснуть: мерзости минувшей ночи не выходили у меня из головы. Я поставил на кухонном очаге зажженную свечу, но она вдруг погасла, и я почувствовал, что кровь стынет у меня в жилах от смертельного ужаса. Что-то начало тянуть мое одеяло, и я тотчас услышал тихий голос, говорящий такие слова:

– Это я, Камилла, твоя мачеха. Я дрожу от холода. Милый Пачеко,пусти меня под одеяло.

– Это я, Инезилья, – перебил другой голос, – позволь мне лечь к тебе. Мне тоже холодно.

И я почувствовал, как холодная рука гладит меня по подбородку. Собрав все свои силы, я крикнул:

– Отойди от меня, сатана!

На это оба голоса по-прежнему тихо ответили:

– Как? Ты нас гонишь? Ведь ты – наш муж! Нам холодно, мы разведем огонь в печи.

В самом деле, вскоре в очаге занялось легкое пламя. Когда немного посветлело, я открыл глаза и увидел уже не Камиллу и Инезилью, а двух братьев Зото, висящих над очагом.

При этом страшном зрелище я чуть не лишился чувств. Вскочил с постели, выпрыгнул прямо в окно и бросился бежать в поле. Через несколько мгновений я подумал, что счастливо отделался от ужасных призраков, но, обернувшись, увидел, что висельники гонятся за мной. Я пустился со всех ног вперед и вскоре оставил висельников далеко позади. Но радость моя недолго длилась. Гнусные создания пошли колесом, пустив в ход руки и ноги, и в одну минуту догнали меня. Я попробовал было убежать, но в конце концов силы мои иссякли.

Вдруг я почувствовал, что один из повешенных схватил меня за левую лодыжку; я хотел ее выдернуть, но тут второй встал мне поперек дороги. Остановился, вытаращил на меня свои страшные глаза и высунул красный, как раскаленное железо, язык. Я стал просить пощады – напрасно. Одной рукой он схватил меня за горло, а другой – вырвал вот этот глаз, до сих пор рана никак не заживет. Потом всунул в пустую глазницу свой раскаленный язык и начал лизать мне мозг, так что я взревел от боли.

В то же время тот висельник, что схватил меня за левую ногу, стал работать когтями. Сперва начал щекотать мне подошву, потом это адское чудовище содрало с нее кожу, повывтаскивало все нервы, очистило их от крови и стало перебирать по ним пальцами, словно по струнам музыкального инструмента. Но, видя, что они не издают приятных для него звуков, впустил когти мне под колено, поддел связки и начал их подкручивать, точь-в-точь как если бы настраивал арфу. В конце концов он принялся играть на моей ноге, превратив ее в какое-то подобие гуслей. Я слышал его дьявольский смех, и адские завывания сливались с моими пронзительными криками. Уши мои раздирал скрежет окаянных: мне казалось, что они разрывают зубами все фибры моего тела; в конце концов я лишился чувств.

Утром пастухи нашли меня в поле и принесли сюда. Я исповедался в грехах и у подножия алтаря нашел некоторое облегчение своим страданиям.

Сказав это, одержимый страшно зарычал и умолк. Теперь заговорил отшельник.

– Убедился, юноша, в могуществе сатаны, так молись и плачь. Но время уже позднее, нам пора разойтись. Я не предлагаю тебе на ночь своей кельи, – обратился он ко мне, – там крики Пачеко не дадут заснуть. Лучше ляг в часовне; крест обережет тебя от злых духов.

Я ответил отшельнику, что лягу, где он укажет. Мы внесли в часовню походную койку, и отшельник удалился, пожелав мне доброй ночи.

Оставшись один, я начал перебирать в памяти рассказанное Пачеко. На самом деле, его история в некоторых отношениях напоминала пережитое мной самим; когда я раздумывал над этим, пробило полночь. Не знаю, звонил ли отшельник в колокол, или это прозвучал дьявольский сигнал. Потом я услышал, как кто-то скребется в дверь. Я привстал и спросил:

– Кто там?

Тихий голос ответил мне:

– Нам холодно... открой... это мы... твои милые.

– Как бы не так, проклятые висельники, – крикнул я. – Убирайтесь прочь, на свои глаголи! И не мешайте мне спать!

Тихий голос снова отозвался:

– Ты смеешься над нами, потому что сидишь в часовне. А ты выйди к нам сюда, во двор!

– Извольте! – не долго думая ответил я.

Я выхватил шпагу из ножен и хотел выйти, но – не тут-то было. Дверь оказалась запертой. Я сказал об этом упырям, но те не ответили ни слова. Тогда я лег спать и проспал до утра.

День третий

Разбудил меня голос отшельника, видимо, несказанно обрадованного тем, что я цел и невредим. Со слезами на глазах он обнял меня и промолвил:

– Удивительные дела творились этой ночью, сын мой. Открой мне правду: не ночевал ли ты в Вента-Кемаде и не имел ли там дело с нечистой силой? Зло еще можно исправить. Преклони колени у подножья алтаря, признайся в своей вине и сотвори покаяние.

Он довольно долго увещевал меня, потом умолк и подождал, что я отвечу.

– Отец мой, – сказал я, – ведь я исповедовался перед выездом из Кадиса и с тех пор, по моему, не совершил никаких смертных грехов – разве только во сне. Я действительно ночевал в Вента-Кемаде, но если что там видел, у меня есть свои основания не вспоминать об этом.

Отшельник, видимо, весьма удивился такому ответу; он стал корить меня за то, что я впал в сатанинскую гордыню, и в конце концов принялся убеждать в настоятельной необходимости исповедаться. Однако вскоре, увидев, что я непоколебимо стою на своем, смягчился, оставил апостольский тон, каким говорил со мной, и промолвил:

– Сын мой, меня удивляет твоя отвага. Скажи мне, кто ты, кто тебя воспитал и веришь ли ты в духов, – утоли, пожалуйста, мое любопытство.

– Отец мой, – ответил я, – ты делаешь мне честь, желая ближе узнать мою особу, и будь уверен, что я эту честь умею ценить. Позволь мне одеться, я приду в келью и расскажу о себе подробности, какие только пожелаешь.

Отшельник опять обнял меня и ушел.

Одевшись, я отправился в келью. Я застал старца за кипячением козьего молока, которое он подал мне с сахаром и хлебом, сам удовлетворившись какими-то кореньями. Позавтракав, он обратился к одержимому со словами:

– Пачеко! Пачеко! Именем твоего искупителя приказываю тебе гнать коз на гору.

Пачеко страшно зарычал и пошел.

А я начал рассказывать свою собственную историю.

История Альфонса Ван Вордена

Я происхожу из старинного рода, который не изобиловал, однако, ни знаменитыми мужами, ни того менее – значительными богатствами. Все наше владение состояло из рыцарского лена под названием Ворден, входившего в состав Бургундского герцогства и расположенного в Арденнских горах.

Отец мой, имея старшего брата, должен был довольствоваться небольшой частью наследства, которой ему, однако, хватало, чтобы вести жизнь, приличную офицеру. Он прослужил всю войну за испанское наследство, и после заключения мира Филипп V возвел его в чин подполковника валлонской гвардии.

В испанской армии действовал тогда кодекс чести, разработанный с необычайной мелочностью, однако, по мнению моего отца, он был еще недостаточно строг. Говоря по правде, отца нельзя за это упрекать, поскольку честь в армии должна быть превыше всего. В Мадриде не было ни одного поединка, в котором отец не выступал бы арбитром, и если он говорил, что удовлетворение достаточное, никто против этого решения не осмеливался возражать. Если же случалось, что кто-то остался не вполне удовлетворенным, то он имел дело с моим отцом, который подкреплял каждое свое суждение острием шпаги. Кроме того, у отца была большая книга, в которой он записывал историю каждого поединка со всеми его особенностями, и в чрезвычайных случаях обычно обращался к ней за советом.

Занятый целиком своим кровавым трибуналом, отец мой долго оставался недоступным любви; но в конце концов сердце его не устояло против очарования одной очень молодой девушки – Урраки Гомелес, дочери оидора Гранады, происходящей из рода прежних королей этого края. Общие друзья вскоре сблизили обе стороны и сосватали их.

Мой отец решил пригласить на свадьбу всех, с кем когда-либо дрался на дуэли и которых, само собой разумеется, не убил. За стол село сто двадцать два человека; тринадцати не было в Мадриде, о местопребывании тридцати трех, с которыми он дрался в армии, он не мог получить никаких сведений. Мать говорила мне, что никогда не видела такого веселого пира, на котором царила бы такая душевная непринужденность. И я охотно этому верю, так как у отца было прекрасное сердце и все его любили.

Отец мой, очень привязанный к Испании, никогда не оставил бы по собственной воле службу, если бы через два месяца после женитьбы не получил письма за подписью мэра города Буйона. Ему сообщали, что брат его умер, не имея потомства, и оставил ему все состояние. Известие это ошеломило отца, и, по словам матери, он впал в такое оцепенение, что от него нельзя было добиться ни слова. Наконец он раскрыл свою хронику, отыскал в ней двенадцать человек, на счету которых больше всего было дуэлей в Мадриде, пригласил этих людей к себе и обратился к ним с такими словами:

– Дорогие товарищи по оружию, вы знаете, как часто я успокаивал ваши сомнения, когда ваша честь была под угрозой. А нынче я сам вынужден обратиться к вашему просвещенному совету, так как боюсь, что мое собственное суждение может оказаться не вполне правильным, или, верней, пристрастным. Вот письмо от буйонского мэра, свидетельство которого заслуживает доверия, хоть он и не дворянин. Скажите мне, повелевает ли мне честь поселиться в замке моих предков или и дальше служить королю дону Филиппу, который осыпал меня благодеяниями и в последнее время возвел в чин бригадного генерала. Оставляю письмо на столе, а сам ухожу. Через полчаса вернусь, чтоб узнать, как вы решите.

С этими словами отец мой вышел из комнаты. Когда он вернулся, началось голосование. Пять голосов было за то, чтоб остаться на службе, семь за переселение в Арденнские горы. Отец безропотно подчинился решению большинства.

Моя мать охотно осталась бы в Испании, но она так любила мужа, что без малейшего сожаления согласилась покинуть родину. С этой минуты единственным занятием отца и матери стали сборы в дорогу да наем кое-каких людей, которые могли бы среди Арденнских гор напоминать об Испании. Хоть меня тогда не было на свете, однако отец мой, нисколько не сомневаясь в моем появлении, подумал, что пора уже подыскать мне учителя фехтования. С этой целью он обратился к Гарсиасу Иерро, искуснейшему мастеру фехтования во всем Мадриде. Этот юноша, наскучив тычками, каждый день получаемыми на Пласаде-ла-Себада, охотно согласился на предложенные ему условия. Со своей стороны, моя мать, не желая пускаться в дальний путь без духовника, выбрала Иньиго Велеса, богослова, получившего образование в Куэнке, который должен был научить меня основам католической религии и испанскому языку. Все эти меры были приняты за полтора года до моего появления на свет.

Когда все уже было готово к отъезду, отец пошел проститься с королем и, по обычаю, принятому при испанском дворе, преклонил одно колено, чтобы поцеловать ему руку, но вдруг печаль так стиснула ему сердце, что он потерял сознание и в обморочном состоянии был доставлен домой. На другой день он пошел проститься с доном Фернандо де Лара, который был тогда первым министром. Дон Фернандо принял его очень приветливо и сообщил, что король жалует ему двенадцать тысяч реалов пожизненной пенсии со званием сархенто хенераль, что соответствует дивизионному генералу. Отец отдал бы полжизни за то, чтобы иметь счастье еще раз припасть к стопам монарха, но так как он уже простился, то должен был на этот раз ограничиться письменным выражением чувства горячей благодарности, которым проникся до глубины души. Наконец, не без горьких слез, он покинул Мадрид. Дорогу он выбрал через Ката-

лонию, чтобы еще раз увидеть поля, на которых столько раз доказал свою отвагу, и проститься с несколькими старыми товарищами, которые командовали отрядами войск, расположенными вдоль границ. Оттуда через Перпиньян он въехал во Францию.

Вся дорога до Лиона прошла как нельзя более спокойно, но после Лиона, откуда отец выехал на почтовых, его обогнал легкий экипаж, который первым прибыл на станцию. Подъехав к почте, отец увидел, что у опередившего его экипажа уже меняют лошадей. Он немедленно взял шпагу и, подойдя к проезжающему, попросил его уделить ему минуту для разговора наедине. Проезжающий, какой-то французский полковник, видя, что отец мой в генеральском мундире, чтоб быть на высоте, тоже пристегнул шпагу. Оба вошли в находившийся напротив почты трактир и потребовали отдельное помещение. Когда они остались с глазу на глаз, мой отец обратился к проезжему с такими словами:

– Сеньор кавалер, ваш экипаж обогнал мою карету, стремясь во что бы то ни стало первым достичь почты. Поступок этот, как бы он ни был сам по себе незначителен, мне все же не по вкусу, так что потрудитесь дать объяснение.

Полковник, крайне удивленный, свалил всю вину на почтальона и дал слово, что сам в это дело отнюдь не вмешивался.

– Сеньор кавалер, – перебил мой отец, – я отнюдь не придаю этому обстоятельству большого значения и поэтому считаю достаточным драться до первой крови.

С этими словами он обнажил шпагу.

– Одну минуту, сударь, – сказал француз. – По-моему, это не мои почтальоны обогнали ваших, а наоборот – ваши отстали из-за своей нерадивости.

Мой отец немного подумал, потом сказал:

– Кажется, вы правы и, если бы вы поделились со мной этим соображением раньше, то есть до того, как я обнажил шпагу, то, несомненно, дело обошлось бы без поединка. Но теперь, сеньор, когда мы зашли так далеко, без небольшого кровопролития нельзя разойтись.

Видимо, полковник нашел довод вполне основательным; он тоже обнажил шпагу. Бой был короткий. Мой отец, почувствовав, что ранен, тотчас опустил острие своей шпаги и извинился перед полковником, что решился его затруднить, а тот в ответ предложил свои услуги и назвал место, где его можно найти в Париже, после чего сел в экипаж и уехал.

Отец мой сначала не обращал внимания на рану, но на теле его было столько следов прежних ран, что новый удар пришелся по старому рубцу. Шпага полковника вскрыла огнестрельную рану, в которой еще оставалась мушкетная пуля. Теперь свинец вышел наружу, и только после двухмесячных припарок и перевязок родители мои отправились в дальнейший путь.

Едва прибыв в Париж, отец поспешил навестить маркиза д'Юрфе (так звался полковник, с которым он имел столкновение). Этот человек пользовался большим влиянием при дворе. Он принял моего отца с исключительным радушием, обещал представить его министру, а также высшим французским сановникам. Отец поблагодарил маркиза и попросил только, чтоб он представил его герцогу де Таванн, тогдашнему председателю суда чести, желая получить более подробные сведения относительно этого суда, о котором был всегда высокого мнения, часто говорил о нем в Испании как о чрезвычайно мудром учреждении и всеми силами старался ввести его в той стране. Маршал тоже рад был познакомиться с моим отцом и рекомендовал его кавалеру Бельевру, первому секретарю суда чести и референдарию упомянутого трибунала.

Кавалер в один из своих частых визитов к моему отцу увидел у него летопись дуэлей. Это произведение показалось ему до такой степени единственным в своем роде, что он попросил позволения показать его господам маршалам, то есть членам суда чести, которые разделили мнение своего секретаря и обратились к моему отцу с просьбой разрешить сделать копию, которая будет передана на вечные времена в архив трибунала. Просьба эта доставила отцу невероятное удовольствие, и он с радостью дал согласие.

Подобное внимание все время услаждало моему отцу жизнь в Париже, но совсем иначе обстояло дело с моей матерью. Она приняла непоколебимое решение не только не учиться французскому языку, но даже не слушать, когда на нем говорят. Ее духовник Иньиго Велес все время едко высмеивал терпимость галликанской церкви, а Гарсиас Иерро кончал каждый разговор утверждением, что французы – трусы и недотепы.

Наконец родители мои оставили Париж и после четырех дней пути приехали в Буйон. Отец исполнил все требуемые формальности и вступил во владение имуществом. Кров наших предков был давно лишен не только присутствия хозяев, но и черепиц; дождь лил в комнатах совершенно так же, как на дворе, с той лишь разницей, что мощный двор скоро просыхал, между тем как в комнатах лужи становились все больше. Затопление домашнего очага очень нравилось моему отцу, так как напоминало осаду Лериды, когда он провел три недели, стоя по пояс в воде.

Несмотря на эти милые воспоминания, он все же постарался поместить постель жены в сухом месте. В просторной гостиной был фламандский камин, у которого с удобством могли усестись пятнадцать человек. Выступающий свод камина образовывал как бы крышу, поддерживаемую с каждой стороны двумя колоннами. Дымоход заколотили и под крышей поставили постель моей матери, столик и кресло, а так как устье камина находилось на фут выше уровня пола, получился как бы остров, в какой-то мере недоступный для наводнения.

Отец обосновался в противоположном конце гостиной на двух столах, соединенных досками, и между обеими постелями был перекинут мост, подпертый посередине чем-то вроде плотины из ящиков и сундуков. Сооружение было закончено в день приезда в замок, и ровно через девять месяцев я появился на свет.

Во время горячих хлопот по устройству жилья отец получил письмо, переполнившее его сердце радостью. В этом письме маршал, герцог де Таванн, просил его быть арбитром в одном деле чести, которое оказался не в силах рассудить весь трибунал. Отца это доказательство исключительного расположения так обрадовало, что он решил по этому поводу устроить для соседей пышный бал. Но так как у нас не было никаких соседей, бал свелся к фанданго, которое станцевали мой учитель фехтования и главная камеристка моей матери сеньора Фраска.

Отец мой в своем ответном письме маршалу попросил, чтобы в дальнейшем ему присылали выписки решений трибунала. Эта любезность была ему сделана, и с этих пор в начале каждого месяца он получал большой пакет, который давал на четыре недели пищу для домашних разговоров в долгие зимние вечера – у камина, а летом – на двух скамьях, прислоненных к воротам замка.

Когда я уже ясно дал знать о предстоящем своем рождении, у отца только и было с моей матерью разговоров, что о сыне, которого он ждал, и о выборе крестного отца. Мать высказывалась за герцога де Таванна или маркиза д'Юрфе; отец признавал, что это было для нас очень почетно, но опасался, как бы эти господа не подумали, что оказывают нам слишком большую честь. Подчиняясь вполне обоснованному чувству осторожности, он остановился на кавалере Бельевре, который, со своей стороны, почтительно и с благодарностью принял приглашение.

Наконец я появился на свет. В трехлетнем возрасте я уже размахивал маленькой рапирой, в шестилетнем – стрелял из пистолета, не зажмуривая глаза. Мне было почти семь лет, когда мой крестный отец приехал к нам с визитом. Потом кавалер женился и занимал в Турней пост лейтенанта коннетаблии и референдария при суде чести. Звание это сохранилось еще от времен божьих судов, потом его передали трибуналу маршалов Франции.

Госпожа де Бельевр была очень слабого здоровья, и муж вез ее на воды в Спа. Оба страшно меня полюбили и, не имея своих детей, стали просить моего отца, чтоб он доверил им мое воспитание, которое не может быть достаточно тщательным в безлюдной местности, где мы жили. Отец охотно уступил их просьбам, особенно соблазненный званием референда-

рия суда чести, обещавшим ему, что в доме Бельевров я заблаговременно усвою принципы, способные обеспечить мне успехи в будущем.

Сначала предполагалось, что со мной поедет Гарсиас Иерро, так как отец всегда держался того мнения, что самый благородный поединок – это шпага в правой и кинжал в левой руке. Во Франции же такой способ был совершенно неизвестен. Но ввиду того, что отец привык каждое утро фехтовать с Гарсиасом у замковой стены и это развлечение стало необходимым для его здоровья, он решил оставить учителя фехтования при себе.

Собирались также послать со мной теолога Иньиго Велеса, но, так как мать говорила только по-испански, невозможно было лишить ее духовника, знающего этот язык. Так был я разлучен с двумя людьми, предназначавшимися еще до моего рождения мне в учителя. Однако мне дали испанского слугу, чтобы я не забывал материнский язык.

Я уехал с крестным отцом в Спа, где мы провели два месяца; оттуда мы отправились в Голландию, а в конце осени вернулись в Турней. Кавалер де Бельевр как нельзя лучше оправдал надежды моего отца и в продолжение шести лет не жалел усилий, чтоб из меня со временем вышел отличный военный. В конце шестого года моего пребывания в Турней умерла госпожа де Бельевр. Муж ее покинул Фландрию и переехал в Париж, а меня вернули в родительский дом.

Путешествие из-за дождливой погоды было мучительное. Приехав в замок через два часа после захода солнца, я застал всех его обитателей у камина. Отец, хоть и счастливый моим приездом, не проявил, однако, никаких признаков радости, боясь сделать смешным то, что вы, испанцы, называете *la gravedad*²; зато мать встретила меня со слезами. Теолог Иньиго Велес приветствовал меня благословением, а что касается Иерро, то он подал мне рапиру. Я тотчас сделал выпад против него и несколько раз его тушировал, дав присутствующим представление о моем незаурядном искусстве. Отец был слишком тонким знатоком, чтобы не сменить холодной сдержанности бурным восхищением.

Был подан ужин, и все весело сели за стол. После ужина опять собрались у камина, и отец сказал теологу:

– Преподобный дон Иньиго, сделай милость, принеси большую книгу с удивительными историями и прочти нам какую-нибудь из них.

Теолог пошел к себе в комнату и скоро вернулся с огромным фолиантом в белом пергаменте, уже пожелтевшем от старости. Раскрыл наугад и стал читать.

История Тривульцио из Равенны

Жил-был много лет тому назад в итальянском городе под названием Равенна юноша по имени Тривульцио, красивый, богатый, но при этом крайне надменный. Когда он проходил по улицам, равеннские девушки выглядывали из окон, но ни одна не могла произвести на него впечатления. Если все же случалось, что какая-нибудь ему и понравится, он молчал из боязни оказать ей слишком большую честь. Но в конце концов чары юной Нины деи Джерачи сокрушили его гордость, и Тривульцио признался ей в любви. Нина ответила, что это ей крайне лестно, но что она с детских лет любит своего двоюродного брата Тебальдо деи Джерачи и не перестанет любить его до самой смерти. Выслушав этот неожиданный ответ, Тривульцио ушел, проявляя признаки яростного гнева.

Через неделю – это было как раз в воскресенье, когда все жители Равенны направлялись в собор Святого Петра, – Тривульцио увидел в толпе Нину под руку с ее двоюродным братом. Он завернулся в плащ и поспешил за ними.

---

² Серьезный момент (*исп.*).

В церкви, где нельзя закрывать лицо плащом, влюбленные могли бы легко заметить, что Тривульцио преследует их, но они были всецело заняты собой и не обращали внимания даже на богослужение, что, по совести говоря, большой грех.

Между тем Тривульцио сел позади них на скамью и стал слушать их разговор, растравляя в себе злобу. Вскоре священник вышел на амвон и сказал:

– Милые братья, оглашаю желающих сочетаться друг с другом Тебальдо и Нину деи Джерачи. Нет ли у кого из вас возражений против этого брака?

– У меня есть возражение! – крикнул Тривульцио и в то же мгновение нанес влюбленным более десяти ударов кинжалом.

Его хотели задержать, но он опять схватился за кинжал, вырвался из собора, скрылся из города и бежал в Венецию.

Тривульцио был горд и развращен жизненными успехами, но душа у него была чувствительная; угрызания совести мстили ему за несчастных жертв. Он стал переезжать из города в город, проводя жизнь в печали. Через некоторое время родственники его уладили все дело, и он вернулся в Равенну; но это уже был не прежний сияющий от счастья и кичливый своей красотой юноша. Он до того изменился, что даже кормилица не узнала его.

В первый же день по приезде Тривульцио спросил, где могила Нины. Ему ответили, что Нина похоронена вместе со своим возлюбленным в соборе Святого Петра, рядом с тем местом, где они были убиты. Тривульцио, дрожащий, пошел в собор, упал на гробницу и облил ее горячими слезами. Несмотря на боль, испытываемую несчастным убийцей, слезы все же принесли ему облегчение; он отдал свой кошелек ключарю и получил позволение входить в церковь когда угодно. С тех пор он приходил каждый вечер, и ключарь так к нему привык, что не обращал на него и малейшего внимания.

Однажды вечером Тривульцио, проведя предыдущую ночь без сна, заснул на могиле, а проснувшись, обнаружил, что церковь уже заперта; тогда он смело решил провести ночь в месте, которое так отвечало его глубокой печали. Он слушал бой часов – час за часом – и каждый раз жалел, что последний удар не несет с собой последнее мгновение его жизни.

Наконец пробило полночь. Отворилась дверь в ризницу, и Тривульцио увидел ключаря с фонарем в одной и метлой в другой руке. Но это был не обычный ключарь, а скелет; у него, правда, сохранилось немного кожи на лице и что-то вроде ввалившихся глаз, но было ясно, что стихарь прикрывает голые кости.

Страшный ключарь поставил фонарь на большом алтаре и зажег все свечи, будто для вечерни; потом принялся подметать церковь и смахивать пыль со скамей, несколько раз прошел даже мимо Тривульцио, но словно не замечал его. Наконец подошел к двери ризницы и стал звонить в колокольчик, в ответ гробницы раскрылись, вышли увитые в покровы мертвецы и затянули мрачную литанию. Потом один из мертвецов, в стихаре и епитрахили, вышел на амвон и сказал:

– Милые братья, оглашаю вам предстоящее бракосочетание Тебальдо и Нины деи Джерачи. Проклятый Тривульцио, у тебя есть возражения?

* * *

Тут отец мой прервал теолога и, обращаясь ко мне, промолвил:

– Сын мой Альфонс, а ты испугался бы, если б был на месте Тривульцио?

– Дорогой отец, – ответил я, – мне кажется, я страшно испугался бы.

Услышав это, отец мой рванулся в приступе бешеного гнева, кинулся к шпаге и хотел было пригвоздить меня ею к стене.

Присутствующие бросились между нами и сумели кое-как его успокоить. Сев на место, он посмотрел на меня грозным взором и сказал:

– Сын, недостойный своего отца, твоя низость в некотором отношении позорит полк валлонской гвардии, в который я хотел тебя определить.

После этих горьких упреков, от которых я готов был сгореть со стыда, наступило глубокое молчание. Гарсиас первый прервал его, обратившись к моему отцу со словами:

– Может, лучше было бы, ваша светлость, постараться убедить сына вашей милости, что на свете нет ни ведьм, ни вампиров, ни мертвецов, поющих литанию. Тогда он, конечно, забыл бы о них и думать.

– Сеньор Иерро, – сухо ответил мой отец, – вы забываете, что вчера я имел честь показывать вам историю о духах, написанную собственной рукой моего прадеда.

– Я вовсе не собираюсь подвергать сомнению правдивость прадеда вашей светлости, – возразил Гарсиас.

– Что ты хочешь этим сказать? – возразил отец, – «Вовсе не собираюсь подвергать сомнению правдивость...» Разве мы не понимаем, что это выражение допускает возможность с твоей стороны сомнений в правдивости моего прадеда?

– Ваша светлость, – ответил Гарсиас, – я знаю, что представляю собой слишком малозначительную особу, чтобы светлейший прадед вашей милости мог потребовать от меня какое-либо удовлетворение.

Тут мой отец с еще более угрожающим видом воскликнул:

– Иерро! Сохрани тебя бог от оправданий, заключающих в себе возможность оскорбления.

– В таком случае, – сказал Гарсиас, – мне остается лишь покорно перенести кару, которую вашей милости угодно будет назначить мне от имени вашего прадеда. Осмелюсь только просить, чтобы во избежание поругания моей чести кара эта была наложена нашим духовником: тогда я мог бы рассматривать ее как церковную епитимью.

– Это неплохая мысль, – сказал мой отец, заметно успокаиваясь. – Помню, я написал когда-то трактатец о способах удовлетворения чести в тех случаях, когда не могла иметь места дуэль; надо будет об этом поразмыслить.

Сперва отец как будто размышлял об этом предмете, но, переходя от одного соображения к другому, в конце концов заснул в своем кресле. Моя мать и теолог давно уже спали, и Гарсиас не замедлил последовать их примеру. Я ушел к себе в комнату; так прошел первый день после моего возвращения в родной дом.

На другое утро я фехтовал с Гарсиасом, потом отправился на охоту, а после ужина, когда все уселись вокруг камина, отец опять послал теолога за большой книгой. Его преподобие принес книгу, открыл ее наугад и принялся читать следующее.

История Ландульфа из Феррары

В итальянском городе Ферраре жил некогда один юноша по имени Ландульф. Он был распутник без чести и веры, наводивший страх на всех благочестивых жителей. Негодяй этот предпочитал общество непотребных женщин; он знал их всех, но ни одна так не нравилась ему, как Бианка де Росси, потому что превосходила всех остальных в разврате.

Бианка была не только распутна, жадна и испорчена в самом своем существе, но, кроме того, требовала от своих любовников низких поступков. Как-то раз она попросила Ландульфа, чтобы тот сводил ее ужинать к своей матери и сестре. Ландульф сейчас же пошел к матери и объявил ей об этом намерении, словно не видел в этом ничего непристойного. Бедная мать, заливаясь слезами, стала заклинять сына, чтоб он не позорил сестру. Ландульф остался глух к этим просьбам, обещал только по возможности блюсти тайну, потом пошел за Бианкой и привел ее к себе в дом. Мать и сестра Ландульфа приняли негодницу гораздо лучше, чем она заслуживала, но Бианка, видя их доброту, удвоила наглость, повела непристойные речи и при-

нялась посвящать сестру своего любовника в такие вещи, без которых та вполне обошлась бы. Наконец, выпроводила обеих из комнаты, заявив, что желает остаться с Ландульфом наедине.

На следующее утро бессовестная распространила эту историю по всему городу, и несколько дней только об этом всюду и шла речь. Наконец весть об этом дошла до Одоардо Дзампи, брата Ландульфово́й матери. Одоардо был отнюдь не склонен оставлять обиды безнаказанными, он вступился за свою сестру и в тот же самый день приказал убить негодную Бианку. Придя к своей любовнице, Ландульф нашел ее истекающей кровью и мертвой. Вскоре он узнал, что это дело рук его дяди, и кинулся мстить, но Одоардо окружили преданные друзья и стали еще насмехаться над бессильной злобой Ландульфа.

Не зная, на кого излить свой гнев, Ландульф побежал к матери, чтобы оскорбить ее. Бедная женщина как раз сидела с дочерью и ужинала; увидев входящего сына, она спросила, придет ли Бианка и нынче ужинать.

– Если б только она могла прийти, – крикнул Ландульф, – и увести тебя в ад вместе с твоим братом и всем семейством Дзампи.

Несчастливая мать упала на колени, воскликнув:

– Господи боже, прости ему это богохульство!

В это мгновенье дверь с грохотом открылась, и на пороге показался страшный призрак, весь покрытый стилетными ранами, в котором, однако, нельзя было не узнать труп Бианки.

Мать и сестра Ландульфа стали усердно молиться, и бог смиловался над ними, позволив им вынести это ужасное зрелище и не умереть со страху.

Призрак медленно подошел и сел за стол, как бы собираясь ужинать. Ландульф с отвагой, которую мог ему внушить только ад, подвинул к нему блюдо. Призрак разинул такую огромную пасть, что казалось – голова у него распалась надвое, и оттуда полыхнуло красноватое пламя; потом он протянул осмоленную руку, взял кусок, проглотил его, и сейчас же стало слышно, как этот кусок падает под стол. Таким способом призрак пожрал все содержимое блюда: все куски оказались под столом. Тогда, устремив на Ландульфа страшные глаза, призрак произнес:

– Ландульф, я у тебя отужинала и ночевать буду с тобой. Ступай в постель.

Тут мой отец, перебив духовника, обратился ко мне с такими словами:

– Сын мой Альфонс, испугался бы ты на месте Ландульфа?

– Дорогой отец, – ответил я, – ручаюсь, что нисколько не испугался бы.

Этот ответ понравился отцу, и он в течение всего вечера был весел.

Так проходили день за днем, с той разницей, что зимой мы сидели у камина, а летом – на скамье у ворот замка. Шесть лет протекло в этом сладостном покое, и теперь при воспоминании о них мне кажется, что каждый год длился не больше недели.

Когда мне исполнилось семнадцать лет, отец решил определить меня в полк валлонской гвардии и с этой целью написал некоторым старым своим приятелям, на помощь которых мог рассчитывать. Эти почтенные, уважаемые военные общими усилиями добились для меня звания капитана. Получив это известие, отец так разволновался, что опасались за его жизнь. Однако он скоро пришел в себя и с тех пор был занят одними только приготовлениями к моему отъезду. Он хотел, чтоб я отправился морем и, высадившись в Кадисе, сперва представился наместнику провинции дону Энрике де Са, больше всего сделавшему для моего назначения.

Когда во двор к нам уже въехала почтовая карета, отец повел меня в свою комнату и, заперев двери на замок, сказал:

– Дорогой Альфонс, я хочу открыть тебе тайну, которую передал мне мой отец, а ты – придет время – передашь твоему сыну, убедившись, что он этого достоин.

Уверенный, что речь пойдет о каком-нибудь кладе, я ответил, что гляжу на золото единственно как на средство, позволяющее оказывать помощь несчастным.

– Ты ошибаешься, милый Альфонс, – возразил отец, – дело не в золоте или серебре. Я хочу научить тебя до сих пор незнакомому приему, при помощи которого, парируя удар и осуществляя выпад сбоку, ты наверняка выбьешь оружие из руки противника.

Тут он взял рапиру, показал мне этот прием, благословил на дорогу и проводил до кареты. Я обнял мать и через мгновение покинул родительский замок.

Добравшись по суше до Флисингена, я сел там на корабль и высадился в Кадисе. Дон Энрике де Са принял во мне такое участие, как если б я был его родным сыном, помог мне экипироваться и рекомендовал двух слуг, одного из которых звали Лопес, а другого – Москито. Из Кадиса мы отправились в Севилью, из Севильи в Кордову, потом в Андухар, откуда я решил ехать через Сьерра-Морену. К несчастью, возле источника Лос-Алькорнокес оба слуги мои покинули меня. Несмотря на это, я в тот же день прибыл в Вента-Кемаду, а вчера вечером – к твоей обители.

– Дитя мое, – сказал отшельник, – твоя история живо меня заинтересовала, спасибо тебе за то, что ты рассказал мне ее. Теперь я вижу, что полученное тобой воспитание сделало тебя совершенно недоступным страху. Но так как ты провел ночь в Вента-Кемаде, боюсь, не подвергся ли ты там искушениям двух висельников и не ждет ли тебя печальная участь одержимого Пачеко.

– Отец мой, – ответил я, – почти всю ночь раздумывал я над приключениями сеньора Пачеко. Хотя в него вселился бес, он все-таки дворянин, и я не допускаю мысли, чтобы все, что он говорит, не было чистой правдой. Но, с другой стороны, наш духовник Иньиго Велес ручался мне, что если прежде, особенно в первые века христианства, было довольно много одержимых, то теперь их вовсе нет, и его свидетельство представляется мне тем более важным, что отец мой приказал мне в вопросах религии слепо верить преподобному Велесу.

– Как же так? – возразил отшельник. – Разве ты не видел ужасного лица одержимого, у которого дьявол выщербил глаз?

– А все-таки, отец мой, сеньор Пачеко мог получить это увечье и другим путем. В общем, в такого рода делах я всегда полагаюсь на тех, кто понимает больше меня. С меня довольно того, что я не боюсь никаких призраков или оборотней. Но если ты хочешь ради покоя души моей дать мне какую-нибудь святую реликвию, обещаюсь носить ее с верой и благоговением.

Отшельник, видимо, улыбнулся моей простоте, потом сказал:

– Вижу, сын мой, что ты еще не утратил веру, но опасаясь, как бы этого не случилось позже. Эти Гомелесы, от которых ты ведешь свой род по женской линии, только недавно стали христианами, а некоторые из них, кажется, в глубине души остались верны исламу. Если б они обещали тебе несметные богатства при условии перейти в их веру, как бы ты поступил?

– Я отказался бы, – ответил я, – так как считаю, что тот, кто отрекся от своей веры или сдал знамя врагу, достоин только позора.

Отшельник и на этот раз как будто улыбнулся.

– С грустью вижу, – сказал он, – что добродетели твои опираются на преувеличенное чувство чести, и предупреждаю тебя, что в Мадриде теперь уже не бывает столько поединков, сколько было при твоём отце. К тому же добродетель теперь покоится на других, более прочных основаниях. Но не хочу отнимать у тебя время, раз впереди у тебя еще долгий путь, прежде чем ты достигнешь Вента-дель-Пеньон, или Постоялого двора под Скалой. Трактирщик живет там, не обращая внимания на грабителей, так как рассчитывает на защиту цыган, стоящих табором в окрестностях. Послезавтра ты прибудешь в Вента-де-Карденас и окажешься уже по ту сторону Сьерра-Морены. У седла ты найдешь снесь на дорогу.

С этими словами отшельник ласково меня обнял, но не дал мне никакой реликвии для сохранения спокойствия души. Я не стал напоминать и, сев на коня, оставил скит.

В пути я мысленно перебирал все суждения отшельника, не понимая, каким образом добродетель может опираться на более прочное основание, нежели чувство чести, которая, по моему мнению, сама является вместилищем всех добродетелей.

Я раздумывал об этом, как вдруг какой-то всадник, показавшись из-за скалы, встал поперек дороги и промолвил:

– Вы – Альфонс ван Ворден?

Я подтвердил.

– В таком случае арестую тебя именем короля и святейшей инквизиции. Изволь отдать мне шпагу.

Я молча исполнил это требование, после чего всадник свистнул, и меня со всех сторон окружили вооруженные люди. Они на меня накинулись, связали мне руки за спиной, повезли меня окольными путями в горы, и через час езды я увидел укрепленный замок. Был опущен подъемный мост, и мы въехали во двор. Возле замковой башни меня через боковую дверь толкнули в яму, не позаботившись развязать веревки, которыми я был опутан.

В узилище было совсем темно; не имея возможности вытянуть руки перед собой, я боялся, как бы на ходу не удариться головой о стену. Поэтому я сел на том месте, где меня оставили, и – нетрудно догадаться – стал размышлять о причинах столь жестокого со мной обращения. Я сразу подумал, что инквизиция схватила Эмину и Зибельду, их служанки рассказали про все, что было в Вента-Кемаде. В таком случае у меня, конечно, станут выпытывать о прекрасных африканках. Передо мной было два пути: либо предать моих родственниц, нарушив данное им честное слово, либо отрицать знакомство с ними; выбрав второй путь, я запутался бы в сетях самой бессовестной лжи. После некоторого размышления я решил хранить глубочайшее молчание и не отвечать ни слова ни на один вопрос.

Покончив с этим, я начал перебирать в памяти события двух последних дней. Я был глубоко уверен, что имел дело с женщинами из плоти и крови, – какое-то непонятное чувство сильнее всех представлений о могуществе злых духов укрепляло меня в этом мнении; в то же время я был возмущен гнусной проделкой, в результате которой я оказался под виселицей.

Время шло. Меня начал донимать голод; зная, что в тюрьмах всегда дают хлеб и воду, я стал шарить ногами, не найдется ли чего-нибудь съестного. И на самом деле вскоре я коснулся какого-то полукруглого предмета, который оказался хлебом. Вопрос был только в том, как поднести его ко рту. Я лег рядом с хлебом и попробовал схватить его зубами, но он каждый раз ускользал от меня за отсутствием опоры; наконец я припер его к стенке и, обнаружив, что это разрезанная пополам небольшая буханка, сумел ее укусить. Если бы хлеб не был разрезан, мне этого ни в коем случае не удалось бы. Потом я нащупал ногой и кувшин, но опять никак не мог приблизить его к губам: кончилось тем, что не успел я слегка промочить горло, как вся вода вылилась наземь. Продолжая поиски, я нашел в углу охапку соломы и лег. Руки мои были связаны так искусно, что я не чувствовал никакой боли и вскоре уснул.

День четвертый

Кажется, я проспал несколько часов, как вдруг меня разбудили. Я увидел входящего монаха-доминиканца и с ним несколько человек весьма неприятной наружности. У некоторых были в руках факелы, у других совершенно неизвестные мне инструменты – явно орудия пытки. Я вспомнил о сделанном мною выборе и решил ни на волос от него не отступить. Подумал о своем отце; правда, его никогда не пытали, но я знал, что при многочисленных и болезненных хирургических операциях, каким он подвергался, он даже ни разу не крикнул.

«Последую его примеру, – сказал я сам себе, – словечка не пророню, вздоха не издам».

Инквизитор крикнул, чтоб ему принесли кресло, сел возле меня, придал своему лицу ласковое, приветливое выражение и обратился ко мне с такими словами:

– Милый, дорогой сын, благодари небо, что оно привело тебя в эту темницу. Но какой дал ты для этого повод? Какой грех совершил? Исповедуйся, в слезах и смирении ищи облегчения на груди моей. Не хочешь отвечать?.. Увы, сын мой, дурно, очень дурно поступаешь ты. Не в наших правилах допрашивать преступника. Мы предоставляем ему свободу изобличения самого себя. Такие признания, хоть отчасти и вынужденные, имеют свою хорошую сторону, особенно когда виновный находит нужным назвать соучастников. По-прежнему молчишь? Тем хуже для тебя; я вижу, что должен сам вывести тебя на правильный путь. Знаешь ли ты двух африканских принцесс, или верней – двух мерзких колдуний, гнусных ведьм, дьяволиц в образе человеческого? Не отвечаешь?.. Ввести сюда этих двух инфант Люциферовых!

Тут ввели обеих моих родственниц, с руками, связанными, как мои, – после чего инквизитор продолжал:

– Ну как, милый сын, узнаешь ты их? Продолжаешь молчать? Дорогой сын, пусть не устрашит тебя то, что я тебе скажу. Тебе сделают немного больно. Видишь вон те две доски? Твои ноги вложат в эти доски и стянут веревками, а потом вобьют тебе молотком между колен вот эти клинья. Сперва ноги твои нальются кровью, потом кровь брызнет из больших пальцев, а на других отвалятся ногти; подошвы полопаются, и вытечет жир, смешанный с раздавленным мясом. Это уже будет больней. Все не отвечаешь? Ты прав, это только подготовительные мученья. Но ты все-таки потеряешь сознание, однако тотчас очнешься с помощью вот этих солей и спиртов. Потом у тебя вынут эти клинья и вобьют вон те, большего размера. После первого удара у тебя раздробятся коленные суставы и кости, после второго ноги треснут сверху донизу, выскочит костный мозг и, вместе с кровью, обогрит эту солому. Ты упорствуешь в своем молчании? Хорошо, сожмите ему пальцы.

Услышав это, палачи схватили меня за ноги и положили между двумя досками.

– Не хочешь говорить?.. Вбейте клинья!.. Молчишь?.. Подымите молотки!..

В это мгновенье послышалась ружейная стрельба.

– О, Аллах! – воскликнула Эмина. – Мы спасены. Зото идет нам на помощь!

Зото вошел с толпой своих, выгнал вон палачей и приковал инквизитора к железному обручу, вбитому в стены тюрьмы. Потом развязал меня и обеих мавританок. Как только девушки почувствовали, что руки у них свободны, они обвили ими мою шею. Нас разлучили. Зото велел мне садиться на коня и ехать вперед, обещая сейчас же поспешить вместе с женщинами вслед за мной. Авангард, с которым я выступил, состоял из четырех всадников. На рассвете в безлюдной местности мы сменили коней; потом стали карабкаться по вершинам и склонам крутых гор.

Около четырех пополудни мы оказались около скалистого грота, где решили переночевать. Я радовался, что солнце еще не зашло, и вид был захватывающий, особенно для меня, видевшего до тех пор только Арденны и Зеландию. У ног моих простиралась очаровательная

Вега-де-Гранада, которую жители упрямо называют la Nuestra Vegilla³. Я видел ее всю: шесть городов ее и сорок деревень, извилистое русло Хениля, потоки, низвергающиеся с вершин Альпухары, тенистые рощи, беседки, дома, сады и множество усадеб. Восхищенный чарующим зрелищем стольких соединенных вместе предметов, я сосредоточил все свои чувства в зрении. Во мне проснулся обожатель природы, и я совсем забыл о своих родственницах, которые не замедлили прибыть в носилках. После того как они уселись на разложенных в гроте подушках и немного отдохнули, я сказал им:

– Сударыни, я ничуть не жалею, что провел ту ночь в Вента-Кемаде, но, говоря откровенно, ее окончание пришлось мне не по вкусу.

– Считаю нас, Альфонс, виновницами только приятных твоих снов, – сказала Эмина. – Кроме того, на что ты жалуешься? Разве ты не искал повода выказать сверхчеловеческую отвагу?

– Как? – перебил я. – Кто-нибудь может сомневаться в моей отваге? Если б такой нашелся, я дрался бы с ним на плаще или с платком в зубах.

– На плаще, с платком в зубах? Я не знаю, что ты под этим подразумеваешь, – возразила Эмина. – Есть вещи, о которых я не могу тебе говорить. И даже такие, о которых сама до сих пор ничего не знаю. Я исполняю только приказание главы нашего рода, преемника шейха Масуда, владеющего тайной Касар-Гомелеса. Могу лишь сказать тебе, что ты – наш близкий родственник. У отца твоей матери, оидора Гранады, был сын, оказавшийся достойным узнать тайну; он принял веру Пророка и женился на четырех дочерях дея, который правил тогда в Тунисе. Только у самой младшей из них были дети, и это была как раз наша мать. Вскоре после рождения Зибельды мой отец и три жены его умерли от чумы, опустошавшей тогда берега Берберии. Но довольно толковать об этих предметах, о которых ты потом узнаешь подробно сам. Поговорим о тебе, о той благодарности, которую мы к тебе испытываем, или верней – о нашем преклонении перед твоей отвагой. С каким спокойствием взирал ты на приготовления к пытке! Какую хранил нерушимую верность своему слову! Да, Альфонс, ты превзошел всех героев нашего племени, и отныне мы принадлежим тебе.

Зибельда, не прерывавшая сестру в тех случаях, когда разговор шел о деле, вступала в свои права в минуты чувствительности. Осыпанный лестными знаками внимания и похвалами, я был доволен сам собой и другими.

Вскоре приехали негритянки, и был устроен ужин, за которым сам Зото прислуживал нам со всей возможной почтительностью. После ужина негритянки постлали в пещере удобные постели для моих родственниц, а я нашел себе другую пещеру, и мы тотчас погрузились в сон, потребность в котором давала так сильно себя чувствовать.

---

³ Наша долинка (*исп.*).

День пятый

На другое утро, чуть свет, караван был готов в поход. С гор мы спустились в глубокие долины, или скорей – в пропасти, казалось, доходившие до самых недр земных. Они рассекали горный хребет в столь разнообразных направлениях, что невозможно было распознать ни нашего местоположения, ни цели, к которой мы стремились.

Так продвигались мы вперед шесть часов, пока не достигли развалин брошенного города. Тут Зото велел нам спешиться и, отведя меня к колодезю, промолвил:

– Сеньор Альфонс, загляни, пожалуйста, в этот колодец и скажи, что ты о нем думаешь. Я ответил, что вижу воду и что это, по-моему, обыкновенный колодец.

– Ты ошибаешься, – возразил Зото. – Это вход в мой дворец.

С этими словами он наклонился над отверстием и издал какой-то особенный клич.

В ответ с боков сруба на моих глазах выдвинулись доски, образовав возвышающийся на несколько пядей над водой помост, по которому из отверстия колодца вышел один вооруженный, а за ним другой.

Когда они ступили на землю, Зото сказал мне:

– Сеньор Альфонс, имею честь представить тебе двух моих братьев: Чичо и Момо. Ты, наверно, видел их висящими на виселице, но, несмотря на это, оба в добром здравии и будут всегда исполнять твои приказания; они, как и я, – на службе и на жалованье у великого шейха Гомелесов.

Я ответил ему, что очень рад видеть братьев человека, оказавшего мне такую важную услугу.

Волей-неволей пришлось спускаться в колодец. Принесли веревочную лестницу, по которой обе сестры сошли – проворней, чем я предполагал. Я последовал их примеру. Оказавшись на досках, мы обнаружили маленькую боковую дверь, в которую надо было войти, согнувшись пополам. Вскоре, однако, мы увидели широкие ступени, высеченные в скале и освещенные светильниками. Мы спустились примерно на двести ступеней под землю и наконец очутились в подземелье, разделенном на множество комнат и зал. Стены помещения для защиты от сырости были выложены пробкой. Позже я видел в Синтре, недалеко от Лиссабона, высеченный в скале монастырь, кельи которого были тоже обиты пробкой, почему его и прозвали Пробковым монастырем. Кроме того, все время поддерживаемый огонь сохранял в подземелье Зото приятное тепло. Коня размещены были поблизости, но в случае нужды их можно было отправить под землю по потайному ходу, выходящему в соседнюю долину. Для этого был даже устроен специальный ворот, к которому, однако, редко когда прибегали.

– Все эти чудеса, – промолвила Эмина, – создание Гомелесов. Они вырубали пещеры в этих скалах, когда были еще властителями страны, или, верней, окончили работу, начатую язычниками, населявшими Альпухару в момент их прибытия. По мнению ученых, на этом месте находились прииски чистого бетийского золота, а древние пророчества утверждают, что вся эта местность снова станет когда-нибудь собственностью Гомелесов. Как по-твоему, Альфонс? Неплохое было бы наследство.

Слова Эмины были мне не по душе, и я прямо ей это высказал; затем, чтоб направить разговор на другое, спросил, какие у нее виды на будущее.

Эмина ответила, что после всего, что произошло, они не могут больше оставаться в Испании, но хотят немного отдохнуть, пока для них не будет приготовлен корабль.

Подали обед, состоящий главным образом из дичины и сухих фруктов. Три брата прислуживали нам с беспримерным усердием. Я заметил моим родственникам, что трудно было бы найти более радушных висельников. Эмина с этим согласилась и, обращаясь к Зото, промолвила:

– Наверно, у тебя и твоих братьев было в жизни много необыкновенных приключений, о которых мы с большим удовольствием послушали бы.

После некоторых уговоров Зото сел рядом с нами и начал.

История Зото

Я родился в городе Беневенто, столице герцогства того же названия. Отец мой, которого тоже звали Зото, как и меня, по профессии был весьма искусным оружейником. Но так как в городе таких было трое и двум другим больше везло, заработка его едва хватало на прокорм жены и трех детей, то есть меня и двух моих братьев.

Через три года после свадьбы моей матери ее младшая сестра вышла замуж за торговца оливковым маслом по фамилии Лунардо, который в виде свадебного подарка преподнес ей пару золотых сережек и такую же цепочку на шею. Когда мать вернулась со свадьбы, у нее был очень огорченный вид. Муж стал допытываться о причине, она долго отказывалась объяснить, в чем дело, но в конце концов призналась: ее мучит досада, что у нее нету таких сережек и такой цепочки, как у сестры. Отец ничего не сказал. У него в кладовой было охотничье ружье превосходной работы, с такими же пистолетами и охотничьим ножом. Ружье, над которым отец работал четыре года, давало четыре выстрела от одного заряда. Отец оценивал его в триста неаполитанских золотых унций. Он пошел в город и продал весь набор за восемьдесят унций. Потом купил серьги, цепочку и принес жене. Мать в тот же день пошла похвалиться перед женой Лунардо и страшно обрадовалась, когда было признано, что ее серьги гораздо красивее и богаче.

Через неделю жена Лунардо пришла навестить мою мать. На этот раз волосы у нее были сплетены и уложены в косу, заколотую большой золотой шпилькой с изящной рубиновой розой. Роза эта вонзила в сердце моей матери острый шип. Опять начались терзания и прекратились не прежде, чем отец обещал купить ей точно такую же шпильку. Но шпилька стоила сорок пять унций, и отец, не имея ни этих денег, ни возможности добыть их, вскоре сам впал в такое уныние, в каком была за несколько дней до того моя мать.

В это время к отцу зашел местный браво по имени Грилло Мональди – принес ему пистолеты, чтоб тот их почистил. Заметив мрачный вид отца, Мональди спросил о причине, и отец все ему рассказал. После небольшого размышления Мональди обратился к нему с такими словами:

– Синьор Зото, я тебе должен больше, чем ты думаешь. Несколько времени тому назад мой кинжал был случайно обнаружен в теле человека, убитого по дороге в Неаполь. Суд послал этот кинжал всем оружейникам, и ты великодушно заявил, что первый раз его видишь, хотя кинжал – из твоей мастерской и ты сам мне его продал. Сказав правду, ты мог доставить мне большие неприятности. Вот здесь сорок пять унций, которые тебе нужны. И, кроме того, помни, что отныне кошелек мой в твоём распоряжении.

Отец с благодарностью принял деньги и сейчас же пошел покупать золотую шпильку, с которой мать в тот же самый день предстала перед своей кичливой сестрой.

Домой она вернулась уверенная, что супруга Лунардо вскоре появится, украшенная какой-нибудь новой драгоценностью. Но в голове у той родился совсем другой замысел. Она решила пойти в церковь с наемным лакеем в ливрее и сообщила об этом мужу. Лунардо, от природы невероятно скупой, легко соглашался на покупку драгоценностей, которые, по его мнению, были в такой же безопасности на голове жены, как в его собственной шкатулке, но он отнесся совершенно иначе к просьбе уделить унцию золота для бездельника, который неизвестно зачем должен был полчаса стоять за скамейкой его жены. Однако синьора Лунардо так его мучила и беспрестанно терзала, что он в конце концов решил, ради экономии, сам надеть ливрею и поторопиться за женой в церковь. Синьора Лунардо нашла, что муж подходит для

этой роли не хуже всякого другого, и решила со следующего воскресенья появляться в церкви с этой новой разновидностью лакея. Правда, соседи смеялись над этим маскарадом, но тетя моя приписывала это непреодолимому чувству зависти.

Когда она первый раз подходила к церкви, нищие стали кричать во все горло на своем своеобразном наречии:

– Mira Lunardu, che fa lu criadu de sua mugiera!⁴ Но так как бедняки стирают свою смелость только до известного предела, синьора Лунардо спокойно вошла в церковь, где перед ней расступились с надлежащим почтением. Ей подали святой воды и посадили ее на лавку, в то время как мать моя стояла среди женщин из низших слоев.

Вернувшись домой, мать сейчас же принялась обшивать голубой отцовский кафтан старым желтым галуном, отпоротым от какой-то ладунки. Отец, удивленный, спросил, для чего это, и она рассказала ему про сестру, муж которой был так любезен, что, надев ливрею, пошел с женой в церковь. Отец уверил ее, что он не способен на такую любезность, но на следующее воскресенье нанял за унцию золота лакея в расшитой галуном ливрее, который пошел с моей матерью в церковь, и опять синьора Лунардо должна была уступить сестре.

В тот же самый день, как только кончилась месса, к отцу пришел Мональди и обратился к нему с такими словами:

– Дорогой Зото, я узнал о состязании в чудачествах, которые жена твоя затеяла со своей сестрой. Коли ты это сразу не прекратишь, то будешь несчастен всю жизнь. Перед тобой два пути: либо как следует проучить жену, либо заняться ремеслом, которое дало бы тебе возможность покрывать ее расходы. Если ты выберешь первый путь, я дам тебе ореховый прут, который я часто пускал в ход, имея дело с покойной женой. Прут этот, правда, не из тех, которые, если их взять за оба конца, поворачиваются в руках и служат для обнаружения подземных ключей, а иной раз и кладов, но, ежели взять его за один конец, а другим коснуться спины твоей жены, я ручаюсь, что ты легко и быстро вылечишь ее от всяких причуд. Но ежели ты желаешь удовлетворять все ее капризы, я познакомлю тебя с самыми бесстрашными людьми во всей Италии, которые теперь как раз гостят в Беневенто, так как это пограничный город. Полагаю, ты меня понял, так подумай и дай мне ответ.

С этими словами Мональди положил прут моему отцу на верстак и ушел.

Между тем мать моя после мессы отправилась на корсо и зашла кое к кому из приятельниц, чтобы похвалиться своим лакеем. Наконец вернулась, радостная, домой, но отец встретил ее совсем иначе, чем она рассчитывала. Он схватил ее левой рукой повыше локтя, а в правую взял лещинный прут и начал приводить в исполнение совет приятеля. Он с таким пылом взялся за дело, что мать упала без чувств, а испуганный супруг бросил прут, стал просить прощения, получил его, и мир был восстановлен.

Через несколько дней после этого отец отправился к Мональди и, сообщив ему, что прут не помог, попросил свести его с бесстрашными своими товарищами, о которых тот упоминал. Мональди ответил так:

– Меня удивляет, что, не имея духу наказать как следует свою собственную жену, ты считаешь найти в себе мужество подстергать прохожих на краю леса. Впрочем, это вполне возможно; в сердце человеческом таится столько противоречий. Я охотно познакомлю тебя со своими друзьями, но ты должен сперва совершить хоть одно убийство. Вечером, кончив работу, возьми длинную шпагу, сунь стилет за пояс и, приняв нахальный вид, расхаживай перед порталом Мадонны. Может быть, кому-нибудь понадобится твоя помощь. А пока будь здоров. Да благоприятствует небо твоим замыслам.

---

⁴ Посмотрите на Лунардо, который превратился в слугу своей жены! (*ит. диал.*)

Отец послушался совета Мональди и вскоре заметил, что некоторые кавалеры вроде него и даже сбирь приветствуют его многозначительными взглядами. Через две недели таких прогулок к нему подошел какой-то богато одетый синьор и сказал:

– Вот тебе, сударь, сто унций. Через полчаса ты увидишь двух молодых людей с белыми перьями на шляпах. Ты подойдешь к ним, как бы желая сообщить какую-то тайну, и скажешь вполголоса: «Кто из вас – маркиз Фельтри?» Один ответит: «Это я». Ты сейчас же ударишь его стилетом в сердце. Другой юноша – жалкий трус и обратится в бегство. Тогда ты прикончишь Фельтри. А потом спокойно ступай домой и не старайся искать убежища в церкви. Я буду ждать тебя.

Мой отец выполнил в точности данное ему поручение и, вернувшись домой, увидел там незнакомца, чьей ненависти оказал такую добрую услугу.

– Синьор Зото, – сказал незнакомец, – я тебе очень благодарен за твою услугу. Вот тебе другой кошелек с сотней унций, который прошу принять, и еще один – с такой же суммой, его ты сунешь в руку слуге правосудия, когда он к тебе явится.

Сказав это, незнакомец завернулся в плащ и ушел.

Вскоре после этого к отцу явился начальник сбирь; однако, получив сто унций, предназначенных для правосудия, он пригласил отца к себе на приятельский ужин. Они вошли в помещение, прилегающее к городской тюрьме, и увидели здесь тюремного надзирателя и тюремного духовника, уже сидящих за столом. Отец был немного взволнован, как обычно бывает после первого убийства. Священник, заметив его смущение, промолвил:

– Синьор Зото, отложи в сторону печаль. Месса в кафедральном соборе стоит двенадцать таро штука. Говорят, убили маркиза Фельтри. Закажи двадцать месс за упокой его души и получишь полное отпущенье.

И больше об этом событии не было речи, – ужин прошел весело.

Утром к отцу пришел Мональди – поздравить с отличным началом. Отец хотел отдать ему сорок пять унций, которые прежде у него занял, но Мональди сказал:

– Зото, ты обижаешь меня; если ты еще раз напомнишь мне об этих деньгах, я подумаю, что ты коришь меня за скупость. Мой кошелек всегда к твоим услугам, и ты можешь быть уверен в моей дружбе. Не стану скрывать от тебя, что я – главарь смельчаков, о которых тебе говорил; все это люди почтенные и безупречной порядочности. Если хочешь присоединиться к ним, скажи, что едешь в Брешию закупать стволы для мушкетов, и присоединяйся к нам в Капуе. Просто заезжай в трактир «Под золотым крестом», а об остальном не беспокойся.

Через три дня отец поехал и выполнил поручение столь же почетное, как и выгодное. Хотя климат Беневенто очень хороший, отец, еще не привыкнув к новому ремеслу, не хотел пускаться в путь в плохую погоду. Поэтому он провел зиму в кругу семьи. С тех пор каждое воскресенье ливрейный лакей сопровождал мою мать в церковь, и, кроме того, у нее появились золотые застёжки на корсаже и золотое кольцо для ключей.

Когда наступила весна, к моему отцу подошел на улице какой-то незнакомый слуга с просьбой пройти вместе с ним к городским воротам. Там их ждали пожилой дворянин и четыре всадника.

Дворянин сказал:

– Синьор Зото, возьми вот этот кошелек с пятьюдесятью цехинами, и поедем со мной в соседний замок. А пока позволь завязать тебе глаза.

Отец согласился на все и после продолжительной езды оказался наконец с незнакомцем в замке. Его ввели внутрь и развязали глаза. Он увидел женщину в маске, с кляпом во рту, привязанную к креслу. Старик сказал ему:

– Синьор Зото, вот тебе еще сто цехинов. А теперь будь добр, убей мою жену.

– Ты ошибся, синьор, – возразил мой отец. – Сразу видно, что ты меня не знаешь. Да, я нападаю на людей из-за угла либо в лесу, как пристало человеку порядочному, но никогда не исполняю обязанностей палача.

С этими словами он бросил оба кошелька под ноги ревнивому супругу, который больше не настаивал на своем требовании; Зото опять завязали глаза, и слуги отвели его к городским воротам. Этот великодушный, благородный поступок снискал отцу большое уважение, а вскоре и другой в таком же роде прибавил ему доброй славы.

В Беневенто было два богатых и почтенных человека; одного звали граф Монтальто, а другого – маркиз Серра. Монтальто прислал за моим отцом и обещал ему пятьсот цехинов за убийство маркиза. Отец только попросил об отсрочке, так как знал, что Серра имеет сильную охрану.

Через два дня маркиз Серра вызвал отца в уединенное место и сказал ему:

– Этот кошелек с пятьюстами цехинами будет твой, Зото, если ты дашь мне честное слово, что убьешь графа Монтальто.

Отец взял кошелек и заявил:

– Синьор маркиз, я даю честное слово, что убью графа Монтальто, но должен тебе сказать, что сперва обещал ему убить тебя.

– Но, надеюсь, ты этого не сделаешь, – со смехом сказал маркиз.

– Прошу прощения, синьор маркиз, – спокойно возразил мой отец. – Я дал слово и не нарушу его.

Маркиз отпрянул на несколько шагов и схватился за шпагу, но отец вынул из-за пояса пистолет и разmozжил ему голову. Потом пошел к Монтальто и сообщил ему, что его врага больше нет в живых. Граф обнял его и отсчитал пятьсот цехинов. Тут отец мой, немного смущенный, объявил, что маркиз перед смертью заплатил ему пятьсот цехинов за убийство графа; Монтальто выразил свою радость по поводу того, что успел опередить врага.

– Это не имеет никакого значения, синьор граф, – возразил отец. – Я ведь дал ему честное слово, что ты умрешь.

И он ударил его стилетом. Падая, граф страшно закричал, и на крик сбежались слуги. Отец проложил себе дорогу стилетом и скрылся в горы, где отыскал шайку Мональди. Все храбрецы, в нее входившие, не знали, какие воздать хвалы столь тонкому чувству чести. Готов поручиться, что случай этот до сих пор на устах у всех жителей Беневенто, и о нем долго еще будут говорить в этом городе.

* * *

Когда Зото кончил рассказывать об этом эпизоде из жизни своего отца, пришел один из его братьев и сообщил, что от него ждут указаний насчет приготовления корабля. Поэтому Зото покинул нас, попросив разрешения отложить дальнейшее повествование на завтра. Однако и то, что я уже слышал от него, крайне поразило меня. Мне казалось удивительным, что он все время восхваляет доблесть, шепетильность и незапятнанную честь людей, которые должны были бы считать милостью, если их только повесят. Злоупотребление словами, которыми он самоуверенно бросался, привело меня в великое смущение.

Видя мою задумчивость, Эмина спросила, в чем ее причина. Я ответил, что история отца Зото напомнила мне слышанное мною два дня тому назад от одного отшельника, который утверждал, что в наши дни добродетели опираются на нечто более надежное, чем чувство чести.

– Дорогой Альфонс, – сказала Эмина, – почитай этого отшельника и верь всему, что он тебе говорит. Ты с ним встретишься еще не раз в жизни.

После этого обе сестры встали и удалились, вместе с негритянками, в свои комнаты, то есть в отведенную для них часть подземелья. Вернулись они к ужину, после которого мы все пошли спать.

Когда в пещере все затихло, я увидел на пороге Эмину. В одной руке она держала светильник, как Психея, а другой вела свою сестру, более прекрасную, чем Амур. Постель моя была постлана так, что обеим было где сесть. Эмина промолвила:

– Милый Альфонс, я тебе уже сказала, что мы обе принадлежим тебе. Великий шейх простит нам, что мы немного предварили его разрешение.

– Прекрасная Эмина, – ответил я, – вы тоже должны простить меня. Если это – еще одно испытание, которому вы хотите подвергнуть мою добродетель, то очень опасаясь, что на этот раз ей несдобровать.

– Не бойся, – прервала прекрасная мавританка и, взяв мою руку, положила ее себе на бедро. Я почувствовал, что у меня под пальцами пояс, не имеющий ничего общего с поясом богини Венеры, хоть и вызывавший представление о ремесле ее супруга. У родственниц моих не было ключика от замка, во всяком случае, так они утверждали.

Кроме самого центра, мне, к счастью, не был заказан доступ ни в какие другие пределы. Зибельда вспомнила роль возлюбленной, которую репетировала с сестрой. Эмина увидела во мне предмет тогдашних своих любовных восторгов и всеми своими чувствами отдалась этой сладкой иллюзии; младшая сестра ее, искусная, живая, полная огня, затопила меня своими ласками. Мгновенья эти были, кроме того, полны чего-то более неопределенного – помыслов, на которые мы едва намекали, и того сладкого вздора, который у молодых людей служит интермедией между свежим воспоминанием и надеждой на близкое счастье.

Наконец сон стал одолевать прекрасных мавританок, и они пошли к себе. Оставшись один, я подумал, как было бы неприятно, если б я утром проснулся опять под виселицей. Эта мысль показалась мне смешной, но в то же время не выходила у меня из головы, пока я не заснул.

День шестой

Разбудив меня, Зото сказал, что я порядочно заспался и что уже готов обед. Я поспешно оделся и пошел к своим родственницам, которые ждали меня в столовой. Взгляд их остановился на мне с нежностью; казалось, девушки больше заняты воспоминаниями прошедшей ночи, чем приготовленным для них угощением. После обеда Зото сел рядом с нами и продолжал рассказ о своих похождениях.

Продолжение истории Зото

Мне пошел седьмой год, когда отец мой вступил в шайку Мональди, и я хорошо помню, как мою мать, меня и двух моих братьев отвели в тюрьму. Но это было сделано только для вида, так как отец не забывал делиться своим заработком со слугами правосудия, которые легко позволили себя убедить, что у нас нет с отцом ничего общего. Начальник сбиров во время нашего заточения принимал в нас горячее участие и даже сократил нам срок пребывания в тюрьме.

Выйдя на волю, мать моя была встречена с великим почетом соседками и жителями всего квартала, потому что на юге Италии разбойники – такие же народные герои, как в Испании – контрабандисты. Часть всеобщего уважения досталась и на нашу долю; в особенности меня признали главарем всех сорванцов на нашей улице.

Между тем Мональди погиб в одной из вылазок, и отец мой, приняв атаманство над шайкой, решился на отчаянно дерзкий поступок. Он устроил засаду на дороге в Салерно, по которой должен был проехать конвой с деньгами, отправленными вице-королем Сицилии. Предприятие увенчалось успехом, но отец был ранен мушкетной пулей в поясницу и больше не мог заниматься своим ремеслом. Его прощание с товарищами было невероятно трогательным. Говорят, несколько разбойников плакали навзрыд, чему я с трудом поверил бы, если бы сам раз в жизни не плакал горько, убив свою любовницу, о чем расскажу вам потом.

Шайка не могла долго существовать без главаря; некоторые ее участники подались в Тоскану, где их повесили, остальные же присоединились к Теста-Лунге, который начал приобретать тогда известность в Сицилии. Отец мой переплыл пролив и направился в Мессину, где попросил убежища в августинской обители Дель-Монте. Он передал свои сбережения в руки инок, принес публичное покаяние и поселился близ церковной паперти. На новом месте он повел спокойный образ жизни, ему было разрешено гулять по монастырским садам и дворам. Монахи давали ему похлебку, а за остальными блюдами он посылал в соседний трактир; кроме того, монастырский служка перевязывал ему раны.

Видимо, отец часто посылал нам деньги, так как у нас в доме царил довольство. Мать принимала участие во всех развлечениях карнавала, а великим постом устраивала нам «презепио»⁵, то есть представление, изображающее вертеп, дарила нам куколок, дворцы из сахара, игрушки и тому подобные безделицы, которыми обитатели Неаполитанского королевства стараются друг друга перещеголять. Тетя Лунардо тоже устраивала такие представления, но гораздо скромней наших.

Мать, насколько я помню, была женщина добрая, и часто мы видели ее плачущей при мысли об опасностях, которым подвергался ее муж; но вскоре возможность появиться в каком-нибудь наряде или драгоценном уборе, на зависть сестре или соседям, осушала ее слезы.

---

⁵ Ясли (*ит.*).

Радость, доставленная пышным «презепио», была для нее последней. Каким-то образом она схватила воспаление легких и через несколько дней умерла.

После ее смерти мы не знали бы, что делать, если б тюремный надзиратель не взял нас к себе. Мы пробыли у него несколько дней, после чего нас отдали на попечение одному погонщику мулов. Тот провез нас через Калабрию и на четырнадцатый день доставил в Мессину. Отец уже знал о смерти своей жены; он принял нас с трогательной нежностью, велел нам расстелить свои циновки возле его циновок и представил нас монахам, после чего мы были приняты в число детей, прислуживавших во время мессы.

Мы стали служками, поправляли фитили у свечей, зажигали лампы, а в остальное время дня бездельничали на улице – не хуже, чем в Беневенто. Поедим супу у монахов, получим от отца по одному таро на каштаны да баранки и уйдем развлекаться в порту, чтобы вернуться только поздно ночью. В общем, на свете не было уличных мальчишек счастливей нас, пока одно происшествие, о котором я до сих пор не могу говорить без возмущения, не перевернуло всю мою жизнь.

Однажды в воскресенье, перед самой вечерней, я прибежал ко входу в церковь, нагруженный каштанами, которые купил для себя и своих братьев, и стал делить между ними любимые плоды. В это время к церкви подъехал роскошный экипаж, запряженный шестерней, с парой свободных лошадей той же масти – впереди. Дверцы отворились; из экипажа вышел дворянин и подал руку красивой даме, за ними последовал священник и, наконец, мальчик моего возраста, прехорошенький, в венгерском костюме; так одевали тогда многих детей.

Венгерка из синего бархата, расшитая золотом и отороченная соболем, спускалась ниже колен, покрывая верх его желтых сафьяновых сапожков. На голове у него была шапочка тоже из синего бархата, отороченная соболем и украшенная султаном из жемчуга, падавшим ему на плечо. У пояса из золотых позументов и шишечек висела осыпанная драгоценными камнями сабелька. В руке он держал молитвенник в золотом переплете.

Вид такого нарядного мальчика моих лет до того меня восхитил, что я, сам не зная, что делаю, подошел к нему и протянул ему два каштана, которые были у меня в руке; но подлый негодяй, вместо благодарности за мою приветливость, изо всей силы ударил меня в нос молитвенником. Этим ударом он чуть не выбил мне левый глаз, а застежка переплета, зацепившись за ноздрю, разорвала ее, и я в одно мгновение залился кровью. Кажется, я слышал, как барчук пронзительно закричал, но не могу сказать наверное, так как упал, потеряв сознание. Очнулся я у садового колодца, окруженный отцом и братьями, которые обмывали мне лицо и старались остановить кровотечение.

Когда я еще лежал так, окровавленный, мы увидели, что к нам подходят барчук с тем дворянином, который вышел первым из экипажа; а за ними идут священник и два лакея, у одного из которых пук розог в руках. Дворянин в коротких словах объявил нам, что герцогиня де Рокка Фьорита требует, чтоб меня выпороли до крови за то, что я посмел испугать ее саму и ее маленького Принчипино. Лакеи тотчас приступили к исполнению приговора. Отец мой, боясь, как бы монастырь не отказал ему в прибежище, сперва не решался сказать ни слова, но, видя, как безжалостно терзают мое тело, в конце концов не выдержал и, обращаясь к дворянину, с глубоким возмущением промолвил:

– Сударь, прикажи кончить эту пытку, а не то имей в виду: я убил не одного стоившего в десять раз дороже, чем ты.

Дворянин, конечно, понял, что это не пустая угроза, и велел перестать, но, когда я еще лежал на земле, Принчипино подошел ко мне и ударил меня ногой в лицо со словами:

– *Managia la tua faccia de banditu!*⁶

---

⁶ Бандитская рожа окаянная! (*ит. диал.*)

Бесчестие это переполнило чашу моего терпения. Могу сказать, что с этой минуты я перестал быть ребенком, или вернее – с тех пор не испытал ни одной радости, свойственной этому возрасту, и долго потом не мог хладнокровно видеть человека в богатой одежде.

Несомненно, что месть – это первородный грех нашего края, так как, несмотря на свои восемь лет, я день и ночь только и думал, как бы покарать Принчипино. Не раз вскакивал я с постели, увидев во сне, будто держу его за волосы и осыпаю ударами, а наяву продолжал раздумывать, каким бы способом отомстить издали (я понимал, что мне не дадут подойти к нему) и, удовлетворив свое страстное желание, сейчас же убежать. Наконец решил угодить ему камнем в лицо, так как был довольно ловок; а пока, чтоб еще лучше набить руку, целые дни кидал в цель.

Как-то раз отец спросил меня, по какой причине я с такой страстью отдаюсь своей новой забаве. Я ответил, что решил разбить морду Принчипино, а потом убежать и стать разбойником. Отец сделал вид, будто не поверил, но по его улыбке я понял, что он одобряет мое намерение.

Наконец наступило воскресенье, намеченное мной как день мести. Когда карета подъехала и я увидел выходящих, я было смутился, но тотчас собрался с духом. Мой маленький враг заметил меня в толпе и высунул мне язык. Камень был у меня в руке, я кинул его, и Принчипино упал навзничь.

Я сейчас же пустился бежать и остановился только на другом конце города. Там я встретил знакомого подмастерья-трубочиста, который спросил меня, куда я иду. Я рассказал ему всю историю, и он отвел меня к своему хозяину. Тому как раз нужны были ребята, он не знал, где их взять для такого неприятного ремесла, и охотно меня принял. Он уверил, что никто меня не узнает, как только кожа моя почернеет от сажи, а лазанье по крышам и дымоходам – искусство, нередко очень полезное. Он был прав; впоследствии я не раз был обязан жизнью приобретенному тогда проворству.

Сначала дым и запах сажи очень меня донимали, но, к счастью, я был в том возрасте, когда можно привыкнуть ко всему. Уже полгода занимался я этим новым ремеслом, когда со мной произошел следующий случай.

Я находился на крыше, прислушиваясь, из какой трубы отзовется мой хозяин; мне показалось, что голос слышится из соседней. Я стал поспешно спускаться, но под крышей обнаружил, что дымоход расходится в разные стороны. Мне надо было еще раз подать голос, но я не сделал этого и, не подумав, стал слезать через первое попавшееся из двух отверстий. Спустившись, я оказался в богато обставленной комнате, и первое, что я увидел, был мой Принчипино в рубашке, играющий в мячик.

Хоть маленький глупец, наверно, уже не раз в своей жизни видел трубочистов, он принял меня за черта. Он упал на колени, сложил руки и стал меня просить, чтоб я не утаскивал его с собой, обещая, что будет вести себя хорошо. Я, может быть, и смягчился бы, слыша эти уверенья, но в руке у меня была метла трубочиста, искушение пустить ее в ход было слишком сильно; к тому же, хоть я и отомстил за удар молитвенником и отчасти за розги, однако в памяти у меня было еще живо то мгновенье, когда Принчипино пнул меня ногой в лицо, промолвив: «*Managia la tua faccia de banditu!*» Да и помимо всего прочего, каждый неаполитанец, мстя, предпочитает всегда лучше немного перегнуть палку, чем хоть чуть-чуть недогнуть ее.

Я вырвал пук розог из метлы, разорвал рубашку на Принчипино и, обнажив ему спину, принялся изо всех сил хлестать его. Но удивительное дело: парнишка от страха не пикнул!

Нахлестав вдоволь, я вытер себе лицо и сказал:

– *Ciuccio maledetto, io no zuno lu diavolu, io zuno lu piciolu banditu delli Augustini*⁷.

---

⁷ Проклятый осленок, я не черт, я маленький разбойник из монастыря августинцев (*ит. диал.*).

Тут к Принчипино сразу вернулся голос, и он принялся громко звать на помощь; я, понятно, не стал ждать, пока кто-нибудь прибежит, и скрылся той самой дорогой, по которой пришел.

Оказавшись на крыше, я опять услышал голос хозяина, звавшего меня, но не почел за нужное отвечать. Я помчался по крышам, пока не очутился на крыше какой-то конюшни, перед которой стоял воз сена; я спрыгнул на этот воз, с воза на землю и побежал во весь дух в монастырь августинцев. Там я все рассказал отцу, который слушал меня с большим интересом, а потом сказал:

– Zoto, Zoto! Gia vegio che tu sarai banditu⁸.

Потом обратился к стоявшему рядом с ним неизвестному мне человеку со словами:

– Padron Lettereo, prendete lo chiutosto vui⁹.

Леттерео – очень распространенное в Мессине крестное имя. Происходит оно от некоего письма, якобы написанного Пречистой Девой к жителям этого города и датированного ею: «В 1452 году от рождения моего сына». Мессинцы относятся к этому письму с таким же благоговением, как неаполитанцы – к крови святого Януария. Объясняю вам это обстоятельство, так как полтора года спустя вознес к Мадонне делла Леттера молитву, как я думал, последнюю в своей жизни.

Папаша Леттерео был капитаном вооруженного парусного трехмачтовика, предназначенного якобы для добычи кораллов; на самом же деле почтенный моряк занимался контрабандой, а случится – так и разбоем. Правда, это не часто ему удавалось, так как, не имея пушек, он был вынужден довольствоваться ограблением кораблей у пустынных берегов.

Об этом хорошо знали в Мессине, но Леттерео возил контрабанду для богатых купцов города, таможенники тоже имели от этого доход; с другой стороны, не было тайной, что папаша охотно поигрывает стилетом, и это последнее обстоятельство сдерживало всех, кто задумал бы мешаться в его дела.

Леттерео отличался видной наружностью, высокий рост и широкие плечи выделяли его среди толпы; но, кроме того, весь его облик так соответствовал роду его деятельности, что один вид этого человека вызывал дрожь у более робких. Сильно загорелое лицо его еще больше почернело от порохового дыма, и эту просмоленную кожу он разукрасил разными чудными рисунками.

Средиземноморские моряки имеют обыкновение татуировать себе на плечах и груди разные цифры, кресты, рисунки кораблей и тому подобные украшения. Леттерео превзошел в этом всех. На одной щеке он вытатуировал себе Мадонну, а на другой – распятие, но видны были одни верхушки этих изображений, так как все остальное скрывала густая борода, которую никогда не трогала бритва и только ножницы удерживали в каких-то границах. Прибавьте к этому огромные золотые серьги в ушах, красную шапку, такого же цвета пояс, кафтан без рукавов, короткие матросские штаны, руки, голые до плеч, а ноги – до колен, и карманы, полные золота.

Утверждали, будто, когда он был молод, в него влюблялись разные знатные дамы, но теперь он пользовался успехом только среди женщин своего круга и был грозой их мужей.

Наконец, чтобы закончить портрет Леттерео, скажу вам, что когда-то он был в большой дружбе с одним известным человеком, позже прославившимся под именем капитана Пепо. Они вместе служили у мальтийских корсаров. Потом Пепо перешел на королевскую службу, Леттерео же, ценивший деньги дороже чести, задался целью разбогатеть любыми средствами и сразу стал заклятым врагом прежнего своего товарища.

---

⁸ Зото, Зото! Уж вижу, что ты будешь бандитом (*ит. диал.*).

⁹ Папаша Леттерео, возьмите его лучше к себе (*ит. диал.*).

Отец мой, чье занятие в монастыре заключалось лишь в перевязывании своих ран, исцеления от которых он уже не ждал, охотно вступал в разговор с такими же рыцарями с большой дороги, как он. Он подружился с папашей Леттерео и, поручая меня ему, не думал встретить отказа. И не ошибся. Тронутый доверием, Леттерео сказал моему отцу, что период ученичества будет для меня легче, чем для других юнг, объяснив, что овладевший ремеслом трубочиста в два дня без труда научится забираться на мачты.

Эта перемена меня просто осчастливила, так как новое занятие представлялось мне гораздо более благородным, чем выскребывание печных труб. Я обнял отца, братьев и весело зашагал с папашей Леттерео на его корабль. Поднявшись на верхнюю палубу, Леттерео созвал двадцать своих матросов, вид которых как нельзя лучше соответствовал его наружности, и представил меня этим синьорам, сказав при этом:

– Anime managie, quistra criadura e lu filiu de Zotu, se uno de vui a outri li mette la mano sorpa, io li mangio ranima¹⁰.

Эта рекомендация возымела желанное действие, меня хотели даже посадить за общий стол, но, видя, что двое юнг прислуживают матросам, а сами едят, что останется, я присоединился к ним. Поступок этот снискал мне всеобщее расположение. А когда потом увидели, как быстро я карабкаюсь по рейке, со всех сторон послышались крики удивления. На кораблях с латинским парусным оснащением рейка играет роль реи, но удержаться на рейке куда трудней, чем на рее, так как реи находятся всегда в горизонтальном положении.

Мы распустили паруса и на третий день подошли к проливу Святого Бонифация, отделяющему Сардинию от Корсики. Оказалось, что более шестидесяти барок промышляют там сбором кораллов. Мы тоже стали собирать, или, вернее, делать вид, что собираем, кораллы. Что касается меня, я не терял времени даром: за четыре дня научился плавать и нырять не хуже самого ловкого из моих товарищей.

Восьмидневная грегалада – так называют на Средиземном море бурный северо-восточный ветер – рассеяла наш маленький флот. Каждый спасался, как умел. Нас пригнало к побережью Сардинии, в безлюдную местность, известную под названием Пристани святого Петра. Мы застали там венецианскую полакру, видимо, сильно потрепанную бурей. В голове у Леттерео тотчас зародились какие-то планы насчет этого корабля, и он бросил якорь рядом с ним. Потом часть матросов спрятал в трюме, чтоб экипаж казался не таким многочисленным. Предосторожность, впрочем, совершенно бесполезная, так как на трехмачтовиках с латинским оснащением экипаж всегда больше, чем на других кораблях.

Наблюдая за венецианским кораблем, Леттерео установил, что его экипаж состоит из капитана, боцмана, шести матросов и одного юнга. Кроме того, он заметил, что марсель у него совсем изорванный и спущен для починки, так как торговые корабли не имеют парусов для смены. Произведя эти наблюдения, он сложил в шлюпку восемь ружей и столько же сабель, прикрыл все это просмоленной холстиной и стал ждать подходящей минуты.

Когда распогодилось, матросы вскарабкались на марс-рею, чтобы поднять марсель, но взялись за дело так неловко, что пришлось подняться и боцману, а затем и капитану. Тогда Леттерео приказал спустить шлюпку на море, потихоньку сел в нее с семерыми матросами и напал на венецианский корабль с тыла. Увидев это, капитан, стоя на рее, закричал:

– A larga ladron! A larga!¹¹

Но Леттерео взял его на мушку, грозя убить каждого, кто попытается спуститься на палубу. Капитан, видимо, человек отважный, пренебрегая угрозой, бросился вниз между снастями. Леттерео убил его влет; капитан упал в море, и только его и видели. Матросы сдались. Леттерео поставил четырех своих стеречь, а сам с троими спустился внутрь корабля. В каюте

¹⁰ Окаянные висельники, этот малый – сын Зото, если кто из вас его тронет, я из того дух вышибу (*ит. диал.*).

¹¹ Убирайся, разбойник! Убирайся! (*ит. диал.*)

капитана он нашел бочонок, в каких держат оливки; но бочонок был тяжеловат и тщательно обит обручами, и он подумал, что там, может быть, что-то поинтересней. Он разбил бочонок и с приятным удивлением увидел вместо оливок несколько мешочков с золотом. Удовлетворившись этим, он протрубил отбой. Отряд вернулся на борт, мы подняли паруса и, проходя мимо венецианского судна, крикнули ему в насмешку:

– Viva san Marco!¹²

Через пять дней мы пришли в Ливорно. Леттерео с двумя матросами сейчас же отправился к неаполитанскому консулу и сообщил о том, что между его матросами и экипажем венецианской полакры произошла ссора и что капитан последней упал в море, так как его случайно толкнул один из матросов. Определенная часть того, что содержал в себе бочонок для оливок, придала этому сообщению отпечаток неопровержимой истины.

Леттерео, обладавший неодолимой склонностью к морскому разбою, без всякого сомнения, продолжал бы заниматься этим ремеслом, если бы в Ливорно перед ним не открылись иные возможности, которым он отдал предпочтение. Один еврей, по прозванию Натан Леви, учтя, что папа и неаполитанский король получают огромную прибыль, чеканя медную монету, решил тоже заняться этим выгодным промыслом. С этой целью он заказал большое количество этих монет в одном английском городе под названием Бирмингем. Когда заказ был выполнен, еврей поселил своего фактора в Флариоле – рыбацкой деревушке, лежащей на границе, а Леттерео взял на себя доставку и размещение товара.

Торговля эта приносила нам великий доход, и целый год наш корабль, груженный римской и неаполитанской монетой, курсировал по одному и тому же маршруту. Может быть, мы продолжали бы и дальше эти рейсы, но Леттерео, отличавшийся торговой предприимчивостью, уговорил еврея перейти с медной монеты на золотую и серебряную. Еврей послушался его совета и основал в самом Ливорно небольшое предприятие по чеканке цехинов и скудо. Наши доходы пробудили зависть властей. Однажды, когда Леттерео находился в Ливорно и должен был вот-вот отправиться в очередной рейс, его известили, что капитан Пепо получил от неаполитанского короля приказ схватить его, но выйти в море Пепо может только к концу месяца.

Это была коварная выдумка Пепо, уже четыре дня кружившего возле берега. Леттерео попался на удочку; ветер был попутный, он решил, что успеет совершить свой рейс, и поднял парус. А утром, на рассвете, мы увидели, что находимся посреди эскадры Пепо, состоящей из двух галиотов и стольких же скампавий. Окруженные со всех сторон, мы не имели никакой возможности бежать. Глаза папаша Леттерео метали молнии. Он поднял все паруса и приказал держать прямо на главный галиот. Пепо стоял на мостике и отдавал приказания, стремясь взять наш корабль на абордаж. Леттерео схватил ружье, прицелился в него и раздробил ему плечо. Все это было делом нескольких секунд.

Вслед за тем все четыре судна двинулись на нас, и мы услышали со всех сторон:

– Maina ladro! Maina can senza fede!¹³

Леттерео повернул корабль в наветренную сторону, так что он одним бортом лег на воду; потом, обращаясь к экипажу, крикнул:

– Anime managie, io in galera non ci vado. Pregate per me la santissima Madonna della Lettera¹⁴.

Услышав это, все мы упали на колени. Леттерео положил себе в карманы два пушечных ядра, мы подумали, что он хочет броситься в море, но у коварного разбойника было другое намерение. На подветренной стороне судна стояла большая бочка, полная медью. Леттерео схватил топор и перерубил удерживавшие ее веревки. Бочка сейчас же покатила к противо-

---

¹² Слава святому Марку! (*ит.*)

¹³ Сдавайся, разбойник! Сдавайся, неверный пес! (*ит. диал.*)

¹⁴ Окаянные висельники, я не пойду на каторгу. Молитесь за меня пресвятой Мадонне делла Леттера (*ит. диал.*).

положному борту, и так как судно имело уже сильный крен, оно тотчас совсем перевернулось. Все мы, стоящие на коленях, упали на паруса, которые в то мгновение, когда корабль пошел ко дну, отбросили нас, благодаря своей упругости, на несколько локтей.

Пепо выловил всех из воды, кроме капитана, одного матроса и юнги. Нас вытаскивали, связывали и бросали в трюм. Через четверо суток мы высадились в Мессине. Пепо сообщил судебным властям, что хочет передать им несколько молодцов, заслуживающих внимания. Высадка наша не лишена была торжественности. Она происходила как раз во время корсо – в те часы, когда весь большой свет совершает прогулки по набережной. Мы выступали важным шагом, сопровождаемые спереди и сзади сбирами.

Среди зрителей оказался Принчипино. Он сразу узнал меня, как только увидел, и крикнул:

– Ecco lu piciolu banditu deli Augustini!¹⁵

Он тут же подскочил ко мне, вцепился мне в волосы и расцарапал лицо. Руки у меня были связаны, я почти не мог защищаться. Но, вспомнив прием, применяемый английскими матросами в Ливорно, я высвободил голову и изо всей силы ударил его головой в живот. Негодяй упал навзничь. Но тут же вскочил в бешенстве, выхватил из кармана ножик и хотел меня пырнуть. Чтобы помешать этому, я подставил ему ногу; он грохнулся на землю и к тому же ранил себя своим собственным ножом. В эту минуту появилась герцогиня и приказала лакеям повторить со мной сцену в монастыре; но сбирь этому воспрепятствовали и увели нас в тюрьму.

Суд над нашей командой был недолог: всех приговорили к розгам и пожизненной каторге. Что же касается спасенного юнги и меня, то нас отпустили как несовершеннолетних.

Выйдя из тюрьмы, я сейчас же побежал в монастырь августинцев. Отца я не застал в живых; послушник-вратарь сказал мне, что он умер, а братья мои поступили юнгами на какой-то испанский корабль. Я попросил разрешения переговорить с отцом приором, и меня провели к нему. Я рассказал ему обо всех своих приключениях, не умолчав ни о подножке, ни об ударе, нанесенном Принчипино головой в живот. Его преподобие выслушал меня с великой добротой, потом сказал:

– Дитя мое, твой отец, умирая, оставил монастырю значительную сумму денег. Это богатство было нажито неправедным путем, и вы не имели на него никакого права. Теперь оно в руках Господа и должно быть употреблено на содержание его слуг. Однако мы осмелились взять из него несколько скудо для испанского капитана, принявшего на себя заботу о судьбе твоих братьев. Что касается тебя, мы не можем дать тебе прибежища у нас в монастыре из-за герцогини де Рокка Фьорита, знатной нашей благодетельницы. Ты отправишься, дитя мое, в принадлежащую нам деревеньку у подножья Этны и славно проведешь там свои детские годы.

После этого приор позвал брата Лэ и дал ему соответствующие указания относительно дальнейшей моей судьбы.

На другой день я тронулся с братом Лэ в путь. Приехали в деревушку; там меня устроили на жительство, и с тех пор единственной моей обязанностью стало носить посылки в город. Во время этих маленьких путешествий я старался по возможности не встречаться с Принчипино. Но как-то раз он увидел меня на улице, когда я покупал каштаны, узнал и велел лакеям немилосердно избить меня. Через некоторое время я опять влез, переодетый, к нему в комнату и, конечно, вполне мог бы его убить; до сих пор жалею, что не сделал этого, но в то время я еще недостаточно освоился с такого рода обхождением и поэтому ограничился тем, что хорошенько отхлестал его.

Несчастливая звезда моя, как вы видите, сделала то, что в ранней моей юности не проходило полугода, чтобы я не встретился с проклятым Принчипино, причем сила обычно была на его стороне. В пятнадцать лет я хоть возрастом и разумом оставался еще ребенком, однако по

¹⁵ Это ты, маленький разбойник из монастыря августинцев! (*ит. диал.*)

силе и отваге был уже взрослый мужчина, но это не должно удивлять вас, если вы учтете, что морской, а потом горный воздух очень содействовал моему телесному развитию.

Мне было пятнадцать лет, когда я впервые увидел знаменитого своим образом мыслей и отвагой Теста-Лунгу, самого порядочного и благородного из разбойников, какие когда-либо жили на Сицилии. Завтра, если вам угодно, я расскажу об этом человеке, память о котором вечно останется в моем сердце. А сейчас я должен вас покинуть: моя обязанность наблюдать за тщательным порядком в пещере.

Зото ушел, и каждый из нас на свой лад стал судить о том, что услышал. Признаюсь, я не мог отказать в известного рода уважении таким отважным людям, какими были те, которых изобразил Зото в своем повествовании. Эмина утверждала, что отвага заслуживает нашего уважения лишь в том случае, если применяется для защиты правого дела. Зибельда, со своей стороны, заметила, что в юного шестнадцатилетнего разбойника можно было влюбиться.

После ужина каждый пошел к себе, но вскоре обе сестры вдруг снова вернулись ко мне. Они сели, и Эмина промолвила:

– Милый Альфонс, не можешь ли ты принести ради нас одну жертву? И даже не столько ради нас, сколько ради себя.

– К чему все эти предисловия, моя прекрасная родственница? – ответил я. – Скажи мне просто, что я должен сделать.

– Дорогой Альфонс, – прервала Эмина, – этот талисман, который ты носишь на шее и называешь частицей животворящего креста, смущает нас и повергает в невольную дрожь.

– О, что касается этого талисмана, – поспешил возразить я, – не просите его у меня. Я обещал матери никогда не снимать его, и, по-моему, не тебе сомневаться в том, умею ли я держать свое слово.

В ответ мои родственницы слегка насупились и замолчали, но вскоре смягчились, и ночь прошла так же, как и предыдущая. Этим я хочу сказать, что пояса моих родственников остались нетронутыми.

День седьмой

На другое утро я проснулся раньше, чем накануне, и пошел проведать моих родственников. Эмина читала Коран, а Зибельда примеряла жемчуг и шали. Я прервал эти важные занятия нежными ласками, выразившими в равной мере и любовь, и дружбу. Потом мы обедали, а после обеда Зото в таких словах продолжал рассказ о своих приключениях.

Продолжение истории Зото

Я обещал рассказать вам о Теста-Лунге и теперь исполняю свое обещание. Мой друг был мирным жителем Валь-Кастеры, маленького городка у подножья Этны. У него была красивая жена. Молодой герцог Валь Кастера, осматривая однажды свои владения, увидел эту женщину, пришедшую вместе с женами самых почтенных горожан приветствовать его. Надменный юноша, вместо того чтобы принять с благодарностью дань уважения, которую его подданные пришли воздать ему устами красоты, посвятил все свое внимание прелестям синьоры Теста-Лунга. Без дальних околичностей он объяснил ей, какое впечатление произвела она на его чувства, и сунул ей руку за корсаж. В то же мгновение муж, стоявший за спиной жены, вынул нож из кармана и погрузил его в сердце молодого герцога. Мне кажется, на его месте каждый порядочный человек поступил бы так же.

Совершив это, Теста-Лунга укрылся в церкви и сидел там до наступления ночи. Полагая, однако, что ему надлежит найти более надежное убежище, он решил пристать к нескольким разбойникам, уже скрывавшимся в это время на вершинах Этны. Он ушел к ним, и они объявили его своим атаманом.

Этна в то время извергала невероятное количество лавы; среди огненных ее потоков Теста-Лунга укрыл свою банду в потайных местах, одному ему известных. Достаточно обезопасив себя таким образом со всех сторон, этот храбрый атаман обратился к вице-королю с просьбой о помиловании для себя и своих товарищей. Власть отказала, по-моему, из боязни уронить свой авторитет. Тогда Теста-Лунга вступил в переговоры с главными арендаторами окружающих поместий.

– Будем грабить сообща, – сказал он им. – Когда я буду приходить к вам, давайте мне, что сами захотите, и за это можете перед хозяевами валить все свои грабежи на меня.

Конечно, это тоже был грабеж, но Теста-Лунга добросовестно делил все между товарищами, оставляя себе лишь столько, сколько ему было необходимо для жизни. Мало того: проходя через какую-нибудь деревушку, он приказывал платить за все вдвое, так что очень скоро стал кумиром обеих Сицилий.

Я уже говорил вам, что некоторые разбойники из шайки моего отца присоединились к Теста-Лунге, несколько лет остававшемуся на южном склоне Этны, откуда он производил набеги на Валь-ди-Ното и Валь-ди-Мазара. Но в то время, о котором я говорю, то есть когда мне исполнилось пятнадцать лет, шайка вернулась в Валь-де-Мони, и однажды мы были свидетелями ее появления в деревушке августинцев.

Вы даже отдаленно не можете себе представить весь блеск и великолепие этого зрелища. Товарищи Теста-Лунги были в мундирах, кони их – покрыты шелковыми сетками; пояса, оштетиненные пистолетами и стилетами, на боку длинные сабли, за спиной огромные ружья, – вот как была вооружена эта разбойничья шайка.

В три дня разбойники съели наших кур и выпили наше вино, а на четвертый им донесли, что из Сиракуз выступил отряд драгун, чтобы окружить их. Это известие привело их в самое веселое настроение. Они устроили засаду на перекрестке дорог, ударили на отряд и разбили

его наголову. Силы неприятеля превосходили их силы в десять раз, но у каждого разбойника было больше десяти пуль, из которых ни одна не ударила мимо цели.

Одержав победу, шайка вернулась в деревушку, и я, наблюдавший издали весь бой, был в таком восхищении, что упал в ноги атаману, умоляя его принять меня в число своих. Теста-Лунга спросил, кто я такой.

– Сын разбойника Зото, – ответил я.

Услышав это почетное имя, все, кто служил под началом моего отца, издали крик радости. Потом один из них схватил меня в свои объятия, поставил на стол и промолвил:

– Друзья, в последней схватке мы потеряли лейтенанта и не знаем, кто его заменит. Пускай нашим лейтенантом будет молодой Зото. Сыновьям герцогов и графов часто доверяют командование полком. Отчего же нам не поступить так же с сыном храброго Зото? Ручаюсь, что он окажется достойным такой чести.

Слова оратора были покрыты громкими рукоплесканиями, и меня единодушно избрали лейтенантом.

Сначала это мое звание казалось им шуточным, и ни один разбойник не мог удержаться от смеха, называя меня *signore tenente*¹⁶, но вскоре им пришлось переменить свое мнение. Я не только был всегда первым в нападении и последним в отступлении, но никто из них не умел лучше меня проникнуть в замыслы противника или обеспечить шайке безопасность. То я влезал на вершины скал, чтоб охватить взглядом всю местность и дать условный знак, то проводил целые дни среди врагов, перепрыгивая с дерева на дерево. Часто случалось мне даже просиживать целые ночи напролет на самых высоких каштанах Этны, привязав себя поясом к суку на случай, если одолеет дремота. Все это было под силу для того, кто хорошо изучил ремесло трубочиста и юнги.

Так мало-помалу я снискал всеобщее уважение, и мне доверили охрану всей шайки. Теста-Лунга полюбил меня, как родного сына, и, смею сказать, я приобрел славу, чуть не превышающую его известность; вскоре по всей Сицилии ни о чем другом не говорили, как только о блестящих подвигах молодого Зото. Слава не сделала меня равнодушным к забавам, свойственным моему возрасту. Я уже говорил вам, что у нас разбойники – народные герои, и вы легко поймете, что самые хорошенькие пастушки Этны, не колеблясь, отдали бы мне свое сердце; но мне было суждено оказаться под властью более изысканных чар, и любовь приготовила для меня более лестную добычу.

Мне уже исполнилось семнадцать лет, и я был два года лейтенантом, когда новое извержение вулкана уничтожило все наши прежние укрытия и вынудило нашу шайку искать приюта где-нибудь южнее. После четырехдневного похода мы пришли к замку под названием Рокка-Фьорита, местопребыванию и главному владению моего врага Принчипино.

Я давно уже забыл об испытанных от него обидах, но название замка снова разбудило во мне жажду мести. Это нисколько не должно вас удивлять: в наших краях сердца неумолимы. Если бы Принчипино был тогда в своем замке, я, наверно, предал бы это проклятое гнездо огню и мечу. На этот раз, однако, я ограничился тем, что причинил возможно больший ущерб, в чем товарищи мои, для которых не были тайной мои побуждения, усердно мне помогли. Замковая прислуга, сперва пытавшаяся было оказать нам сопротивление, покорилась обильным потокам господского вина, добытого нами из погреба, и не замедлила перейти на нашу сторону. Одним словом, мы превратили замок Рокка-Фьорита в настоящий остров изобилия.

Гульба длилась пять дней. На шестой лазутчики предупредили меня, что против нас послан из Сиракуз целый полк и что вскоре из Мессины должен приехать Принчипино с матерью и многочисленным женским обществом. Я вывел шайку, но сам решил непременно

---

¹⁶ Господин лейтенант (*ит.*).

остаться и забрался на вершину развесистого дуба в конце сада. А для того, чтоб было легче скрыться в случае надобности, пробил отверстие в садовой ограде.

Наконец я увидел приближающийся полк, который остановился у ворот замка, расставив вокруг караулы. Вслед за этим прибыл целый ряд носилок, в которых сидели дамы, а в последних носилках расположился сам Принчипино на груди подушек. Он с трудом вышел, поддерживаемый двумя конюшими, выслал вперед отряд солдат и только после того, как ему доложили, что никого в замке больше нет, вошел туда с женщинами и несколькими дворянами, принадлежавшими к его свите.

Под моим дубом бил родник холодной воды, и тут же рядом стоял мраморный стол, окруженный скамьями. Это была самая красивая часть сада; я был уверен, что скоро сюда придет вся компания, и решил не слезать, чтобы хорошенько ее рассмотреть. В самом деле, через полчаса я увидел, что сюда подходит молодая особа моих лет. Она была прекрасней ангела; при виде ее меня внезапно охватило такое сильное волнение, что я, может быть, упал бы с дуба, если бы с обычной осторожностью крепко не привязал себя поясом к суку.

Молодая девушка шла, опустив глаза, и лицо ее выражало глубокую печаль. Она села на скамейку, облокотилась на мраморный стол и горько заплакала. Не зная сам, что делаю, я слез с дерева и встал так, что мог ее видеть, оставаясь незамеченным. Тут появился Принчипино с цветами в руке. За три года, что я не встречал его, он сильно вырос, лицо у него похорошело, но было невыразительно.

Молодая девушка окинула его презрительным взглядом, за который я был ей очень благодарен. Несмотря на это, Принчипино, полный самодовольства, подошел к ней с веселым видом и промолвил:

– Дорогая невеста, вот тебе цветы, только обещай мне не вспоминать об этом негодном бездельнике.

– Герцог, – ответила девушка, – по-моему, условия вашей благосклонности несправедливы. К тому же, если я никогда не скажу при вас ни слова о Зото, весь дом вечно будет напоминать вам о нем. Ведь даже ваша мамка утверждала в вашем присутствии, что никогда в жизни не видала более красивого юноши.

– Синьорина Сильвия! – прервал Принчипино, задетый за живое. – Не забывайте, что вы – моя невеста.

В ответ Сильвия только залилась слезами.

Тогда Принчипино в ярости воскликнул:

– Негодница, ты любишь разбойника, так получай по заслугам!

И он дал ей пощечину.

– Зото!.. Зото! – крикнула бедная девушка. – Зачем тебя здесь нет, чтобы наказать этого негодяя!

Она еще не успела договорить, как я вдруг вышел из своего укрытия и сказал герцогу:

– Ты узнаешь меня? Я разбойник и мог бы тебя убить, но слишком уважаю синьорину, призвавшую меня на помощь. Поэтому я согласен драться с тобой, как принято у вас, дворян.

При мне было два кинжала и четыре пистолета; я разделил оружие на две равные части, положил одну часть в десяти шагах от другой и предоставил ему выбор. Но жалкий Принчипино упал без чувств на скамью.

Между тем Сильвия обратилась ко мне с такими словами:

– Я благородного происхождения, но бедна и завтра должна либо выйти за герцога, либо уйти на всю жизнь в монастырь. Но я отвергаю то и другое и выбираю тебя.

И она упала в мои объятия.

Вы понимаете, что я не заставил себя долго просить. Однако надо было принять меры, чтобы герцог не помешал нам бежать. Я взял стилет и, за отсутствием молотка, камнем прибил

его руку к скамье, на которой он лежал. Он вскрикнул от боли и снова лишился чувств. Мы пролезли сквозь отверстие в садовой ограде и бежали в горы.

У всех моих товарищей были любовницы, так что они радостно приветствовали мою, а девушки их присягнули Сильвии в верности.

В конце четвертого месяца моей совместной жизни с Сильвией я был вынужден разлучиться с ней, чтобы посмотреть, какие изменения произошли на северном склоне после недавнего извержения вулкана. Во время этого путешествия я открыл в природе такие красоты, на которые прежде не обращал внимания. На каждом шагу попадались прелестные луговины, пещеры, роши – в местах, раньше казавшихся мне пригодными только для обороны или засад. Сильвия смягчила на время мое разбойничье сердце, но скоро ему предстояло обрести прежнюю суровость.

Возвращаясь к своему путешествию по северному склону горы. Употребляю это выражение потому, что сицилийцы, говоря об Этне, всегда называют ее *il monte*, то есть просто гора. Сперва я направился к так называемой Башне философа, но не мог туда добраться. Из пропасти, раскрывшейся на склоне вулкана, вырывался поток лавы; несколько выше башни он разделялся, охватывая ее как бы двумя рукавами, соединявшимися одною милей дальше, и образуя таким образом своего рода неприступный остров.

Я сразу оценил всю выгоду такого положения; к тому же на самой башне у нас был порядочный запас каштанов, который мне хотелось непременно сохранить. После тщательных поисков я нашел подземный переход, которым прежде часто пользовался и который привел меня прямо в башню. Я сразу решил поместить на этом острове наших женщин. Велел построить шалаши из ветвей и один из них особенно тщательно украсил. Потом вернулся на юг и перевел обрадованных женщин в это новое укрытие.

Теперь, переносясь памятью в то счастливое время, которое я провел на этом острове, я вижу, до какой степени оно было не похоже на ужасные тревоги, обуревавшие меня всю жизнь. Огненные потоки отделяли нас от остальных людей; огонь любви владел всеми нашими помыслами. Все подчинялись моим приказаниям, все повиновались малейшим желаниям моей возлюбленной Сильвии. Наконец, в довершение моего счастья, оба мои брата приехали ко мне. Оба они испытали много необычайных превратностей судьбы, и могу вас уверить, что если вы пожелаете когда-нибудь послушать их рассказы, они займут вас несравненно больше, чем мои.

Мало кому ни разу в жизни не довелось пережить хоть несколько счастливых дней, но не знаю, найдется ли такой человек, который может измерять свое счастье годами. Мое, во всяком случае, не длилось и года. Участники шайки вели себя порядочно относительно друг друга, ни один из них не посмел бы заглядеться на любовницу товарища, а тем более на мою; поэтому ревность была неведома, или верней – на какое-то время изгнана с нашего острова. Но безумное чувство это слишком легко находит дорогу туда, где поселилась любовь.

Молодой разбойник по имени Антонине без памяти влюбился в Сильвию и не в силах был даже скрывать свою страсть. Я сам это заметил, но, видя его печальным и удрученным, полагал, что возлюбленная моя не отвечает ему взаимностью, и был спокоен. Мне хотелось бы только излечить Антонине, которого я любил за его отвагу. Был у нас в шайке еще разбойник по имени Моро, которого я, наоборот, за низкий образ мыслей от всей души ненавидел, и если бы Теста-Лунга мне поверил, он уже давно бы его выгнал.

Моро сумел вкратце в доверие к Антонине и обещал помочь его любовным стремлениям; снискал он и доверие Сильвии и убедил мою возлюбленную, будто у меня есть любовница в соседней деревне. Сильвия побоялась высказать мне возникшие у нее подозрения, но обращение ее со мной становилось все более принужденным, и я стал думать, что огонь прежней любви остывает в ней. Со своей стороны, Антонине, обо всем осведомленный благодаря Моро, удвоил свои старания, и радостный вид его заставил меня думать, что он счастлив.

Я плохо владел искусством распутывания такого рода интриг. Я убил Сильвию и Антонине. Последний, умирая, открыл мне коварство Моро. С окровавленным стилетом я побежал к предателю; Моро испугался, упал на колени и пролепетал, заикаясь от страха, что герцог Рокка Фьорита заплатил ему, чтоб он сжил со света меня и Сильвию, и что он, Моро, единственно с этой целью вступил в нашу шайку. Я погрузил стилет ему в грудь. Потом отправился в Мессину, пробрался переодетый во дворец герцога и отправил его на тот свет вслед за его наперсником и обеими жертвами его мести.

Кончилось мое счастье, а заодно и моя слава. Отвага моя превратилась вся без остатка в полное равнодушие к жизни, а так как я стал проявлять такое же равнодушие к безопасности товарищей, то вскоре лишился их доверия. В общем могу вам сказать, что с тех пор стал самым заурядным разбойником.

Вскоре от воспаления легких умер Теста-Лунга, и шайка его рассеялась. Братья мои, хорошо зная Испанию, уговорили меня переехать туда. Во главе двенадцати человек я вышел к Таорминскому заливу и скрывался здесь три дня. На четвертый день мы завладели двухмачтовым судном и приплыли на нем к берегам Андалузии.

Хотя в Испании нет недостатка в горах, где мы могли бы найти безопасное убежище, я остановил свой выбор на хребте Сьерра-Морены и не пожалел об этом. Я захватил два каравана с пиастрами и совершил потом еще несколько столь же выгодных налетов.

Слух о наших успехах дошел до Мадрида. Губернатор Кадиса получил приказ доставить нас живыми или мертвыми и выслал против нас несколько полков. С другой стороны, великий шейх Гомелесов предложил мне поступить к нему на службу и предоставил мне в качестве убежища вот эту пещеру. Я, не долго думая, принял его предложение. Суд в Гранаде, не желая обнаруживать свое бессилие и в то же время будучи не в состоянии нас найти, приказал схватить двух пастухов из долины и повесить их под видом братьев Зото. Я знал этих двоих, и мне известно, что они совершили несколько убийств. Но говорят, что повешенье взамен нас рассердило их, и они по ночам срываются с петли и творят всякие пакости. Своими глазами я этого не видел, так что ничего не могу сказать. Но не раз, проходя ночью мимо виселицы, особенно при лунном свете, я хорошо видел, что там нет ни одного повешенного, а к утру они опять были на месте.

Вот история моей жизни, с которой вы желали познакомиться. Думаю, что братья мои, жизнь которых шла спокойней, могли бы рассказать вам более интересные события, но на это у них не будет времени, так как король уже готов, и я получил строгий приказ завтра выйти в море.

Когда Зото ушел, прекрасная Эмина печально промолвила:

– Он прав: счастье недолговечно. Мы провели здесь три дня, которые, быть может, в нашей жизни никогда больше не повторятся.

Ужин был невеселый, и я поспешил пожелать сестрам доброй ночи. Я надеялся, что увижу их в моей комнате, и тогда мне легче будет развеять их грусть.

В самом деле, они пришли даже раньше, чем обычно, и в довершение моего счастья я заметил, что они держат свои пояса в руках. Символическое значение этого поступка нетрудно было понять, однако Эмина, не рассчитывая на мою сообразительность, сказала:

– Дорогой Альфонс, твое самопожертвование ради нас было безгранично, и мы хотим, чтобы точно такой же была и наша благодарность. Быть может, мы никогда уже не встретимся. Для других женщин это было бы поводом к сдержанности, но мы хотим вечно жить в твоей памяти, и если женщины, которых ты встретишь в Мадриде, превосходят нас своими манерами и обхождением, то ни одна из них не окажется более нежной и пылкой, чем мы. Но, дорогой Альфонс, ты должен еще раз поклясться в том, что сохранишь тайну и что не поверишь, если услышишь о нас что-нибудь плохое.

Я невольно улыбнулся, услышав последнее условие, но согласился на все и получил награду в виде самых нежных ласк.

После небольшого молчания Эмина промолвила:

– Дорогой Альфонс, нас смущает эта реликвия, которую ты носишь на шее. Не можешь ли ты снять ее на некоторое время?

Я отказался, но Зибельда обняла меня за шею и перерезала ленту ножницами, которые были у нее в руке. А Эмина тотчас схватила реликвию и бросила ее в расщелину скалы.

– Завтра ты снова ее наденешь, – сказала она, – а пока повесь себе на шею вот этот шнур из наших волос с привязанным к нему талисманом, который оградит тебя, может быть, от непостоянства, если что-нибудь на свете способно оградить влюбленных от этого.

Потом Эмина вынула из своей прически золотую шпильку и тщательно заколола ею занавеси ложа.

Я следую ее примеру и опускаю занавеску на продолжение этой сцены. Достаточно сказать, что приятельницы мои стали моими женами. Бывают, конечно, такие положения, когда насилие, сопряженное с кровопролитием, представляет собой злодейство; но бывают и такие случаи, когда жестокость содействует самой невинности, позволяя ей проявиться во всем блеске. Именно так было и с нами, из чего я заключил, что родственницы мои не были участницами моих снов в Вента-Кемаде.

Чувства наши утихомирились, мы были уже совершенно спокойны, когда вдруг послышался печальный звон колокола. Часы пробили полночь. Этот звук вызвал во мне невольную тревогу, и я высказал моим родственницам опасение, не произошла ли какая-нибудь беда.

– Мне тоже страшно, – ответила Эмина. – Опасность близка, но послушай, что я тебе скажу: не верь ничему, что о нас ни сказали бы, не доверяй даже собственным глазам своим.

В это мгновение кто-то грубо разорвал занавес ложа, и я увидел человека величественной наружности в мавританских одеждах. В одной руке он держал Коран, а в другой обнаженную саблю; родственницы мои припали к его ногам со словами:

– Могущественный шейх Гомелесов, прости нас!

– *Adonde estan las fajas?*¹⁷

Потом, обращаясь ко мне, он промолвил:

– Презренный назорей, ты осквернил кровь Гомелесов! Ты должен либо перейти в веру Пророка, либо умереть.

В это мгновение я услышал страшный вой и увидел одержимого Пачеко, подававшего мне какие-то знаки из глубины комнаты. Сестры тоже увидели его, сердито кинулись к нему и вытолкали его из комнаты.

– Презренный назорей, – повторил шейх Гомелесов, – выпей одним духом напиток, содержащийся в этом кубке, или ты погибнешь позорной смертью и труп твой, повешенный между телами братьев Зото, станет пищей ястребов и игральным духом тьмы, которые будут пользоваться им для своих адских козней.

Я нашел, что в подобных обстоятельствах честь повелевает мне покончить с собой. И только воскликнул с болью:

– Ах, отец мой, на моем месте ты поступил бы так же!

После этого я взял кубок и осушил его до дна. Почувствовал невыносимую тяжесть и потерял сознание.

---

¹⁷ Где пояса? (исп.)

День восьмой

Так как я имею честь рассказывать вам о своих приключениях, вы, конечно, догадываетесь, что я не помер от питья, которое считал ядом. Я только лишился чувств и не знаю, как долго пробыл в таком состоянии. Но помню, что опять проснулся под виселицей Лос-Эрманос, на этот раз, однако, не без чувства удовлетворения, что еще жив. Кроме того, я находился уже не между висельниками, а лежал слева от них, справа же от себя увидел какого-то человека, которого принял тоже за висельника, так как он производил впечатление мертвого, и на шее у него была петля. Однако вскоре я убедился, что он только спит, и разбудил его. Увидев место своего ночлега, незнакомец засмеялся и промолвил:

– Нужно признать, что в каббалистической практике бывают порой досадные недоразумения. Злые духи умеют принимать столько обличей, что невозможно узнать, с кем имеешь дело. Однако, – продолжал он, – откуда у меня взялась эта веревка на шее – вместо плетенки из волос, которую я носил еще вчера. – Потом, увидев меня, промолвил: – И сеньор здесь?.. Сеньор слишком молод для каббалиста... Но я вижу, у тебя тоже веревка на шее.

В самом деле, оказалось, что он прав. Тут я вспомнил, что вчера Эмина надела мне на шею плетенку из своих и Зибельдиных волос, и сам не знал, как понимать это превращенье.

Каббалист поглядел на меня проницательным взглядом и сказал:

– Нет, ты не из наших. Тебя зовут Альфонс. Твоя мать – родом из Гомелесов, ты – капитан валлонской гвардии, у тебя много храбрости, да мало жизненного опыта. Но это не важно; надо прежде всего отсюда выбраться, а там посмотрим, что делать.

Ворота ограды были открыты, мы вышли, и я снова увидел перед собой долину Лос-Эрманос. Каббалист спросил меня, куда я направляюсь. Я ответил, что намерен податься в сторону Мадрида.

– Отлично! – ответил он. – Я тоже в ту сторону, но сперва немного подкрепимся.

Тут он вынул из кармана позолоченный кубок, маленький сосуд с какой-то разновидностью опиата и хрустальную склянку с желтоватой жидкостью. Бросив в кубок ложечку опиата, он влил туда несколько капель жидкости и велел мне сразу все выпить. Я не заставил его повторять, так как помирал с голоду. В самом деле, напиток оказал чудотворное действие. Я почувствовал такой прилив сил, что смело мог пуститься дальше, тогда как только что это было бы попросту невозможно.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда мы увидели злосчастный трактир Вента-Кемада. Каббалист остановился и промолвил:

– Вот место, где нынче ночью со мной сыграли скверную шутку. Но придется все-таки войти внутрь, потому что я оставил здесь кое-какую снедь, которой мы можем подкрепиться.

Мы вошли в проклятую венту и увидели на столе в столовой паштет из куропаток и две бутылки вина. У каббалиста оказался прекрасный аппетит; его пример придал мне смелости, иначе сомневаюсь, чтобы я рискнул взять что-нибудь в рот. Все виденное за эти несколько дней до того сбило меня с толку, что я сам не знал, что делаю, и если б кому-нибудь вздумалось уверить меня, что я вовсе не существую, он достиг бы цели.

Пообедав, мы обошли все комнаты и попали в ту, где я ночевал впервые после выезда из Андухара. Я узнал свою жалкую постель и, сев на нее, стал раздумывать о том, что со мной было, – в особенности над происшествием в пещере. Вспомнил о том, что Эмина просила меня не верить, если я услышу о ней что-нибудь плохое. Я глубоко ушел в эти размышления, как вдруг каббалист обратил внимание на что-то блестящее, застрявшее в щели пола. Взглянув поближе, я убедился, что это реликвия, которую сестры отняли у меня в пещере. Я видел, как они кинули ее в расщелину скалы, а теперь – вот она, в щели пола. Я действительно начал сомневаться, что выходил куда-нибудь из этого проклятого трактира и что отшельник, инкви-

зитор, братья Зото – призраки, порожденные моим больным воображением. В то же время я, при помощи шпаги, достал реликвию и опять повесил ее себе на шею.

Каббалист засмеялся и сказал:

– Ведь это твоя собственность, сеньор кавалер. После такой ночи, как та, что же удивительного, что ты проснулся под виселицей. Но это не важно; пойдём отсюда, нам нынче же вечером надо быть в обители отшельника.

Оставив трактир, мы не прошли еще полдороги, как встретили отшельника, с трудом шагавшего, опираясь на посох. Завидев нас, он воскликнул:

– Ах, молодой мой друг, я как раз ищу тебя. Вернись ко мне в обитель, вырви свою душу из когтей сатаны, а сейчас дай мне опереться на твою руку. В поисках тебя я выбился из сил.

После короткого отдыха мы двинулись дальше. Старик шел, опираясь то на одного, то на другого из нас. Наконец мы подошли к обители.

Войдя, я увидел Пачеко, распростертого посреди комнаты. Мне показалось, что он умирает, – по крайней мере, из груди его вырывался страшный хрип, который служил признаком приближающейся смерти. Я попробовал заговорить с ним, но он меня не узнал. Тогда отшельник зачерпнул святой воды и окропил одержимого со словами:

– Пачеко! Пачеко! Именем твоего искупителя повелеваю тебе рассказать, что с тобой было этой ночью.

Пачеко задрожал, издал страшный рев и начал так.

Рассказ Пачеко

Отец мой, ты был как раз в часовне и молился, когда я услышал стук в дверь и блеяние – будто блеет наша белая коза. Я уж подумал, не забыл ли я ее подоить и вот добросовестное животное пришло напомнить мне о моей обязанности. Это было тем убедительнее, что несколько дней тому назад со мной действительно произошел такой случай. Я вышел наружу и в самом деле увидел нашу белую козу, которая стояла ко мне задом, показывая свое вздувшееся вымя. Я хотел попридержать ее, чтоб оказать ей желанную услугу, но она вырвалась у меня из рук и, все время то останавливаясь, то опять убегая, привела меня на край пропасти, разверзшейся возле скита.

Тут белая коза вдруг превратилась в черного козла. Испуганный этим превращением, я хотел бежать к нашему дому, но черный козел преградил мне дорогу и, поднявшись на дыбы, поглядел на меня огненными глазами. Кровь застыла у меня в жилах. А черный козел стал бодать меня рогами и толкать к пропасти. Когда я был уже на самом краю, он на минуту остановился, словно желая насладиться зрелищем моих мучений. Наконец он столкнул меня в пропасть. Я думал, что разобьюсь вдребезги, но козел оказался на дне пропасти раньше меня и принял меня к себе на спину, так что я нисколько не пострадал.

Но меня тут же снова охватил страх, потому что проклятый козел, как только почувствовал, что я у него на спине, начал дико скакать. Одним прыжком он перепрыгивал с горы на гору, перемахивая через глубочайшие пропасти, будто через обыкновенные рвы; наконец он отряхнулся, и я, сам не знаю как, очутился в пещере, где увидел молодого путника, за несколько дней перед тем ночевавшего в нашей обители.

Юноша сидел на постели, а рядом с ним были две прелестные девушки в мавританских уборах. Осыпая его ласками, девушки сняли у него с шеи реликвию и в то же мгновение утратили у меня на глазах всю свою красоту – я узнал в них двух висельников из долины Лос-Эрманос. Однако молодой путник принимал их по-прежнему за красавиц, обращаясь к ним с самыми нежными речами. Один из висельников сейчас же снял со своей шеи петлю и затянул ее на шее юноши, а тот стал ласками выражать благодарность. Потом они закрыли занавеску, и я не знаю, что они дальше делали, но думаю, что совершали какой-нибудь страшный грех.

Я хотел закричать, но у меня отнялся голос. Это длилось довольно долго; наконец пробило полночь, и я увидел входящего сатану с огненными рогами и пламенным хвостом, который несли за ним несколько дьяволят.

Сатана в одной руке держал книгу, а в другой вилы. Он стал угрожать юноше смертью, если тот не перейдет в веру Магомета. Тогда, видя христианскую душу в опасности, я собрал все силы, крикнул, и, кажется, юноша меня услышал. Но в это самое мгновение висельники бросились ко мне и вытащили меня из пещеры на двор, где оказался тот самый козел. Один висельник сел на козла, другой на меня, и они снова заставили нас обоих скакать через горы и пропасти. Тот, что сидел у меня на плечах, сжимал мне бока пятками, но, видимо, решив, что я бегу недостаточно быстро, поднял с дороги двух скорпионов, прикрепил их себе к ногам вместо шпор и стал с неслыханной жестокостью раздирать мне бока. Наконец мы прискакали к двери обители, где они меня покинули. В то утро, отец мой, ты нашел меня лежащим без сознания. Очнувшись в твоих объятиях, я понял, что спасся, но яд скорпионов отравил мою кровь. Он жжет мне внутренности, и я чувствую, мне не выдержать этих мучений.

* * *

Тут одержимый страшно зарычал и умолк.

Тогда заговорил отшельник, обращаясь ко мне:

– Сын мой, может быть, ты действительно имел половое сношение с двумя дьяволами? Пойдем, исповедайся, покайся в содеянном. Милосердье божие не знает границ. Не отвечаешь? Неужели ты так закоснел в грехе?

Немного помолчав, я ответил:

– Отец мой, этот одержимый сеньор видел совсем другое, чем я. Один из нас был, конечно, околдован, может быть, даже мы оба с ним видели не так. Но вот перед тобой благородный каббалист, тоже ночевавший в Вента-Кемаде. Может быть, он согласится рассказать нам о том, что было с ним, и это прольет новый свет на неясные для нас происшествия последних дней.

– Сеньор Альфонс, – прервал каббалист, – люди, занимающиеся, подобно мне, тайными науками, не могут говорить всего. Однако постараюсь, насколько возможно, удовлетворить твое любопытство, только прошу – не сейчас. Поужинаем и ляжем спать. Утро вечера мудреней.

Отшельник угостил нас скромным ужином, и после этого мы разошлись. Каббалист заявил, что должен провести ночь возле одержимого, а я пошел в часовню и лег там на той же самой постели, на которой уже провел одну ночь. Отшельник пожелал мне спокойной ночи и предупредил, что, уходя, на всякий случай запрет за собой дверь.

Оставшись один, я стал размышлять над рассказом Пачеко. Не могло быть ни малейшего сомнения, что он находился вместе со мной в пещере, – я тоже видел, как мои родственницы кинулись к нему и вытащили его наружу; но ведь Эмина предупредила меня, чтоб я не верил, если услышу о ней и ее сестре что-нибудь плохое. К тому же бесы, овладевшие Пачеко, могли помутить его чувства и одурманить их всякими наваждениями.

Таким способом старался я всячески оправдать и оградить свою любовь к обеим сестрам, как вдруг пробило полночь. Тотчас вслед за этим послышался стук в дверь и как бы бляенье козы. Я взял шпагу, подошел к двери и крикнул громким голосом:

– Если ты – дьявол, так постарайся сам отпереть дверь, которую запер отшельник.

Коза замолчала. Я снова лег и проспал до утра.

День девятый

Отшельник пришел, разбудил меня и, сев на край моей постели, сказал:

– Дитя мое, нынче ночью злые духи опять строили у меня в обители адские козни. Пустынники Фиваиды страдали от преследований сатаны не больше, чем я; кроме того, я не знаю, что думать о человеке, который пришел с тобой и называет себя каббалистом. Взятся исцелить Пачеко и в самом деле очень ему помог, но не прибежал к экзорцизмам, которые предписаны ритуалом нашей святой церкви. Пойдем ко мне в хижину, завтрак уже готов, а потом мы, наверно, услышим историю, обещанную вчера каббалистом.

Я встал и пошел за отшельником. Действительно, Пачеко был в гораздо лучшем состоянии, и лицо его показалось мне не таким отталкивающим. Он и теперь был кривой, но уже не высовывал так противно язык. Рот перестал пениться, и единственный глаз был не такой дикий и блуждающий. Я поздравил каббалиста, но он ответил, что это – лишь слабое доказательство его искусства. Тут отшельник принес завтрак, состоящий из кипяченого молока и каштанов.

Во время этой скромной трапезы в комнату вдруг вошел человек, худой и бледный, весь облик которого внушал ужас, хотя невозможно было сказать, чем, собственно, этот ужас вызывается. Незнакомец преклонил передо мной колени и снял шляпу. Голова у него оказалась повязанной. Он протянул ко мне шляпу, словно прося милостыню. Я бросил ему золотой. Причудливый нищий поблагодарил и прибавил:

– Сеньор Альфонс, твой добрый поступок не останется втуне. Имей в виду, что тебя ждет важное письмо в Пуэрто-Лапиче. Прочти его, прежде чем въехать в Кастилию.

Сделав мне это предупреждение, незнакомец преклонил колени перед отшельником, который наполнил его шляпу каштанами, а затем – перед каббалистом, но тут вдруг вскочил со словами:

– От тебя мне ничего не надо. Если скажешь, кто я, то в свое время горько об этом пожалеешь.

После этого он ушел. Когда мы остались одни, каббалист засмеялся и сказал:

– Чтоб вы знали, как мало я боюсь угроз этого человека, я сразу вам скажу, что это Вечный Жид, о котором вы, конечно, слышали. Вот уже семнадцать веков, как он ни разу не присел и не прилег, не отдыхал и не заснул. Нигде не останавливаясь, он на ходу съест ваши каштаны и завтра утром будет отсюда миль за шестьдесят. Обычно он обегает во всех направлениях необозримые пустыни Африки. Питается он дикими плодами, и хищные звери проходят мимо него, не причиняя ему вреда, благодаря священному знаку «тав» на лбу. Вот почему, как вы заметили, у него на голове повязка. Он никогда не бывает в наших краях, кроме как по зову какого-нибудь каббалиста. Но могу вас уверить, что я его сюда не вызывал, так как терпеть его не могу. Однако нельзя не признать, что ему бывает известно очень многое; так что советую, сеньор Альфонсо, не пренебрегать его словами.

– Сеньор каббалист, – ответил я. – Вечный Жид сказал мне, что в Пуэрто-Лапиче есть письмо на мое имя. Я рассчитываю быть там послезавтра и не забуду спросить об этом у хозяина трактира.

– Нет надобности ждать так долго, – возразил каббалист. – Слишком мало значил бы я в мире духов, если б не мог доставить это письмо скорей.

Тут он склонил голову к правому плечу и произнес повелительным тоном несколько фраз. Через пять минут на стол упал большой конверт на мое имя. Я распечатал конверт и прочел следующее:

«Сеньор Альфонс!»

По повелению Его королевского величества, нашего всемилостивейшего государя, Дона Филиппа V, предуведомляю тебя, что тебе надлежит воздержаться от приезда в Кастилию. Этот запрет имеет единственной причиной несчастье, приведшее к тому, что ты навлек на себя гнев Святого трибунала, обязанность которого охранять чистоту веры в Испании. Но пускай это обстоятельство ничуть не ослабляет в тебе усердия и желания служить королю. Прилагаю при сем разрешение на трехмесячный отпуск. Проведи это время на границе Кастилии и Андалузии; однако не оставайся подолгу ни в одной из этих провинций. Приняты необходимые меры, чтобы успокоить твоего почтенного отца, и все это дело представлено ему в самом успокоительном свете.

Твой доброжелатель дон Санчо де Тордепеньяс, военный министр».

К письму был приложен документ об отпуске на три месяца с соответствующими подписями и печатями.

Мы подивились быстроте посланцев каббалиста, а потом попросили его сдержать свое обещание и рассказать о событиях прошлой ночи в Вента-Кемаде. Он опять предупредил нас, как и накануне, что мы не пойдем многого из того, что он нам расскажет, но, помолчав, начал свое повествование.

История каббалиста

В Испании меня называют доном Педро де Уседа, и под этим именем я являюсь владельцем прекрасного замка на расстоянии одного дня пути отсюда. Настоящее же мое имя – рабби Цадок Бен-Мамун, так как я еврей. Такое признание в Испании не вполне безопасно, но помимо того, что я рассчитываю на вашу порядочность, должен заранее сказать, что повредить мне не так-то легко. С первых мгновений моей жизни на жребии моем начало сказываться влияние созвездий. Отец мой, составив мой гороскоп, с великой радостью увидел, что я появился на свет в тот момент, когда солнце переходило в созвездие Девы. Он действительно приложил все свое искусство для достижения этой цели, но не надеялся на такой превосходный результат.

Нет надобности говорить вам, что отец мой, Мамун, был первым астрологом своего времени. Но чтение звезд принадлежит к самым несложным наукам, которые он знал; особенно глубоко, как ни один раввин до него, проник он в тайны каббалистики.

Через четыре года после моего появления на свет у отца родилась дочь – под знаком Блинецов. Несмотря на эту разницу, воспитывали нас одинаково. Мне не было еще двенадцати лет, а сестре восьми, как мы уже говорили по-древнееврейски, по-халдейски, по-сиро-халдейски, знали наречия самаритян, коптов, абиссинцев и разные другие мертвые или умирающие языки. Кроме того, мы без помощи карандаша могли разложить буквы любого слова по всем способам, предусмотренным правилами каббалистики.

Мне как раз исполнилось двенадцать лет, когда волосы наши с необычайной тщательностью были уложены в кольца; и чтобы не оскорблять стыдливости, свойственной созвездиям, под которыми мы родились, нас кормили мясом чистых животных, выбирая для меня самцов, а для сестры моей – самок.

Когда мне пошел шестнадцатый год, отец решил открыть нам доступ к тайнам каббалы «Сефирот». Он начал с того, что дал нам в руки «Сефер Зохар», так называемую «Светлую книгу», в которой ничего нельзя понять, настолько блеск этого произведения ослепляет сознание созерцающих. Затем мы углубились в «Сифра Дизениута», или «Книгу тайн», в которой самое понятное предложение может вполне сойти за загадку. Наконец приступили к «Идра Рабба» и «Идра Зутта», то есть к «Великому» и «Малому Собранию». Это – беседы, в которых рабби Симон, сын Иохая, автор двух предыдущих произведений, снижая свой язык до обычной повседневной речи, делает вид, будто объясняет своим друзьям самые простые вещи, а

в то же время открывает им самые удивительные тайны, – верней, все эти откровения исходят непосредственно от пророка Илии, тайно покинувшего небесные края и присутствующего среди собеседников под именем раввина Аввы.

Может быть, вы все воображаете, что могли бы получить представление об этих божественных книгах по латинскому переводу, изданному, одновременно с халдейским оригиналом, в тысяча шестьсот восемьдесят четвертом году в маленьком немецком городке Франкфурте, но нам смешна самонадеянность тех, по мнению которых довольно обычного человеческого зрения, чтоб читать эти книги. Этого, конечно, достаточно, имея дело с некоторыми теперешними языками, но в древнееврейском каждая буква есть число, каждая фраза – хитрое сочетание, каждое предложение – грозная формула, произнеся которую с соответствующим придыханием и ударением можно без труда передвигать горы и осушать реки.

Вы хорошо знаете, что Адонай словом создал мир, после чего сам превратился в слово; слово приводит в движение воздух и мысль, воздействует одновременно и на ощущение и на душу. Хоть вы и непосвященные, однако в состоянии сделать отсюда вывод, что слово есть необходимый посредник между материей и духом.

Могу вам лишь сказать, что мы приобретали каждый день не только новые знания, но и новое могущество. Если даже мы еще не смели им пользоваться, то все же радовались, гордые тем, что, по нашему внутреннему убеждению, сила эта таится в нас. Но вскоре одно в высшей степени печальное происшествие положило конец нашим каббалистическим наслаждениям.

С каждым днем я и сестра убеждались в том, что отец наш Мамун теряет силы. Он казался чистым духом, затем только принявшим человеческий облик, чтобы его лучше видели подлунные существа. Наконец однажды он велел позвать нас к нему в рабочую комнату. Вид его был такой дивный и просветленный, что мы невольно упали перед ним на колени. Он оставил нас в этом положении и, указав на песочные часы, промолвил:

– Когда этот песок пересыплется, меня уж не будет на этом свете. Запомните все, что я вам скажу... Сын мой, к тебе обращаюсь я прежде всего. Я предназначил тебе небесных жен, дочерей Соломона и царицы Савской. До их появления на свет никто не думал, что они станут бессмертными, но Соломон научил царицу произносить имя Сущего. Царица произнесла его имя в то мгновение, когда разрешалась от бремени. Прилетели духи Великого Восхода, приняли двух близнецов, прежде чем они коснулись нечистого обиталища, которое зовется Землей, а потом унесли их в сферу дочерей Элоима, где они были наделены даром бессмертия и способностью разделить его с тем, кого обе сестры-близнецы выберут впоследствии своим общим мужем. Это как раз те две жены с необозначенными приметам, которых отец их вспоминает в своей «Шир-гашширим», или «Песни Песней». Вдумайся в эту божественную эпиграмму, останавливаясь на каждом десятом стихе... Для тебя, дочь моя, я предназначил гораздо более блестящий брак. Твоими мужьями будут двое Тоамимов, те самые, которых греки знали под названьем Диоскуров, а финикийцы – Кабиров, словом, Близнецы Зодиака. Что я говорю!.. Сердце твое слишком чувствительно... боюсь, как бы какой-нибудь смертный... Весь песок ушел из клепсидры... Я умираю...

С этими словами отец исчез, и на том месте, где он лежал, мы нашли лишь горстку легкого светлого пепла. Я собрал эти драгоценные останки, положил их в урну и поместил в домашнем святилище под крыльями херувимов.

Вы понимаете, что надежда стать бессмертным и обладать двумя небесными женами удвоила во мне рвение к каббалистическим наукам. Однако в течение многих лет я не решался подняться в безграничную высь и довольствовался тем, что подчинил себе при помощи заклятий несколько духов восемнадцатой ступени. Но с каждым годом я набирался большей смелости. В прошлом году начал трудиться над первыми стихами «Шир-гашширим». Не успел я разложить первый стих, как слух мой поразил оглушительный грохот, словно весь мой замок рушился до самого основания. Я ничуть не испугался; напротив, убедился, что дело у меня

идет на лад. Перешел к следующему стиху, и когда покончил с ним, светильник со стола упал на пол, подскочил несколько раз и неподвижно остановился перед большим зеркалом, висевшим в глубине комнаты. Я поглядел в зеркало и увидел кончики двух прелестных женских ножек. Сейчас же вслед за ними показались две другие ножки. Я с наслаждением подумал, что восхитительные ножки эти принадлежат небесным дочерям Соломона, но не решился продолжать свои занятия.

Следующей ночью я снова взялся за работу и увидел две пары ножек до лодыжек; а двадцать четыре часа спустя стали уже проступать колени, но тут солнце вышло из созвездия Девы, и мне пришлось прервать свои труды.

Когда солнце вступило в созвездие Близнецов, сестра моя предприняла такие же действия и увидела не менее удивительные явления, но я не стану передавать вам то, что не имеет никакого отношения к моей собственной истории.

В этом году я собирался возобновить прерванную работу, но узнал, что через Кордову как раз должен проехать знаменитый адепт. Спор, возникший у меня с сестрой по этому поводу, побудил меня посетить его. Я немного задержался с выездом из дому и к ужину достиг только Вента-Кемады. В трактире было пусто из-за водившихся там духов, но так как я совершенно их не боюсь, то устроился в столовой и приказал маленькому Немраэлю принести ужин. Немраэль – маленький дух очень низкой ступени, которым я пользуюсь для такого рода поручений; как раз он и принес тебе письмо из Пуэро-Лапиче. Он отправился в Андухар, где ночевал какой-то приор бенедиктинцев, без всяких церемоний отнял у него ужин и принес этот ужин мне в трактир. Ужин составлял паштет из куропаток, который ты нашел еще на другой день утром: я так устал, что едва до него дотронулся. После этого я отослал Немраэля к моей сестре и лег спать.

Посреди ночи я был разбужен боем часов, пробивших полночь. Эта музыкальная прелюдия заставила меня ждать появления какого-нибудь духа, и я стал готовиться к изгнанию его, так как в большинстве случаев это нежеланные, непрошенные гости. Во время приготовлений я вдруг увидел на столе, стоящем посреди комнаты, сильный свет, потом появился маленький голубой раввин, который стал бить поклоны перед аналоем, как обычно делают раввины во время молитвы. Он был ростом самое большее в пядь, и голубой была не только его одежда, но даже лицо, борода, аналой и книга. Я сразу понял, что это не дух, а гений двадцать седьмой ступени. Имя его было и осталось мне неизвестным. Но я применил заклинание, которому всюду подчиняются все Духи.

Маленький голубой раввин сейчас же обернулся ко мне и промолвил:

– Ты начал свою работу не с того конца, и в этом причина, что ты увидел сперва ноги дочерей Соломона. Начни с последних стихов и старайся прежде всего отгадать имена небесных красавиц.

С этими словами маленький раввин бесследно исчез. То, что он мне сказал, противоречило всем правилам каббалистики, но я был так неосмотрителен, что послушался его совета. Начал складывать последний стих «Шир-гашширим», и поиски привели меня к таким именам двух бессмертных: Эмина и Зибельда. Я был крайне удивлен, однако начал заклинание. Тогда земля страшно задрожала под моими ногами, мне показалось, что небо раскалывается у меня над головой, и я упал без чувств.

Придя в сознание, я увидел, что нахожусь в месте, полном необычайного сияния. Несколько юношей прекрасней ангелов держали меня в объятиях, и один из них обратился ко мне с такими словами:

– Сын Адама, очнись! Ты в местопребывании тех, которые не умирают. Нами правит патриарх Енох, ходивший перед Элоимом и взятый на небо. Пророк Илия – наш первосвященник, и колесница его всегда будет в твоём распоряжении, как только ты захочешь совершить поездку на какую-нибудь из планет. Мы – эгрегоры, то есть дети, порожденные сынами Элоима

и дочерьми человеческими. Ты увидишь среди нас также несколько нефилимов, но лишь не много. Пойдем, мы представим тебя нашему повелителю.

Я пошел за ними и остановился у ступеней трона, на котором восседал Енох. Не было никакой возможности вынести блеск его очей, я не смел даже поднять взгляд выше его бороды, подобной бледному свету, окружающему месяц в туманную ночь. Я опасался, в состоянии ли будут уши мои вынести звук его голоса, но голос этот оказался слаще небесных органов.

Кроме того, он еще смягчил его, обратившись ко мне со словами:

– Сын Адама, сейчас приведут твоих жен.

В то же мгновение я увидел пророка Илию; он вошел, держа за руки двух красавиц, чьих прелестей ни один смертный не в силах был бы постичь. Сквозь прозрачные тела их можно было видеть души и подробно проследить, как пламя страсти бродит по их жилам и смешивается с кровью. Два нефилима несли за ними треножник из металла, во столько же раз более драгоценного, чем золото, во сколько золото дороже свинца. Дочери Соломона приблизили ко мне руки и повесили мне на шею ожерелья, сплетенные из их волос. В тот же миг живой и чистый пламень вырвался из треножника и пожрал все, что было во мне смертного. Нас проводили в спальню, блистающую светом и пламенеющую любовью, отворили огромное окно, выходившее на третье небо, и тотчас зазвучали райские напевы ангелов. Наслаждение овладело всеми моими чувствами...

Что же сказать вам еще? Утром на другой день я проснулся под виселицей Лос-Эрманос между двумя отвратительными трупами, – так же, как вот этот молодой путник. Из этого я заключил, что имел дело с неслыханно коварными духами, природы которых хорошо не знаю. Боюсь даже, как бы это происшествие не повредило мне в глазах настоящих дочерей Соломона, чьи ножки я видел.

– Несчастный слепец! – сказал отшельник. – О чем ты жалеешь? В твоей проклятой науке – все призрак. Духи тьмы, только посмеявшись над тобой, причинили бедному Пачеко гораздо более страшные мученья. Точно такая же участь ждет, несомненно, и этого молодого офицера, не желающего из-за пагубного упрямства признать свою вину. Альфонс, Альфонс, сын мой, исповедуйся в грехах своих, пока еще есть время.

Меня вывели из терпения эти настойчивые требования отшельника, чтоб я покался. Я холодно ответил ему, что высоко чту его святые предостережения, но что главный двигатель всех моих поступков есть чувство чести, и мы заговорили о другом.

– Сеньор Альфонс, – сказал каббалист, – раз тебя преследует инквизиция, а король велит тебе провести три месяца в этой пустыне, я готов предоставить тебе мой замок. Ты познакомишься с моей сестрой Ревеккой, которая так же красива, как и учена. В самом деле, поедем ко мне; ты – из рода Гомелесов, и отпрыск их имеет право на наше сочувствие.

Я посмотрел на отшельника, стараясь понять по выражению его лица, как он отнесется к этой мысли. Казалось, каббалист догадался о моих сомнениях и, повернувшись к отшельнику, сказал:

– Отец мой, я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Вера дает тебе великую власть. Мои средства, хоть и не столь святые, однако и не дьявольские. Не откажись тоже воспользоваться моим гостеприимством, вместе с Пачеко, которого я, будь уверен, совершенно вылечу.

Прежде чем ответить, отшельник стал молиться; после короткого размышления он подошел к нам с веселым лицом и сказал, что готов присоединиться к нам. Каббалист склонил голову к правому плечу и приказал подать коней. Тотчас мы увидели перед дверью обителю двух прекрасных коней для нас обоих и двух мулов – для отшельника и одержимого. Хотя замок, по словам Бен-Мамуна, находился на расстоянии дня пути, мы уже через час были у цели.

Бен-Мамун все время рассказывал мне о своей ученой сестре, и я ждал увидеть какую-то черноволосую Медею с волшебной палочкой в руке, бормочущую непонятные каббалисти-

ческие заклинания. Я ошибся в своих ожиданиях. Восхитительная Ревекка, встретившая нас у ворот замка, оказалась самой прелестной, очаровательной блондинкой, какую только можно себе представить. Прекрасные золотые кудри падали с непринужденной грацией ей на плечи. Белоснежное одеяние, застегнутое пряжками, которым нет цены, свободно ниспадало вдоль ее дивного стана. На первый взгляд могло показаться, что она не придает особого значения одежде; однако, если бы это было даже не так, и тогда она не могла бы усилить колдовское действие своих дивных чар.

Ревекка кинулась брату на шею со словами:

– Как я за тебя тревожилась, особенно в первую ночь, когда никак не могла разузнать, что с тобой случилось! Что ты в это время делал?

– Потом расскажу, – ответил Бен-Мамун. – А сейчас постарайся как можно лучше принять гостей, которых я тебе привел. Это – отшельник из долины, а вот этот юноша – из рода Гомелесов.

Ревекка поглядела равнодушно на пустытника, но, кинув взгляд на меня, слегка покраснела и печально промолвила:

– Надеюсь, что сеньор, по счастью, не принадлежит к нам.

Мы вошли в замок, и тотчас за нами был поднят подъемный мост. Замок был просторный и содержался в отменном порядке, хотя вся прислуга состояла из одного молодого мулата и мулатки. Бен-Мамун повел нас прежде всего в свою библиотеку – маленькую круглую комнату, служившую в то же время столовой. Мулат постелил скатерть, принес олюю подриду и четыре прибора; Ревекка не села с нами за стол. Отшельник, смягчившись, ел больше обычного. Пачеко, хоть по-прежнему кривой, успокоился, однако не посветлел лицом и хранил молчанье. Бен-Мамун кушал с аппетитом, но был по-прежнему рассеян и признался нам, что вчерашнее происшествие не выходит у него из головы. Когда мы встали из-за стола, он сказал:

– Дорогие гости, вот книжки для вашего развлечения. Мой мулат – в вашем распоряжении; а сейчас позвольте мне удалиться, у меня кое-какие неотложные дела с сестрой. Мы встретимся с вами завтра в обеденную пору.

Бен-Мамун ушел, оставив нас, можно сказать, хозяевами его замка. Отшельник взял с полки легенду о первых отцах пустынножителях и велел Пачеко, чтоб тот прочел ему несколько глав. Я вышел на замковую террасу, висящую над пропастью, в глубине которой мчался, грохоча, поток. Как ни мрачна показалась мне местность, я с невероятным наслаждением всматривался в нее или, скорей, отдавался впечатлению необычайного зрелища. Не столько печаль владела мной, сколько все душевные силы мои охватило оцепенение, вызванное теми страшными тревогами, которые я испытал за последние дни. Чем больше размышлял я над событиями, которых был свидетелем, тем меньше понимал их; в конце концов я стал бояться думать о них – из опасения, как бы не сойти с ума. Надежда провести несколько спокойных дней в замке Уседы вносила немного отрады в мою измученную душу.

С такими мыслями я вернулся в библиотеку. На склоне дня мулат подал нам ужин, состоявший из холодного мяса (причем мясо нечистых животных отсутствовало) и сушеных плодов. После этого мы разошлись: отшельника и Пачеко отвели в одну комнату, а меня в другую.

Я лег и заснул, но вскоре прекрасная Ревекка разбудила меня и сказала:

– Сеньор Альфонс, прости, что я вынуждена прервать твой сон. Я сейчас от брата, с которым мы творили самые страшные заклинания, чтобы познать природу тех духов, что напали на него в Вента-Кемаде. Но все наши усилия оказались напрасными. Мы думаем, что он стал игрушкой ваалов, над которыми мы не имеем никакой власти. Однако страна Еноха действительно такая, какой он ее видел. Все это для нас невероятно важно, и я умоляю тебя рассказать нам о твоих собственных приключениях.

С этими словами Ревекка села на постель рядом со мной, но, казалось, занята была одной лишь тайной, выяснения которой ждала от меня. Однако я упорно молчал, ссылаясь на то, что дал честное слово ни при ком не упоминать о виденном.

– Как ты можешь думать, сеньор Альфонс, – продолжала настаивать Ревекка, – будто честное слово, данное двум дьяволам, к чему-то тебя обязывает? Мы уже установили, что это два женских злых духа, один – по имени Эмина, другой – по имени Зибельда, но пока не можем проникнуть в природу этих дьяволов, потому что в нашей науке, как и во всех других, нельзя знать все.

Я опять отказался говорить и попросил красавицу больше меня ни о чем не спрашивать. Тогда она взглянула на меня с невыразимой нежностью и промолвила:

– Какой же ты счастливый, что можешь так твердо держаться основ добродетели, которая озаряет все твои поступки! Каким спокойным сознанием чистой совести можешь ты наслаждаться! И насколько наша участь не похожа на твою! Мы хотели увидеть предметы, недоступные взорам смертного, и постичь то, чего дух человеческий не в состоянии понять. Я не создана для этих сверхъестественных знаний; на что мне пустая власть над злыми духами? Во сто раз предпочла бы я властвовать над сердцем преданного супруга, но отец мой захотел, и я должна покориться моему предназначению.

Тут Ревекка вынула платочек и утерла слезы, катившиеся жемчужинами по ее прекрасному лицу, а потом прибавила:

– Сеньор Альфонс, позволь мне завтра вернуться в этот самый час и еще раз постараться преодолеть твое упорство, или, как ты это называешь, нерушимую верность своему слову. Скоро солнце перейдет в созвездие Девы – тогда уж не останется времени, и предназначение исполнится.

На прощанье Ревекка дружески пожала мне руку и с видимой досадой пошла опять заниматься своими каббалистическими трудами.

День десятый

Я проснулся раньше обычного и вышел на террасу – подышать свежим воздухом, пока солнце еще не начало печь. Вокруг царили мир и тишина, даже поток как будто шумел не с таким грохотом, позволяя слышать гармоничное пенье птиц. Безмятежное спокойствие стихий отразилось на душе моей, и я мог трезво обдумать все происшедшее со мной после выезда из Кадиса. Только тут вспомнил я несколько выражений, случайно вырвавшихся у наместника провинции дона Энрике де Са, и понял, что он тоже что-то знает о таинственном существовании Гомелесов и даже в какой-то мере причастен к самой тайне. Он лично рекомендовал мне обоих слуг – Лопеса и Москито – и не по его ли приказу они покинули меня у входа в злосчастную долину Лос-Эрманос? Мои родственницы не раз давали мне понять, что меня хотят подвергнуть испытанию. Я подумал, что в Вента-Кемаде мне дали снотворного питья, а затем сонного перенесли под виселицу. Пачеко мог окриветь совсем по другой причине, а его любовные отношения и страшное происшествие с двумя висельниками могли быть басней. Отшельник, желавший посредством исповеди вырвать у меня тайну, стал мне казаться орудием Гомелесов, чья цель была испытывать мою стойкость.

В конце концов туман, окутывавший мои приключения, стал рассеиваться, и я уже начал мыслить о них, не предполагая обязательного участия сверхъестественных сил, как вдруг услышал звуки веселой музыки, доносящейся откуда-то из окружающих гор. Звуки все приближались, и наконец я увидел толпу цыган, шагающих в такт и поющих под аккомпанемент бубнов и медных тарелок. Они остановились табором под самой террасой, так что я мог вдоволь надивиться своеобразному изяществу их одежд и всего табора в целом. Я подумал было, не те ли это воры-цыгане, под чью защиту укрылся трактирщик Вента-Кемады, как рассказывал мне отшельник; но они показались мне слишком лощеными для мошенников. Пока я их рассматривал, они разбивали шатры, вешали котелки над огнем и люльки с младенцами – на сучьях ближайших деревьев. А покончив со всеми этими приготовлениями, отдались радостям кочевой жизни, среди которых на первое место они ставят праздность.

Шатер жоака отличался от других не только воткнутой у входа большой булавой с серебряной шишкой, но и более нарядной отделкой и богатой бахромой, какой у обыкновенных цыган не бывает. Но каково же было мое удивление, когда я увидел, как из этого шатра выходят обе мои родственницы в том прелестном наряде, который в Испании называют а-ля gitana maja¹⁸. Они подошли к самому основанию террасы, но, казалось, совершенно не замечали меня. Подозвав подруг, они стали танцевать поло под знакомую мелодию:

Quando me Paco me azze,
Las palmas para vaylar,
Me se puene el corpecito
Como hecho de mazzapan...¹⁹

Прекрасная Эмина и очаровательная Зибельда покорили меня в мавританских одеждах, а теперь в этом новом наряде показались мне еще восхитительнее. Я заметил только, что на этот раз уста их искривляет коварная, насмешливая улыбка, хоть и естественная у цыганских гадалок, однако говорящая о том, что девушки готовят мне новые козни под этим новым неожиданным обликом.

---

¹⁸ На цыганский манер (*исп.*).

¹⁹ Когда Пако ведет меня за руку танцевать, тело мое становится мягким, как марципан (*исп. диал.*).

Замок каббалиста был заперт со всех сторон; хозяин держал ключи при себе, так что я не мог спуститься вниз, к цыганкам. Но, пройдя подземельем, выходящим к руслу потока и кончавшимся железной решеткой, я мог видеть их на близком расстоянии и даже с ними разговаривать, оставаясь не замеченным обитателями замка. Я воспользовался этим тайным проходом, и вскоре только поток отделял меня от плясуний. Но это были совсем не мои родственницы. Они показались мне даже несколько вульгарными, что вполне соответствовало их положению.

Устыдившись своей ошибки, я медленно вернулся на террасу. Опять поглядел и опять совершенно отчетливо узнал своих родственниц. И они тоже как будто узнали меня: расхохотались и убежали в шатры.

Я возмущился. «Господи! – подумал я. – Может ли быть, чтобы два таких милых, прелестных создания были злыми духами, которые привыкли издеваться над смертными, принимая всевозможные обличья, либо колдуньями, или, что еще страшней, вампирами, получившими от неба позволение оживить отвратительные трупы висельников из долины Лос-Эрманос?» До сих пор я полагал, что сумею объяснить себе эти явления обычным способом, но теперь уж сам не знал, чему верить...

Поглощенный такого рода размышлениями, я вернулся в библиотеку, где нашел на столе большую книгу, написанную готическим шрифтом, под заглавием «Любопытные повествования Ханпелиуса». Книга была раскрыта, и страница, как нарочно, загнута в начале главы, содержащей нижеследующее.

История Тибальда де ла Жакьера

Жил-был в одном французском городе, стоящем на берегах Роны и называемом Лион, богатый купец по имени Жак де ла Жакьер. Жак принял эту фамилию после того, как бросил торговлю и был избран первым советником, – должность, предоставляемая лионцами только людям зажиточным и с безупречной репутацией. Именно таким и был почтенный советник де ла Жакьер: покровитель бедных, благодетель монахов и священников, которые суть истинные бедняки перед господом.

Но совсем не похож на отца был единственный сын советника, прапорщик королевской гвардии господин Тибальд де ла Жакьер, шалопай, забияка, гроза девушек, игрок, враг оконных стекол и фонарей, кутила и богохульник. Часто случалось ему ночью останавливать мирных горожан, чтобы обменять у них свой старый плащ либо поношенную шляпу на новые. Вскоре слухами о подвигах господина Тибальда наполнились Париж, Блуа, Фонтенебло и другие королевские резиденции. В конце концов дошли они и до нашего светлейшего государя, светлой памяти Франциска I. Разгневанный проделками дерзкого вояки, он отослал его в наказание к отцу, почтенному советнику де ла Жакьеру, жившему тогда возле площади Белькур, на углу улицы Сен-Рамон.

В отцовском доме молодого Тибальда встретили с такой радостью, словно он вернулся из Рима, наделенный всеми видами отпущений от святейшего отца. По случаю его приезда заклали не только тучного тельца, но советник де ла Жакьер устроил целый пир, потратив на это больше золотых, чем было пирующих за столом. Дело не ограничилось и этим. Провозглашались тосты за здоровье единственного сына, и каждый желал ему побольше рассудительности и благоразумия. Но эти благие пожелания пришлись ему не по вкусу. Беспутный юноша взял со стола золотой кубок и, наполнив его вином, воскликнул:

– Тысяча проклятий самому дьяволу! Осушая этот кубок, клянусь отдать ему свою кровь и душу, если когда-нибудь изменюсь!

При этих страшных словах у пирующих волосы встали дыбом, некоторые перекрестились, а иные поднялись из-за стола. Господин Тибальд тоже встал и вышел прогуляться на пло-

щадь Белькур, где встретил двух давнишних своих приятелей, таких же бездельников, как он сам. Он заключил их в объятия, привел к себе в дом и приказал принести для них несколько бутылок вина, не обращая внимания ни на отца, ни на остальных гостей.

Так повел себя Тибальд в первый день после своего возвращения. На другой он повторил то же самое и в дальнейшем продолжал вести такой же образ жизни.

Бедный отец, терзаемый горем, решил обратиться к своему патрону, святому Иакову, и поставить у его алтаря восковую свечу стоимостью в десять ливров, украшенную двумя золотыми кольцами, по пять марок каждое. Но, укрепляя свечу на алтаре, он уронил ее и опрокинул серебряный светильник, горевший перед святым образом. Советник велел отлить свою свечу по другому поводу, но, считая самым важным возвращение сына на путь истинный, с радостью совершил эту жертву. Однако, увидев свечу на земле и светильник опрокинутым, усмотрел в этом дурное предзнаменование и печальный вернулся домой.

В тот же день Тибальд устроил пир для своих друзей. После того, как было опорожнено множество бутылок и уже давно настала ночь, они втроем вышли на площадь Белькур. Там они взяли друг друга за руки и стали, задрвав головы, расхаживать взад и вперед по площади, как обычно делают распутники, желающие привлечь к себе внимание девушек. На этот раз, однако, им не повезло: вокруг – ни одной женщины, и ночь была такая темная, что в окнах тоже нельзя было увидеть ни одной.

Когда им надоело одиночество, молодой Тибальд грубым голосом и, по своему обыкновению, чертыхаясь воскликнул:

– Тысяча проклятий самому дьяволу, которому я готов прозакладывать свою кровь и душу, если он не пришлет мне сейчас же свою дочь. Я бы с ней переспал, до того от вина кровь разыгралась!

Эта речь не понравилась приятелям Тибальда, которые еще не были такими закоренелыми грешниками, и один из них промолвил:

– Подумай, друг: ведь сатана – вечный враг человека, и нет нужды просить его и называть по имени, чтоб он человеку навредил!

На что Тибальд возразил:

– Как я сказал, так и сделаю!

В это мгновение трое бездельников увидели, что из-за угла вышла закутанная в покрывало женщина, статная и, по-видимому, совсем молодая. За ней бежал арапчонок, но вдруг споткнулся, упал ничком на землю и разбил фонарь, который нес в руке. Молодая незнакомка испугалась и стала озираться по сторонам, словно не зная, как ей быть.

Господин Тибальд сейчас же подошел к женщине и весьма учтиво предложил ей руку, чтобы проводить до дому. Бедная девушка после минутного размышления согласилась. Господин Тибальд, вернувшись к приятелям, промолвил вполголоса:

– Видите: тот, кого я вызывал, недолго заставил себя ждать. До свидания, покойной вам ночи!

Друзья поняли, что он хотел сказать, и простились с ним, смеясь и пожелав ему приятно провести время.

Тибальд взял незнакомку под руку, арапчонок тотчас же с погасшим фонарем пошел вперед. Сперва казалось, молодая женщина от смущения близка к обмороку; но скоро она пришла в себя и смелее оперлась на руку спутника. Несколько раз она споткнулась; при этом она сжимала его руку, чтобы не упасть. Со своей стороны, Тибальд, желая поддержать незнакомку, прижимал ее руку к сердцу, всякий раз, однако, с величайшей осторожностью, чтобы не вспугнуть дичи.

Они шли вместе так долго, что в конце концов Тибальд подумал, уж не заблудились ли они среди улиц Лиона. Но он не стал жалеть об этом, полагая, что теперь красавица не будет так дорожитья. Тем не менее, чтобы заранее знать, с кем он имеет дело, он предложил ей

присесть отдохнуть на каменной скамье у дверей какого-то дома. Незнакомка согласилась, и они сели рядышком. Тибальд, не теряя времени, учтиво взял ее за руку и с непривычным для него остроумием промолвил:

– Прекрасная блуждающая звезда, раз моя звезда судила мне нынче ночью встретить тебя, будь так добра – скажи мне, кто ты и где живешь.

Молодая женщина, после некоторого колебания, набравшись смелости, начала так.

История прелестной девушки из замка Сомбр-Рош

Меня зовут Орландина, по крайней мере, так называли меня несколько человек, живших вместе со мной в замке Сомбр-Рош в Пиренеях. Я не видела ни одного человеческого существа, кроме моей дуэньи, которая была глухая, служанки, которая так сильно заикалась, что ее можно было считать немой, да старого слепого привратника.

У привратника было не много дела, так как он только раз в год отворял ворота – и то одному только господину, приезжавшему к нам, чтобы взять меня за подбородок и поговорить с моей дуэньей на бискайском наречии, которого я совсем не понимаю. К счастью, я уже умела говорить, когда меня заперли в замке Сомбр-Рош, – иначе никогда не научилась бы в обществе двух моих подруг по заточению. Что касается слепого привратника, я видела его, только когда он подавал нам обед через единственное, да и то зарешеченное окно. Правда, моя глухая дуэнья иногда кричала мне в уши какие-то моральные наставления, но я понимала их не больше, чем если бы была сама такой же глухой, как она, когда она, например, толковала мне о супружеских обязанностях, ни разу не объяснив, что такое супружество. Не раз говорила она мне и о других вещах, но никогда не давала никаких объяснений. Часто также заика-служанка пыталась рассказать мне какую-нибудь историю, по ее уверению, очень забавную, но, запнувшись на первой же фразе, останавливалась и уходила, лепеча извинения, которые давались ей с таким же трудом, как сама история.

Я тебе уже сказала, что у нас было только одно окно, – во всяком случае, только оно выходило на большой двор замка; остальные открывались на другой двор, где росло несколько деревьев, изображавших сад, и откуда выход был только в мою комнату. Там у меня были посажены кое-какие цветы, и уход за ними был единственным моим удовольствием. Нет, была еще одна столь же невинная забава: большое зеркало, в которое я гляделась каждое утро, как только вставала с постели. Моя дуэнья, неодетая, тоже приходила глядеться, и я забавлялась, сравнивая ее фигуру с моей. Предавалась я этому развлечению и перед отходом ко сну, когда дуэнья уже спала. Иногда я представляла себе, что вижу в зеркале подругу моего возраста, отвечающую на мои движения и разделяющую мои чувства. И тем сильнее поддавалась самообману, чем больше эта игра мне нравилась.

Я уже говорила о важном сеньоре, который раз в год приезжал в замок, брал меня за подбородок и разговаривал с моей дуэньей на бискайском наречии. Однажды этот господин, вместо того чтоб брать за подбородок, взял меня за руку, подвел к карете, в которой заключил, как в темнице, вместе с моей дуэньей. Смело могу сказать – «заключил», так как свет проникал в карету только сверху.

Вышли мы оттуда на третий день или, вернее, на третью ночь, так как достигли цели нашей поездки, когда уже смеркалось. Какой-то незнакомец отворил дверцу кареты и промолвил:

– Вы находитесь на углу площади Белькур и улицы Сен-Рамона. Угловой дом принадлежит советнику де ла Жакьеру. Куда прикажете вас отвезти?

– Прикажете въехать в первые ворота за домом советника, – ответила моя дуэнья.

Тут Тибальд насторожился, так как в самом деле рядом с их домом жил один дворянин по имени де Сомбр Рош, слывший невероятным ревнивцем. Он много раз хвалился перед Тибальдом, что докажет ему возможность иметь верную жену; говорил, что растит у себя в замке прелестную девушку, на которой женится, чтоб подтвердить правоту своих слов. Но молодой Тибальд совсем не знал, что в настоящее время девушка находится в Лионе, и страшно обрадовался, что она попала к нему в руки. Между тем Орландина продолжала свой рассказ.

– Мы въехали в ворота. Нас провели в просторные и богатые покои, а оттуда по витой лестнице на башню, откуда, как мне показалось, днем можно видеть весь город. Но я ошиблась, оттуда даже днем ничего нельзя было увидеть, так как окна были затянuty толстым зеленым сукном. Взамен башня освещалась хрустальной люстрой, украшенной эмалью. Дуэнья усадила меня в кресло и для развлечения дала мне свои четки, а сама вышла и задвинула за собой дверь на засов.

Оставшись одна, я отложила в сторону четки, взяла ножницы, висевшие у меня на поясе, и разрешила зеленую материю, закрывавшую окно. Напротив я увидела другое окно, а сквозь него – ярко освещенную комнату, в которой сидели за столом три молодые девушки и трое молодых людей невообразимой красоты. Они пели, пили, смеялись, юноши ухаживали за девушками, даже иногда брали их за подбородок, но с совсем другим выражением лица, чем тот сеньор в Сомбр-Рош, который, однако, только с этой целью приезжал в наш замок. Потом эти девушки и молодые люди начали понемногу сбрасывать одежды, как я обычно делала по вечерам перед зеркалом. И делали они это, как я, а не так, как моя старая дуэнья.

Тут Тибальд понял, что речь идет об ужине, которым он угощал вчера своих приятелей. Обняв стройный стан Орландины, он прижал ее к своему сердцу.

– Именно так делали и молодые люди, – продолжала Орландина. – И по-моему, они страшно друг друга любили. В конце концов один из пирующих сказал, что умеет любить лучше других. Двое остальных утверждали то же каждый о себе. Девушки разошлись в мнениях. Тогда тому, кто первый похвалился своим искусством, пришел в голову оригинальный способ доказать его на деле.

При этих словах Тибальд, хорошо помнивший все, что было на пирушке, покотился со смеху.

– Что же это за способ, прекрасная Орландина? – промолвил он.

– Ах, не смейся, сеньор. Уверяю тебя, что это был необычайно приятный способ, и любопытство мое все возрастало, как вдруг дверь отворилась. Я бросилась к четкам – вошла моя дуэнья.

Она взяла меня за руку и повела в карету, которая уже не была замкнута, как накануне, и, не будь ночь так темна, я могла бы видеть Лион во всех подробностях – но тут поняла только, что едем мы куда-то далеко. Вскоре мы миновали городские стены и остановились у последнего дома предместья. На вид это обыкновенная хижина, даже крытая соломой, а внутри – все по-другому, в чем ты сам убедишься, если только арапчонок не забыл дороги, но я вижу, он позаботился насчет света и зажег фонарь.

На этом Орландина кончила свой рассказ. Тибальд поцеловал ей руку и спросил:

– Скажи, заблудившаяся красавица, ты одна живешь в этой хижине?

– Совсем одна, – ответила незнакомка, – с одной только дуэньей да арапчонком. Но не думаю, чтобы дуэнья уже успела вернуться домой. Сеньор, приезжавший гладить меня по под-

бородку, велел мне прийти к его сестре. Так как он не мог прислать за мной кареты, которую послал за священником, мы пошли пешком. На улице кто-то остановил нас, чтобы сказать мне, что я красивая. А глухая дуэнья подумала, что он позволил себе какую-то грубость, и стала отвечать. Собралось много народу, стали вмешиваться в спор. Я испугалась и кинулась бежать. Арапчонок побежал за мной, упал и уронил фонарь; я не знала, что делать, но, к счастью, встретила вас.

Восхищенный этим простодушным рассказом, Тибальд возобновил свои ухаживания, как вдруг появился арапчонок с зажженным фонарем, свет которого упал на лицо Тибальда.

– Что я вижу! – воскликнула Орландина. – Того, кто вчера хвалился своим искусством!

– Ваш покорный слуга! – ответил Тибальд. – Но, смею вас уверить, то, что я делал вчера, ничто по сравнению с тем, чего может от меня ждать приличная, благородная дама. А ни одна из вчерашних девушек этого названия не заслуживает.

– Как же так? А мне показалось, что ты так любишь этих трех девушек... – перебила Орландина.

– Лишнее доказательство, что на самом деле я не люблю ни одной.

Орландина щебетала, Тибальд прижимался к ней, и так они сами не заметили, когда дошли до одинокой хижины в конце предместья, дверь которой арапчонок отпер ключом, висевшим у него на поясе. Внутренность ее не имела ничего общего с наружным убожеством. Фламандские ткани с прекрасными рисунками, изображающими, казалось, живые фигуры, покрывали стены. Под потолком висели серебряные люстры искусной работы. Дорогие шкафы из слоновой кости и черного дерева, кресла генуэзского бархата, украшенные золотой бахромой, стояли возле упругих диванов, крытых венецианским муаром.

Но Тибальд на все это не обратил внимания, он видел только Орландину и ждал развязки удивительного приключения.

Между тем арапчонок пришел накрывать на стол, и только тут Тибальд заметил, что это не ребенок, как ему казалось, а старый черный карлик отвратительной наружности. Однако маленький человечек принес вещи, отнюдь не противные: большое позолоченное блюдо, на котором дымились четыре куропатки, аппетитные и отлично приготовленные, а под мышкой у него была бутылка пряного вина. Наевшись и напившись, Тибальд почувствовал, словно по жилам его побежал огонь. Что же касается Орландины, то она мало ела, но все время посматривала на своего собеседника, то бросая ему нежные и невинные взгляды, то всматриваясь в него такими злыми глазами, что юноша совсем терялся.

Наконец арапчонок пришел убирать со стола. Тогда Орландина взяла Тибальда за руку и сказала:

– Как мы будем проводить вечер, прекрасный кавалер?

Тибальд не знал, что на это ответить.

– Мне пришла в голову одна мысль, – продолжала она. – Видишь вон то большое зеркало? Давай смотреться в него, как я делала в замке Сомбр-Рош. Мне тогда очень нравилось сравнивать фигуру дуэньи с моей, а теперь хочется посмотреть, какая разница между тобой и мной.

Орландина пододвинула кресла к зеркалу, потом расстегнула сверху камзол Тибальда и сказала:

– Шея у тебя, как моя, плечи тоже, – но грудь до чего непохожа! Год тому назад этой разницы еще не было, но теперь я своей просто узнать не могу, так она изменилась. Сними, пожалуйста, пояс и расстегни кафтан. А это что за бахрома?

Тибальд совсем потерял голову, – он понес Орландину на кровать и уже почитал себя счастливейшим из смертных... Но вдруг почувствовал, как будто ему запустили когти в шею.

– Орландина! – воскликнул он. – Орландина! Что это значит?

Никакой Орландины больше не было: вместо нее Тибальд увидел какие-то до тех пор незнакомые ему очертания.

– Я не Орландина! – крикнуло чудовище страшным голосом. – Я – Вельзевул!

Тибальд хотел было призвать на помощь Спасителя, но сатана, угадав его намерение, схватил его зубами за горло и не дал ему произнести этого святого имени.

Утром крестьяне, везшие овощи в Лион на базар, услышали стоны, доносившиеся из развалин дома у дороги, служивших свалкой падали. Войдя туда, они увидели Тибальда, лежащего на разлагающемся трупe животного. Крестьяне подняли неизвестного, отвезли его в город, и несчастный де ла Жакьер узнал своего сына.

Юношу уложили в постель; вскоре Тибальд как будто стал приходить в себя и наконец почти неслышно промолвил:

– Откройте дверь этому святому отшельнику, откройте скорее.

Сначала никто не понял, но дверь открыли и увидели почтенного монаха, который сказал, чтоб его оставили наедине с Тибальдом. Требование было исполнено, и дверь за ним заперта.

Долго еще слышались увещанья отшельника, на которые Тибальд громко отвечал:

– Да, отец мой, я раскаиваюсь в грехах своих и возлагаю всю свою надежду на божье милосердие.

Наконец, когда все утихло, открыли дверь. Отшельник исчез, а Тибальд лежал мертвый, с распятым в руках.

Не успел я кончить эту историю, как вошел каббалист, – казалось, он желал прочесть в моих глазах впечатление от прочитанного. Действительно, то, что произошло с Тибальдом, очень меня удивило, но я не хотел этого показывать и пошел к себе. Там я вновь задумался над своими собственными приключениями и почти начал верить, что духи тьмы, стараясь вовлечь меня в свои сети, оживили трупы двух висельников – и, кто его знает, не являюсь ли я вторым Тибальдом.

Прозвучал колокол, сзывая на обед. Каббалист не пришел. Все казались мне какими-то растерянными, может быть, оттого, что сам я никак не мог собраться с мыслями.

После обеда я пошел на террасу. Цыганский табор уже значительно удалился от замка. Таинственные цыганки совсем не показывались; вскоре наступила ночь, и я пошел в свою комнату. Долго ждал Ревекку, но на этот раз напрасно, и в конце концов заснул.

День одиннадцатый

Ревекка разбудила меня. Открыв глаза, я увидел прекрасную израильтянку, которая сидела на моей постели и держала мою руку.

– Храбрый Альфонс, – сказала она, – ты вчера хотел потихоньку выбраться к двум цыганкам, но ведущая к потоку решетка была заперта. Я принесла тебе ключ от нее. Если они и нынче покажутся у стен замка, я прошу тебя пойти с ними в табор. Можешь быть уверен, что осчастливишь моего брата, если принесешь ему о них какие-нибудь сведения. А что касается меня, – печально прибавила она, – то я должна удалиться. Этого требует моя судьба, мое странное предназначение. Ах, отец мой, зачем не сделал ты меня подобной остальным смертным? Я чувствую, что более способна любить в действительности, чем в зеркале.

– Что ты подразумеваешь под любовью в зеркале?

– Ничего, ничего, – перебила Ревекка, – когда-нибудь узнаешь. А теперь я прощаюсь с тобой. До свидания.

Еврейка удалилась, сильно взволнованная, а я невольно подумал, что трудно ей будет сохранить верность двум небесным близнецам, которым она была предназначена в жены, как рассказывал мне ее брат.

Я вышел на террасу. Цыгане были уже далеко от замка. Я взял с полки книгу, но не мог долго читать. Мысли мои разбегались, голова была полна посторонним. Наконец пригласили к столу. Разговор, как обычно, вертелся вокруг духов, ведьм и оборотней. Хозяин сказал нам, что древние имели о них смутное представление и знали их под названием эмпуз, ларв и ламий, но что тогдашние каббалисты были такими же мудрыми, как теперешние, хоть назывались всегонавсего философами, разделяя это название со многими, не имевшими ни малейшего представления об оккультных науках... Отшельник напомнил о Симоне Маге, но Уседа доказывал, что славу самого мудрого каббалиста того времени заслуживает Аполлоний Тианский, так как он достиг неслыханной власти над всем демоническим миром. При этих словах он встал, нашел на полке Филострата, изданного в 1608 году Морелем, и, глядя в греческий текст, без малейшей запинки прочел на чистом испанском языке следующее.

История Мениппа-ликийца

Жил однажды в Коринфе двадцатипятилетний ликиец, остроумный и красивый, по имени Менипп. В городе шел слух, что в него влюбилась одна богатая и прекрасная чужеземка, с которой он случайно познакомился. Они повстречались на дороге в Кенхрею. Незнакомка, нежно улыбаясь, подошла к нему и сказала:

– О Менипп, я давно люблю тебя; я – финикиянка и живу в конце ближайшего предместья Коринфа. Если ты придешь ко мне, то услышишь мое пение и будешь пить вино, какого никогда еще не пробовал. И не думай ни о каких соперниках: я буду всегда тебе верна, ожидая и от тебя такой же верности.

Юноша, хотя от природы и скромный, не устоял против этих сладких слов, произнесенных коралловыми устами, и всей душой привязался к новой любовнице.

В первый раз увидев Мениппа, Аполлоний поглядел на него глазами ваятеля, как бы желающего высечь его бюст, а потом сказал:

– Прекрасный юноша, ты нежишься в коварных кольцах змеи.

Эта в высшей степени странная речь удивила Мениппа. Аполлоний же, помолчав, продолжал:

– Тебя любит женщина, которая не может стать твоей женой. Ты думаешь, она и в самом деле тебя любит?

– Без всякого сомнения, – ответил юноша. – Уверен, что любит.

– И ты женишься на ней? – спросил Аполлоний.

– Почему же мне не жениться на женщине, которую я так безумно люблю.

– Когда будет свадьба?

– Может быть, завтра, – ответил юноша.

Аполлоний запомнил время пира, и когда гости собрались, вошел в комнату со словами:

– Где прекрасная хозяйка этого пиршества?

– Она здесь, рядом, – ответил Менипп и встал, слегка покраснев.

Аполлоний продолжал так:

– Кому принадлежит золото, серебро и убранство этой комнаты? Тебе или этой женщине?

– Женщине, – сказал Менипп. – У меня, кроме нищенского плаща философа, ничего нет.

Тогда Аполлоний обратился к гостям:

– Видели вы когда-нибудь сады Тантала, которые и существуют, и не существуют?

– Мы видели их у Гомера, – ответили присутствующие, – потому что сами в преисподнюю не спускались.

Тогда Аполлоний сказал:

– Все, что вы видите, подобно этим садам. Все это – только призрак, а не действительность. И чтоб убедить вас в правде моих слов, скажу вам, что эта женщина – одна из эмпуз, в просторечье называемых ларвами или ламиями. Эти ведьмы жаждут не столько любовных утех, сколько человеческого мяса и соблазняют наслаждениями тех, кого хотят пожрать.

– Ты мог бы сказать нам что-нибудь поумней, – прервала мнимая финикиянка и, пылая гневом, начала поносить философов, называя их сумасбродами. Тогда Аполлоний произнес несколько слов, и золотые, серебряные сосуды и украшения комнаты вдруг исчезли. И вся прислуга тоже пропала в мгновение ока. Тогда эмпуза притворилась, что плачет, и стала умолять Аполлония, чтобы тот перестал ее мучить; однако он, не обращая никакого внимания на ее просьбы, наступал на нее все сильней, и в конце концов она призналась, что не жалела для Мениппа удовольствий, чтобы потом пожрать его, и что особенно любит она поедать молодых людей, так как их кровь укрепляет ее здоровье.

– Я полагаю, – промолвил отшельник, – что она хотела пожрать скорей душу, нежели тело Мениппа, и что эмпуза эта была попросту дьяволом похоти; но я не понимаю, какие слова давали такое могущество Аполлонию. Ведь философ этот не был христианином и не мог пользоваться грозным оружием, вложенным нам в руки церковью. Кроме того, хотя древние до рождения Христа могли в некоторых отношениях господствовать над злыми духами, крест, наложив печать молчания на всех прорицателей, окончательно лишил власти идолопоклонников. И я полагаю, что Аполлоний не только не был в состоянии изгнать самого ничтожного беса, но даже не имел ни малейшей власти над последним из духов, так как привидения эти появляются на земле не иначе, как с божьего дозволения, и то всякий раз – с просьбой о заупокойной службе, которая, как вы знаете, в языческие времена была совершенно неизвестна.

Уседа держался другого мнения; он утверждал, что злые духи преследовали язычников не менее, чем преследуют христиан, хотя, может быть, совсем по другим поводам, и в подкрепление своих слов он, взяв книгу писем Плиния, прочел следующее.

История философа Афинодора

Был в Афинах дом, просторный и удобный для жилья, но имевший дурную славу и заброшенный. Не раз в ночной тишине там слышались удары железа о железо, а если напрячь слух,

так бряцание цепей, доносившееся сперва как будто издалека, а потом все приближавшееся. Вскоре вслед за тем появлялось привидение в виде исхудавшего и согбенного старика, с длинной бородой, всклокоченными волосами и в ручных и ножных кандалах, которыми он устрашающе потрясал. Этот отвратительный призрак не давал жителям спать, а вечная бессонница вызывала болезни, печально кончавшиеся. Ибо даже днем, когда привидения не было, ужасное зрелище все время стояло перед глазами, повергая в ужас самых отважных. В конце концов дом опустел, целиком предоставленный призраку. Но хозяин вывесил объявление о том, что согласен сдать это ненужное строение внаем или даже продать его, – втайне надеясь, что какой-нибудь незнакомец, не знающий о чудовищных помехах, легко вдастся в обман.

В это время в Афины приехал философ Афинодор. Увидев надпись, он спросил о цене. Удивленный необычайной дешевизной, он стал допытываться ее причины, и, когда ему рассказали всю историю, он не только не отступил, но с тем большей поспешностью ударил по рукам. Въехал в дом, а вечером приказал постелить постель в передних комнатах, принести светильник и таблички для письма, а слугам – уйти в дальнее крыло дома. Потом, опасаясь, как бы разыгравшееся воображение не занесло его слишком далеко и не представило ему предметов, совершенно не существующих, приготовил мысли, глаза и руки к занятиям.

В начале ночи как во всем доме, так и в этой части царила мертвая тишина, однако вскоре Афинодор услышал скрежет железа и звон цепей; несмотря на это, он не поднял глаз, не отложил пера, но, овладев собой, так сказать, принудил себя не обращать ни малейшего внимания на окружающее. Между тем шум, все усиливаясь, раздавался уже за дверью и, наконец, послышался в самой комнате. Подняв глаза, философ увидел призрак – точно такой, как ему описывали. Привидение стояло на пороге и манило его пальцем. Афинодор сделал ему рукой знак подождать и продолжал писать, но призрак, видимо от нетерпения, стал трясти кандалами прямо над ухом философа.

Мудрец обернулся и, увидя, что дух продолжает его звать, поднялся, взял светильник и пошел за ним. Привидение, шагая медленно, словно придавленное тяжестью цепей, вышло во двор и вдруг на самой середине провалилось сквозь землю. Философ, оставшись один, отметил это место, навалив на него листьев и травы, а утром обратился к властям с просьбой произвести розыски. Стали копать и обнаружили скелет, скованный кандалами. Город постановил почтить эти останки надлежащим погребением, и на другой день, после отдания покойнику этого последнего долга, в дом навсегда вернулся покой.

Прочитав вслух эту историю, каббалист прибавил:

– Духи показывались с древнейших времен, достопочтенный отец. Об этом говорит случай с Аэндорской волшебницей, и каббалисты всегда имели его в виду. В то же время я признаю, что в мире духов произошли большие перемены. Так, например, оборотни, если можно так выразиться, принадлежат к числу новых открытий. Я различаю среди них два вида, а именно – оборотней венгерских и польских, мертвецов, вылезающих по ночам из могил и сосущих человеческую кровь; и оборотней испанских – нечистых духов, которые, войдя в первое подходящее тело, придают ему любые формы...

Каббалист явно хотел свернуть разговор на обстоятельства, меня касающиеся, так что я встал, быть может, даже слишком резко, и вышел на террасу. Не прошло получаса, как я увидел двух моих цыганок, которые, казалось, спешили в замок и на расстоянии были вылитые Эмина и Зибельда. Я решил сейчас же воспользоваться ключом. Зайдя к себе в комнату за шляпой и шпагой, я через несколько мгновений был уже у решетки. Отворив ее, я увидел, что надо еще перебраться на ту сторону потока. К счастью, оказалось, что вдоль стены, словно нарочно, прибиты крюки, при помощи которых я спустился к каменистому руслу; перепрыгивая с камня на камень, я оказался на другой стороне и прямо перед собой увидел двух цыганок, которые, однако, были совсем непохожи на моих родственниц. Хотя вся их внешность

была другая, однако манера держаться отличала их от грубоватости плохо воспитанных женщин этого народа. Казалось даже, что они только на время, с какой-то скрытой целью, взяли на себя эту роль. Обе вздумали вместе мне погадать; одна взяла мою руку, а другая, делая вид, будто читает по ней мое будущее, заговорила на своеобразном наречии:

– Ah, Caballero, che vejo en vuestra bast! Dirvanos kamela, ma por quen? Por demonios! – это значит: «Ах, благородный господин, что я вижу на твоей ладони! Страстную любовь, но к кому? К дьяволам!»

Само собой разумеется, я никогда не догадался бы, что dirvanos kamela – значит по-цыгански «страстная любовь», но девушки перевели мне. Затем, взяв меня под руки, они отвели меня к себе в табор и представили бодрому и крепкому старику, которого они называли отцом. Старик, кинув на меня недобрый взгляд, промолвил:

– Знаешь ли ты, сеньор кавалер, что находишься среди людей, о которых идет повсеместно дурная слава? Не боишься ты нашего общества?

При слове «боишься» я положил руку на эфес шпаги, но старик любезно протянул мне руку и прибавил:

– Прости, сеньор кавалер, у меня не было желания тебя обидеть. Наоборот, я хотел просить тебя провести с нами несколько дней. Если путешествие в горы может тебя занять, мы обещаем показать тебе самые прекрасные и самые страшные места: долины чарующей прелести и рядом – пропасти, полные ужаса; если же ты любитель охоты, у тебя будет возможность удовлетворить эту страсть.

Я принял его предложение тем охотней, что беседы каббалиста начали мне надоедать, а уединенная жизнь в замке становилась с каждым днем несносней.

Старый цыган сейчас же отвел меня в свой шатер, промолвив:

– Сеньор кавалер, шатер этот будет твоим жилищем все время, которое ты пожелаешь провести среди нас. А я прикажу разбить тут же рядом маленький шатер, где сам буду спать, чтобы охранять тебя.

Я ответил, что, имея честь быть капитаном валлонской гвардии, я обязан защищать себя собственной шпагой. На это старик улыбнулся и сказал:

– Сеньор кавалер, мушкеты наших разбойников могут убить капитана валлонской гвардии, как всякого другого; но эти господа будут предупреждены, и ты можешь спокойно отлучаться. А до этого – было бы неблагоприятно рисковать зря.

Старик был прав, и я устыдился своего неуместного геройства.

Мы посвятили вечер обходу табора и разговорам с двумя цыганками, которые показались мне самыми странными, но и самыми счастливыми созданиями на свете. Потом устроили ужин под развесистым рожковым деревом, тут же, возле шатра вожака; мы расселись на оленьих шкурах, вместо скатерти перед нами расстелили шкуру буйвола, выделанную под лучший сафьян. Кушанья, в особенности дичь, были превосходные. Дочери цыгана наливали нам вино, но я предпочитал утолять жажду водой, которая била прозрачной струей из скалы в двух шагах от нас. Старик любезно поддерживал беседу; он как будто знал о прежних моих приключениях и предостерегал от новых. Наконец пришла пора ложиться спать. Мне постлали постель в шатре вожака цыган и у входа поставили стражу.

Ровно в полночь меня разбудил какой-то шепот. Я почувствовал, что одеяло мое с обеих сторон приподняли и ко мне прильнули. «Господи боже! – подумал я. – Неужели мне опять придется проснуться под виселицей?» Но я не стал задерживаться на этой мысли. «Видно, цыганское гостеприимство предписывало такой способ принимать чужих, а человеку военному в моем возрасте необходимо считаться с местными обычаями», – решил я. Наконец я заснул – в глубокой уверенности, что на этот раз не имел деда с висельниками.

День двенадцатый

В самом деле, вместо виселицы Лос-Эрманос я проснулся на своей постели от шума, поднятого цыганами, которые снимались табором.

– Вставай, сеньор кавалер, – сказал мне вожак, – перед нами дальняя дорога. Но ты получишь мула, какого не найдешь во всей Испании, и не почувствуешь усталости.

Я поспешно оделся и сел на мула. Мы выступили в поход с четырьмя хорошо вооруженными цыганами. Весь табор двинулся за нами на некотором расстоянии, причем во главе его шли две девушки, с которыми я, видимо, провел ночь. Извилины горной тропы то поднимали меня вверх, то опускали вниз на несколько сот пядей. Тогда я останавливался, чтоб посмотреть на них, и мне опять казалось, что я вижу своих родственниц. Старого цыгана забавляло мое волнение.

Через четыре часа ускоренного марша мы достигли высокого плоскогорья, где нашли множество больших тюков. Вожак тотчас пересчитал и записал их. Потом сказал мне:

– Перед тобой, сеньор кавалер, английские и бразильские товары, которых хватит на четыре королевства: Андалузию, Гранаду, Валенсию и Каталонию. Правда, король терпит некоторый ущерб от нашей скромной торговли, но, с другой стороны, у него ведь не только эти доходы, а испанскую бедноту тешит и забавляет небольшая контрабанда. К тому же тут все этим занимаются. Одни из этих тюков будут размещены в солдатских казармах, другие – в монашеских кельях, третьи – в могильных склепах. Тюки, помеченные красным, попадут в руки таможенников, которые будут хвалиться ими перед властями; но эта уступка еще крепче свяжет их с нами.

После этого старый цыган приказал рассовать товары по разным впадинам в скалах, а потом сделал знак устроить обед в пещере, откуда открывался простор, которого не окинуть взглядом, и земная даль словно сливалась с синевой неба. Красоты природы с каждым днем производили на меня все большее впечатление. Этот вид привел меня в неописуемый восторг, который был нарушен дочерью старого цыгана, принесшими обед. Как я уже сказал, вблизи они вовсе не были похожи на моих родственниц; в их взглядах, украдкой на меня кидаемых, была ласка, но какое-то смутное чувство говорило мне, что не они участвовали в том, что было ночью. Между тем девушки принесли горячую олюю подриду, приготовлявшуюся все утро посланными заранее к месту нашего привала. Старый цыган и я принялись ее уписывать, с той лишь разницей, что он то и дело прерывал еду, чтобы приложиться к большому бурдюку с вином, я же удовлетворялся чистой водой из соседнего источника.

Утолив голод, я сказал ему, что очень хотел бы подробней узнать его историю; он долго отнекивался, но я усиленно настаивал, так что в конце концов он решил поделиться со мной пережитым и начал так.

История Пандесовны, вожака цыган

Среди испанских цыган я широко известен под именем Пандесовны. Это – достословный перевод на их наречие моего родового имени – Авадоро²⁰ – из чего вы можете видеть, что я не родился цыганом. Отца моего звали дон Фелипе де Авадоро; он слыл самым серьезным и педантичным человеком среди своего поколения. Педантичность его была так велика, что если б я рассказал тебе историю одного прожитого им дня, перед тобой встала бы картина всей его жизни, – во всяком случае, промежутка между двумя его супружествами: первым, которому

---

²⁰ Обуздатель страстей (исп.).

я обязан своим существованием, и вторым, которое вызвало его смерть, нарушив привычный ему образ жизни.

Отец мой, будучи еще на попечении своего деда, полюбил свою дальнюю родственницу и женился на ней, как только стал самостоятельным. Бедная женщина умерла, давая мне жизнь: отец, безутешный в своем горе, заперся на несколько месяцев у себя, не желая видеть даже никого из родных.

Время, успокаивающее все страдания, утолило и его печаль, и наконец его увидели на балконе, выходящем на улицу Толедо. Четверть часа он дышал свежим воздухом, потом пошел, отворил другое окно, выходящее в переулок. Увидев в доме напротив несколько знакомых лиц, он довольно весело им поклонился. В следующие дни он повторял то же самое, так что весть об этой перемене дошла до Херонимо Сантоса, театинца, дяди моей матери.

Этот монах пришел к моему отцу, поздравил его с выздоровлением, потолковал об утешениях религии, потом стал усиленно уговаривать, чтоб он поискал развлечений. Он простер свою снисходительность до того, что даже подал ему совет сходить в комедию. Отец, высоко ставивший авторитет брата Херонимо, в тот же вечер отправился в театр де ла Крус. Как раз шла новая пьеса, которую поддерживала партия Поллакос, в то время как другая партия, так называемая Сорисес, всячески старалась ее освидетельствовать. Борьба двух этих партий так увлекла моего отца, что с тех пор он ни разу не пропускал добровольно ни одного представления. Он примкнул к партии Поллакос и посещал княжеский театр, только когда де ла Крус стоял закрытый.

После окончания представления он обычно становился в конце двойного ряда, образуемого мужчинами для того, чтобы заставить женщин идти друг за другом поодиночке. Но он делал это не как другие, с целью лучше рассмотреть их, нет, женщины мало занимали его, и, как только проходила последняя, он спешил в трактир «Под мальтийским крестом», где перед отходом ко сну съедал легкий ужин.

С утра первой заботой отца было открыть дверь балкона, выходящего на улицу Толедо. Тут он четверть часа дышал свежим воздухом, потом шел отворять окно, выходящее в переулок. Если он видел кого-нибудь в окне напротив, то учтиво приветствовал его, говоря: «Агур!» – после чего затворял окно. Слово «Агур» часто было единственным, которое он проносил за весь день, хотя горячо интересовался успехом всех комедий, шедших в театре де ла Крус; однако он выражал свое удовольствие отнюдь не словами, а рукоплесканием. Если никто в противоположном окне не показывался, он терпеливо дожидался минуты, когда представится возможность кого-то приветствовать. Потом отец отправлялся слушать мессу у театинцев. К его возвращению комната бывала прибрана служанкой, и он с неопишуемой тщательностью принимался расставлять вещи по обычным местам. Делал он это с придирчивым вниманием, мгновенно обнаруживая малейшую соломинку или пылинку, обойденную метлой служанки.

Приведя комнату в надлежащий, с его точки зрения, порядок, он брал циркуль, ножницы и вырезал двадцать четыре кусочка бумаги одинаковой величины, клал на каждый из них кучку бразильского табаку и скручивал двадцать четыре сигарки, такие ровные и гладкие, что их можно было сравнить с самыми идеальными сигарами. Потом выкуривал шесть этих шедевров, пересчитывая черепицы на дворе герцога Альбы, и еще шесть – ведя учет проходящих в ворота Толедо. Прodelав это, он глядел на дверь своей комнаты, до тех пор пока ему не приносили обед.

После обеда он выкуривал остальные двенадцать сигар, потом вперял взгляд в часы, пока они не возвещали, что время собираться в театр. Ежели случайно в тот день ни в одном театре не было представления, он шел к книготорговцу Морено, где слушал споры нескольких литераторов, имевших обычай в определенные дни собираться там, однако при этом никогда не вмешивался в их беседу. А ежели он заболел и не выходил из дому, посылал к книготорговцу Морено за пьесой, шедшей вечером в театре де ла Крус, и, как только там начиналось

представление, приступал к чтению, не забывая от души рукоплескать тем сценам, которые особенно ценились партией Поллакос.

Этот образ жизни был вполне невинный; однако отец мой, желая удовлетворить всем требованиям религии, обратился к театинцам с просьбой назначить ему духовника. Ему прислали брата Херонимо Сантоса, который воспользовался этим, чтобы напомнить ему, что я существую на свете и нахожусь в доме доньи Фелисии Даланосы, сестры моей покойной матушки. Отец мой, то ли из боязни, что я буду напоминать ему любимое существо, чьей смерти был невольной причиной, то ли не желая, чтоб моя детская шумливость нарушала мертвый покой его жизненных навыков, просил брата Херонимо никогда меня к нему не приводить. В то же время он позаботился о том, чтобы я не терпел никаких лишений, отказал мне весь доход с одной деревни, которая была у него в окрестностях Мадрида, и отдал меня под надзор эконому театинцев.

К несчастью, я подозреваю, что отец отдалил меня от себя, предугадывая невероятную разницу между нашими характерами, созданную самой природой. Вы обратили внимание, какой систематичный и однообразный образ жизни он вел? Что же касается меня, то могу утверждать, что не было на свете человека более непостоянного, чем я. Я не в состоянии выдержать даже своего непостоянства, так как мысль о спокойном счастье и жизни в домашнем уюте преследует меня среди моих кочевий, а влечение к переменам не позволяет выбрать постоянного обиталища. Эта неутомимость до такой степени мучила меня, что, познав самого себя, я решил раз навсегда поставить ей преграду, осев среди цыган. Правда, эта жизнь довольно однообразная, но зато не приходится смотреть все время на одни и те же деревья, одни и те же скалы или, что было бы еще несносней, на одни и те же улицы, стены и крыши.

Тут я взял слово и сказал старику:

– Сеньор Авадоро или Пандесовна, я думаю, в своей скитальческой жизни тебе пришлось пережить много необычного?

– Да, – ответил цыган, – с тех пор как я поселился в этой глуши, я повидал немало удивительного. Что же касается остальной моей жизни, то в ней было мало интересного. Поразительна только страсть, с которой я хватался за новые и новые занятия, не умея остановиться ни на одном дольше года или двух.

Дав мне такой ответ, цыган продолжал.

– Как я сказал тебе, меня воспитывала тетка, донья Даланоса. У нее не было своих детей, и, казалось, в своем отношении ко мне она соединяла снисходительность тетки с заботливостью матери: одним словом, я был ее баловнем в полном смысле слова. День ото дня становился я все избалованней и, созревая телесно и умственно, приобретал все больше сил, позволявших мне злоупотреблять ее бесконечной добротой. А с другой стороны, не встречая никакой помехи своим прихотям, я не препятствовал и желаниям других, благодаря чему прослыл необыкновенно славным мальчуганом. Кроме того, приказания моей тетки сопровождались всегда такой милой, ласковой улыбкой, что у меня не хватало духу не слушаться. В конце концов простодушная донья Даланоса, видя, как я себя веду, убедила себя в том, что природа, поддерживаемая ее усилиями, превратила меня прямо в совершенство. Для полного ее счастья не хватало только, чтобы отец мой стал свидетелем моих неслыханных успехов. Тогда он сразу убедился бы в моих совершенствах. Однако замысел этот было нелегко осуществить, так как отец мой упорствовал в своем решении никогда в жизни меня не видеть.

Но какого только упорства не преодолит женщина? Сеньора Даланоса так горячо и настойчиво воздействовала на своего дядю Херонимо, что в конце концов тот обещал воспользоваться ближайшей исповедью моего отца и строго осудить его за черствое отношение к ребенку, не сделавшему ему в жизни никакого зла. Брат Херонимо сдержал слово, но отец

мой не мог без ужаса думать о той минуте, когда он первый раз впустит меня к себе в комнату. Брат Херонимо предложил устроить встречу в саду Буэн-Ретиро, но гулять там не входило в систематическое и однообразное расписание, от которого отец никогда не отступал ни на шаг. В конце концов он предпочел уж принять меня у себя, и брат Херонимо принес эту счастливую новость моей тетке, которая чуть не умерла от радости.

Надо сказать, что десять лет меланхолии внесли немало странностей в одинокий образ жизни моего отца. Между прочим, у него развилась страсть к изготовлению чернил, причем источник этого странного увлечения был следующий. Однажды, когда отец находился в обществе нескольких литераторов и юристов у книготорговца Морено, зашел разговор о том, как трудно достать хорошие чернила; все присутствовавшие жаловались, что им нечем писать и что каждый из них напрасно старается сам приготовить себе эту необходимую жидкость. Морено заметил, что у него в лавке есть сборник рецептов, среди которых, наверно, найдутся и рецепты приготовления чернил. Он пошел за этой книгой, но не мог ее сразу найти, а когда вернулся, разговор шел уже о другом: говорили об успехе новой пьесы, и никто больше не интересовался ни чернилами, ни способом их приготовления. Но отец мой поступил совершенно иначе. Он взял книгу, сейчас же отыскал рецепт приготовления чернил и очень удивился, обнаружив, что легко понял задачу, которую самые известные испанские ученые считают невероятно трудной. Оказывается, все дело заключалось в умелом смешивании настойки чернильного ореха с раствором серной кислоты и добавлении соответствующего количества камеди. Однако автор предупреждал, что хорошие чернила получаются только при изготовлении сразу большого количества; кроме того, кипятя жидкость, ее тщательно надо мешать, так как камедь, не имея никакого сродства с металлами, все время выпадает из раствора, а ее склонности к органическому разложению можно воспрепятствовать только добавлением небольшого количества спирта.

Отец купил книжку и на другой же день достал необходимые ингредиенты, аптекарские весы и самую большую бутылку, какую только мог найти в Мадриде, согласно указаниям автора. Чернила удалась на славу; отец отнес бутылку литераторам, собравшимся у Морено, они нашли, что чернила великолепны, и попросили еще.

При своем тихом и замкнутом образе жизни отец не имел случая оказывать никому никаких услуг и получать за это соответствующие похвалы; теперь, найдя не испытанное ранее удовольствие в том, чтобы делать людям одолжение и выслушивать их благодарность, он стал усердно заниматься делом, доставляющим ему столько приятных минут. Видя, что мадридские литераторы мгновенно израсходовали самую большую бутылку, которая нашлась во всем городе, он приказал доставить из Барселоны бутылку из числа тех, в которых средиземноморские моряки держат вино на корабле. Таким путем он получил возможность приготовить сразу двадцать бутылок чернил, которые литераторы так же быстро израсходовали, осыпая моего отца похвалами и выражениями благодарности.

Но чем огромнее были бутылки, тем больше представляли они неудобств. Невозможно стало в одно и то же время и нагревать жидкость, и перемешивать ее; еще трудней – переливать ее из одного сосуда в другой. Тогда отец решил привезти из Тобосо большой глиняный котел, какие употребляют для производства селитры. Когда этот котел привезли, он приказал установить его на очаге, на котором при помощи нескольких угольков стал поддерживать неугасимый огонь. Кран, прилаженный внизу котла, служил для выпуска жидкости, и было удобно, встав на край очага, перемешивать приготовляемые чернила небольшим деревянным мешалом. Котлы эти – в человеческий рост, и ты можешь себе представить, сколько чернил отец мог изготовить зараз. А он к тому же имел обыкновение по мере убыли пополнять содержимое котла. Каким это было для него наслаждением, когда к нему заходил слуга или служанка какого-нибудь известного литератора с просьбой отпустить бутылку чернил; и когда этот литератор опубликовал потом свое творение и о новинке у Морено заговорят, мой отец сиял от

счастья при мысли, что он тоже причастен к этому триумфу. Наконец, для полноты картины скажу тебе, что во всем городе отца моего не называли иначе, как дон Фелипе дель Тинтеро Ларго, то есть «дон Филипп – большая чернильница». Настоящую его фамилию знали лишь несколько человек.

Мне все это было известно; при мне часто говорили о странностях отца, об обстановке его комнаты, о большом котле с чернилами, и я с нетерпением жаждал узреть все эти диковины своими глазами. Что касается моей тетки, то она не сомневалась, что как только отец увидит меня, он сейчас же откажется от своих чудачеств, чтобы с утра до вечера восторгаться мною. Наконец был назначен день нашей встречи. Отец исповедовался у брата Херонимо в последнее воскресенье каждого месяца. Монах должен был укрепить его в решении увидеть меня, под конец объявить, что я нахожусь у него в доме, и проводить отца домой. Сообщая нам об этом плане, брат Херонимо предостерег меня, чтоб я ничего не трогал в комнате отца. Я был согласен на все, а тетка обещала следить за мной.

Наконец наступило долгожданное воскресенье. Тетка одела меня в праздничный розовый костюм с серебряной оторочкой и пуговицами из бразильских топазов. Она клялась, что я – настоящий амур и что отец мой, увидев меня, сейчас же безумно меня полюбит. Полные надежд и радужных предчувствий, весело пошли мы по улице Урсулинок и дальше, по Прадо, где женщины останавливались, чтобы приласкать меня. Наконец пришли на улицу Толедо и вошли в дом отца. Нас провели в его комнату. Тетка, опасаясь моей резвости, усадила меня в кресло, сама села напротив и ухватила меня за бахрому шарфа, чтобы я не мог встать и трогать аккуратно расставленных вещей. Сначала я вознаграждал себя за это насилие, шныряя глазами по всем углам и дивясь чистоте и порядку, царившим в комнате. Угол, отведенный для производства чернил, был такой же чистый и все предметы в нем так же симметрично расставлены, как во всей комнате. Большой котел из Тобосо выглядел, как украшение, – рядом с ним стоял стеклянный шкаф с нужными инструментами и веществами.

Форма этого шкафа, узкого и высокого, стоящего тут же, рядом с очагом, вдруг породила во мне непреодолимое желание залезть на него. Я решил, что не может быть ничего забавней, как если мой отец начнет напрасно искать меня по всей комнате, в то время как я буду преспокойно сидеть над его головой. В мгновение ока я вырвал шарф у тетки из рук, вскочил на край очага, а оттуда прямо на шкаф.

Сначала тетка пришла в восторг от моего проворства, но потом стала умолять меня слезть. В эту минуту нам дали знать, что отец поднимается по лестнице. Тетка упала передо мной на колени, чтоб я скорее спрыгнул. Я не мог не уступить ее трогательным просьбам, но, слезая, почувствовал, что ставлю ногу на край котла. Хотел удержаться, но потянул за собой шкаф. Отпустил руки и упал в самую середину котла с чернилами. Я наверняка утонул бы, если бы тетка, схватив весло для перемешивания чернил, не разбила котел на тысячу мелких осколков. Как раз в это мгновение вошел отец; он увидел, что целая река чернил заливают его комнату, а посередине реки извивается какая-то черная фигура, наполняя дом пронзительным криком. В отчаянии он выскочил на лестницу, сбегая вниз, вывихнул себе ногу и упал в обморок.

Что касается меня, то я скоро перестал кричать, так как, нахлебавшись чернил, потерял сознание. Очнулся я только после долгой болезни, и прошло немало времени, прежде чем здоровье мое восстановилось вполне. Улучшению моего состояния больше всего содействовала новость, сообщенная мне теткой и доставившая мне такую радость, что опасались, как бы я опять не впал в беспамятство. Оказывается, нам скоро предстоит переехать из Мадрида на постоянное жительство – в Бургос. Впрочем, несказанная радость, испытываемая мною при мысли об этом переезде, убавилась, когда тетка спросила меня, хочу ли я ехать вместе с ней в коляске или предпочитаю совершить путешествие отдельно, в своих носилках.

– Ни то ни другое, – возразил я в упоении, – я не женщина и хочу путешествовать не иначе, как на статном коне или, по крайней мере, на муле, с хорошим сеговийским карабином у седла, парой пистолетов за поясом и длинной шпагой. Я поеду только при этом условии, и ты, тетя, должна в своих собственных интересах снабдить меня всем этим, потому что отныне моя святая обязанность – защищать тебя.

Я наговорил еще пропасть всякого вздора, казавшегося мне чем-то в высшей степени благоразумным, тогда как на самом деле в устах одиннадцатилетнего мальчика он был просто смешон.

Приготовления к отъезду послужили мне поводом развить необычайную деятельность. Я входил, выходил, бегал, отдавал приказания, всюду совал свой нос и действительно имел много хлопот, так как тетка навсегда уезжала в Бургос, забирая всю свою подвижность. Наконец наступил счастливый день отъезда. Мы выслали багаж дорогой через Аранду, а сами двинулись через Вальядолид.

Тетка, сначала желавшая совершить это путешествие в коляске, видя, что я решил ехать обязательно на муле, последовала моему примеру. Ей устроили вместо седла небольшое кресло с удобным сиденьем и затенили его зонтом. Перед ней для устранения малейшего признака опасности шагал вооруженный погонщик мулов. Остальной караван наш, состоявший из двенадцати мулов, выглядел чрезвычайно пышно; я же, считая себя его начальником, иногда открывал, иногда замыкал шествие, не выпуская из рук оружия, особенно на поворотах дороги и вообще в подозрительных местах.

Нетрудно догадаться, что мне ни разу не представилось случая выказать свою отвагу и что мы благополучно прибыли в Алабахос, где встретили еще два каравана, такие же большие, как наш. Животные стояли у яслей, а путники расположились в противоположном углу конюшни – на кухне, отделенной от мулов двумя каменными ступенями. Тогда почти все трактиры в Испании были так устроены. Весь дом состоял из одного длинного помещения, в котором лучшую половину занимали мулы, а более скромную – путешественники. Несмотря на это, там всегда царил веселье. Погонщик верховых мулов, чистя их скребницей, в то же время волочился за хозяйкой, которая отвечала ему со свойственной ее полу и профессии живостью, пока хозяин своим вмешательством не прерывал, хоть и ненадолго, этих заигрываний. Слуги, наполняя дом треском кастаньет, плясали под хриплое пение козопаса. Путники знакомились друг с другом и приглашали друг друга на ужин, потом все пододвигались к очагу, и каждый сообщал, кто он, откуда едет, порой рассказывал историю своей жизни. Славное было время. Нынче постоялые двory гораздо удобнее, но беспокойное и дружное дорожное житье имело свою прелесть, которой я не могу тебе описать. Скажу только, что в тот день я был так счастлив, что решил всю жизнь переезжать с места на место и, как видишь, пока твердо выполняю свое решение.

Еще одно обстоятельство утвердило меня тогда в моем намерении. После ужина, когда все путники собрались вокруг очага и каждый поделился своими впечатлениями о краях, в которых побывал, один, до тех пор еще ни разу не раскрывший рта, промолвил:

– Все, что произошло с вами во время ваших разъездов, достойно внимания и памяти; что касается меня, я был бы рад, если бы со мной не приключалось ничего худшего, но, попав в Калабрию, я испытал нечто до того удивительное, необычайное и в то же время страшное, что до сих пор не могу вычеркнуть это из памяти. Воспоминание об этом так меня гнетет, отравляя все мои радости, что часто я сам дивлюсь, как печаль не лишит меня рассудка.

Такое начало возбудило любопытство присутствовавших. Все стали просить, чтоб он облегчил сердце повествованием о столь необычайных происшествиях. Путник долго колебался, не зная, как поступить, но в конце концов начал свой рассказ.

История Джулио Ромати

Меня зовут Джулио Ромати. Отец мой, Пьетро Ромати – один из самых известных юристов Палермо и даже всей Сицилии. Как вы понимаете, он очень привязан к своей профессии, обеспечивающей ему приличный доход, но еще больше к философии, которой он отдает каждую свободную минуту.

Не хвальнось, могу сказать, что я успешно шел по его стопам в обоих этих науках и на двадцать втором году был уже доктором права. Отдавшись потом изучению математики и астрономии, я вскоре уже мог комментировать Коперника и Галилея. Говорю вам это не для похвальбы своей ученостью, но, имея в виду рассказать вам нечто в высшей степени удивительное, не хочу, чтобы вы считали меня человеком легкомысленным или суеверным. Я до того далек от такого рода заблуждений, что единственной наукой, которой я никогда не уделял никакого внимания, была теология. Что касается других наук, то я погружался в них всей душой, ища отдыха лишь в смене предметов. Бесконечная работа оказала губительное действие на мое здоровье, и отец мой, раздумывая над тем, как бы мне рассеяться, отправил меня в путешествие, приказав объездить всю Европу и вернуться на Сицилию не раньше, чем спустя четыре года.

Сначала мне трудно было оторваться от своих книг, кабинета и обсерватории, но отец этого требовал, и надо было повиноваться. И в самом деле, не успел я начать путешествие, как уже почувствовал невыразимо приятную перемену. Ко мне вернулся аппетит, вернулись силы – одним словом, я совсем выздоровел. Сперва я путешествовал в носилках, но на третий день нанял мула и весело пустился в дальнейший путь.

Многие знают весь шар земной, за исключением своей собственной родины; я не хотел после своего возвращения услышать подобный упрек и, чтоб этого избежать, начал свое путешествие знакомством с чудесами, которые природа так щедро рассыпала на нашем острове. Вместо того чтоб отправиться прямо по берегу из Палермо в Мессину, я выбрал дорогу через Кастроново, Кальтанисетту и приехал в деревню, названия которой уже не помню, расположенную у подошвы Этны. Там я стал готовиться к восхождению на гору, решив посвятить этому целый месяц. На деле все это время я занимался главным образом проверкой некоторых недавно установленных опытов с барометром. В ночную пору всматривался в небо и с непередаваемым восторгом открыл две звезды, не замеченные мною из обсерватории в Палермо по той причине, что там они находились значительно ниже горизонта.

С искренним огорчением покинул я это место, где, казалось, моя душа устремлялась к мерцающим светилам, и я участвовал в возвышенной гармонии небесных тел, над чьими кругооборотами столько размышлял в жизни. Нельзя отрицать и того, что разреженный воздух гор особым образом действует на наш организм, – пульс бьется быстрее и легкие работают усиленной. Наконец я спустился с горы в сторону Катании.

Население этого городка составляет дворянство столь же старинное, но более просвещенное, чем в Палермо. Правда, точные науки нашли в Катании, как и на всем нашем острове, мало любителей, но зато жители увлекаются искусством, античными памятниками, а также древней и новой историей народов, когда-либо населявших Сицилию. Тогда все умы были особенно заняты раскопками и множеством добытых при этом ценных реликвий.

Между прочим, тогда была выкопана очень красивая мраморная плита, покрытая совершенно неизвестными письменами. Тщательно рассмотрев надпись, я понял, что она – на пунийском языке, и с помощью древнееврейского, который я довольно хорошо знаю, мне, ко всеобщему удовлетворению, удалось разрешить загадку. Благодаря этому подвигу я снискал лестное признание, и первые лица города хотели меня там удержать, суля значительный денежный доход. Однако, покинув родной край ради совершенно других целей, я отклонил это пред-

ложение и отправился в Мессину. В этом городе, славящемся торговлей, я провел неделю, после чего переправился через пролив и высадился в Реджо.

До тех пор путешествие мое было только развлечением, но в Реджо оно стало делом более серьезным.

Калабрию опустошал разбойник по имени Зото, в то время как триполитанские корсары бороздили во всех направлениях море. Я не знал, как добраться до Неаполя, и, если б не ложный стыд, немедленно вернулся бы в Палермо.

Неделя прошла с тех пор, как моя нерешительность остановила меня в Реджо, когда однажды вечером, расхаживая по пристани, я сел на один из прибрежных камней в месте, где было поменьше народа. Ко мне подошел какой-то человек приятной наружности, в багряном плаще. Не здороваясь со мной, он сел рядом и обратился ко мне с такими словами:

– Синьор Ромати снова занят решением какой-то алгебраической или астрономической задачи?

– Ничуть не бывало, – ответил я. – Синьор Ромати хотел бы перебраться из Реджо в Неаполь и в эту минуту обдумывает, каким способом избежать встречи с шайкой синьора Зото.

На это незнакомец с серьезным видом промолвил:

– Синьор Ромати, твои способности уже теперь делают честь твоей родине. Эта честь, без сомнения, еще приумножится, когда ты, после твоих странствий, расширишь сферу своих познаний. Зото – человек, слишком тонкий в обхождении, чтобы чинить тебе препятствия в столь благородном предприятии. Возьми вот эти красные перышки, заткни одно за ленту шляпы, остальные раздай своим людям и смело пускайся в путь. Что касается меня, я и есть тот самый Зото, которого ты так опасешься. А чтоб ты не сомневался в правоте моих слов – смотри: вот орудия моего ремесла.

С этими словами он откинул плащ и показал мне пояс с пистолетами и стилетами, после чего дружески пожал мне руку и исчез.

* * *

Тут я перебил вожака цыган, заметив, что много слышал об этом разбойнике и даже знаю его сыновей.

– Я тоже знаю их, – сказал Пандесовна, – тем более что они, как и я, состоят на службе великого шейха Гомелесов.

– Как? Ты тоже у него на службе? – воскликнул я с изумлением.

В эту минуту один из цыган шепнул несколько слов на ухо старику, который сейчас же встал и удалился, предоставив мне время для размышления о том, что я узнал из его последних слов. «Что это за могущественное сообщество, – думал я, – у которого нет, кажется, иной цели, кроме как блюсти какую-то тайну или обманывать мои глаза странными призраками, но я не успеваю хоть отчасти разгадать их, как новые непредвиденные обстоятельства повергают меня в пропасть сомнения? Совершенно очевидно, что и сам я – одно из звеньев невидимой цепи, которая все туже стягивается вокруг меня.

Тут дочери старого цыгана подошли ко мне и прервали мои раздумья просьбой погулять вместе с ними. Я пошел. Разговор шел на чистейшем испанском языке, без малейшей примеси цыганского наречья. Меня удивили их умственное развитие и веселый, открытый характер. После прогулки подали ужин, а потом все пошло спать. Но на этот раз ни одна из моих родственниц не показывалась.

День тринадцатый

Старый цыган велел принести мне обильный завтрак и сказал:

– Сеньор кавалер, приближаются наши враги, а попросту сказать, таможенная стража. Нам надлежит отступить, оставив им поле боя. Они найдут здесь тюки, приготовленные для них, а остальное уже находится в безопасном месте. Подкрепись завтраком, и мы двинемся дальше.

Таможенники показались на другом конце долины, я наскоро доел завтрак, и весь табор снялся. Мы блуждали с горы на гору, все больше углубляясь в ущелье Сьерра-Морены. Наконец остановились в глубокой долине, где нас уже ждал готовый обед. Утолив голод, я попросил старого цыгана продолжать его жизнеописание, на что тот охотно согласился.

Продолжение истории вожака цыган

Итак, я остановился на том, что внимательно слушал повествование Джулио Ромати. Дальше он рассказывал так.

Продолжение истории Джулио Ромати

Характер Зото был всем известен, так что я вполне поверил его дружелюбным обещаниям. Вернулся страшно довольный к себе в трактир и сейчас же послал за погонщиком мулов. Скоро их пришло несколько человек и смело предложило мне свои услуги, так как разбойники ни их самих, ни их животных не обижали. Я выбрал одного, который всюду пользовался доброй славой. Нанял одного мула для себя, другого для своего слуги и еще два – вьючных. У погонщика был тоже свой мул и два пеших помощника.

На рассвете следующего дня я двинулся в путь и примерно в миле от города увидел небольшой отряд разбойников Зото; они, казалось, следили за мной издали и удалялись по мере нашего приближения. Так что, вы понимаете, мне нечего было бояться.

Путешествие протекало великолепно, и здоровье мое с каждым днем улучшалось. Я находился уже в двух днях пути от Неаполя, когда мне вдруг пришло в голову свернуть с дороги и заехать в Салерно. Любопытство это было вполне оправдано, так как меня очень интересовала история зарождения искусств, колыбелью которых в Италии была салернская школа. Впрочем, сам не знаю, какой рок толкнул меня на эту несчастную поездку.

Я свернул с большой дороги в Монте-Бруджо и, взяв в соседней деревне проводников, поехал по самому дикому краю, какой только можно себе представить. В полдень мы достигли совершенно развалившегося строения, которое проводник мой назвал трактиром, – сам я никогда не подумал бы, что это действительно трактир, особенно по тому приему, какой оказал нам хозяин. Этот бедняк, вместо того чтобы предложить мне поесть, сам стал просить меня, чтоб я уделил ему что-нибудь из своей провизии. К счастью, у меня была холодная говядина, я поделился с ним, с моим проводником и слугой; погонщики остались в Монте-Бруджо.

К двум часам пополудни я покинул это жалкое убежище и вскоре увидел большой замок, стоящий на вершине горы. Я спросил у проводника, как называется этот замок и живет ли в нем кто-нибудь. Проводник ответил, что местные жители обычно называют его «lo monte»²¹ либо «lo castello»²², что он совершенно разрушен и необитаем, но что внутри его устроена часовня

---

²¹ Гора (*ит. диал.*).

²² Замок (*ит. диал.*).

с несколькими кельями, где живут пять или шесть монахов-францисканцев из Салерно. При этом он с величайшим простодушием добавил:

– Странные истории рассказывают об этом замке, но я хорошенько не знаю ни одной, потому что, только кто заговорит об этом – я сейчас же вон из кухни, иду к невестке Пепе, где почти всегда застаю одного из отцов францисканцев, который дает мне поцеловать свою ладанку.

Я спросил его, будем ли мы проезжать мимо замка. Он ответил, что дорога идет в обход, на полвысоты ниже замка.

Между тем небо покрылось тучами, и к вечеру разразилась страшная гроза. Мы, как нарочно, находились в это время на склоне горы, где не было никакого убежища. Проводник сказал, что поблизости находится большая пещера, только дорога к ней очень скверная. Я решил воспользоваться его советом, но не успели мы спуститься вниз между скал, как рядом с нами ударила молния. Мул мой пал, а я скатился с высоты нескольких сажен. Каким-то чудом зацепился за дерево и, почувствовав, что цел, стал звать моих спутников, но ни один не отозвался.

Молнии так быстро следовали друг за другом, что при свете их мне удавалось видеть окружающие предметы и ставить ногу на безопасное место. Я продвигался вперед, держась за деревья, и таким способом добрался до небольшой пещеры, к которой, однако, не вело ни одной тропинки, и она не могла быть той самой, о которой говорил проводник. Ливень, вихрь, громовые раскаты, молнии продолжались с удвоенной силой. Я весь дрожал в промокшей одежде, и мне пришлось оставаться в этом нестерпимом положении несколько часов. Вдруг мне показалось, что я вижу факелы, мелькающие на дне ущелья, и слышу какие-то голоса. Я подумал, что это мои люди, стал их звать и вскоре увидел молодого человека благообразной наружности в сопровождении нескольких слуг – некоторые из них несли факелы, а другие узлы с одеждой. Юноша весьма почтительно поклонился мне и сказал:

– Синьор Ромати, мы челядинцы принцессы Монте-Салерно. Проводник, которого ты взял в Монте-Бруджо, сообщил нам, что ты заблудился в горах, и мы пришли к тебе по приказу принцессы. Не угодно ли надеть вот эту одежду и отправиться с нами в замок?

– Как? – ответил я. – Вы хотите отвести меня в этот пустой замок на самой вершине горы?

– Ничуть не бывало, – возразил юноша. – Ты увидишь роскошный дворец, от которого мы находимся не далее как в двухстах шагах.

Я подумал, что на самом деле какая-то неаполитанская принцесса имеет поблизости дворец, переделался и поспешил за моим молодым проводником. Вскоре я оказался перед порталом из черного мрамора, но так как факел не освещал всего здания, я не мог как следует его рассмотреть. Юноша остановился внизу возле лестницы, и я уже один поднялся вверх и на первом повороте увидел женщину необычайной красоты, которая сказала мне:

– Синьор Ромати, принцесса Монте-Салерно поручила мне показать тебе все красоты своего жилища.

Я ответил, что если судить о принцессе по ее женской свите, то она, конечно, превосходит все, что можно вообразить.

В самом деле, проводница моя отличалась такой совершенной красотой и такой великолепной фигурой, что, увидев ее, я сразу подумал, уж не сама ли это принцесса. Обратил я внимание и на ее наряд – такие наряды можно увидеть на портретах прошлого века; но подумал, что так одеваются неаполитанские дамы, возродившие эту старинную моду.

Сперва мы вошли в комнату, где все было из литого серебра. Паркет состоит из серебряных квадратов, среди которых одни были блестящие, а другие матовые. Обои на стенах, тоже из литого серебра, имитировали камку: фон блестящий, а рисунок матовый. Плафон напоминал покрытые резьбой потолки старых замков. Панели, бордюры обоев на стене, канделябры, косяки и створки дверей были совершенством ваяния и резьбы.

– Синьор Ромати, – промолвила придворная дама, – ты уделяешь слишком много времени этим пустякам. Это всего лишь прихожая, предназначенная для слуг принцессы.

Я ничего не ответил, и мы вошли в другую комнату, по виду сходную с первой, с той лишь разницей, что если там все было из серебра, то здесь все – золотистое, с украшениями из того черного золота, которое было в моде пятьдесят лет тому назад.

– Эта комната, – продолжала незнакомка, – для придворных, дворецкого и других должностных лиц нашего двора. А в апартаментах принцессы ты не увидишь ни золота, ни серебра, там царит простота; ты можешь судить об этом хотя бы по столовой.

С этими словами она отворила боковую дверь. Мы вошли в залу, стены которой были покрыты цветным мрамором, а под потолком вокруг шел барельеф, искусно высеченный из белого мрамора. В глубине в роскошных шкафах стояли вазы из горного хрусталя и чаши прекраснейшего индийского фарфора.

Оттуда мы вернулись в комнату для придворных и прошли в гостиную.

– Вот эта зала, – промолвила дама, – конечно, тебя удивит.

Действительно, я остановился, словно ослепленный, и сперва начал рассматривать паркет из ляпис-лазури, инкрустированный камешками на флорентийский манер. Одна плита такой мозаики поглощает несколько лет работы. Узоры отдельных плит составляли гармоническое целое, образуя общий основной мотив, но, присмотревшись ближе к каждой в отдельности, глаз обнаруживал бесконечное разнообразие отличительных особенностей, не нарушавшее, однако, впечатления общей симметрии. В самом деле, хотя характер рисунка всюду был одинаковый – здесь были изображены чудные пестрые цветы, там раковина, отливающая всеми цветами радуги, там бабочки, там райские птички. Драгоценнейшие камни пошли на подражание тому, что только есть в природе самого очаровательного. В центре великолепного паркета находилась композиция из разноцветных дорогих камней, окруженная нитями крупного жемчуга. Узор казался выпуклым, как барельеф, и напоминал искусные флорентийские мозаики.

– Синьор Ромати, – сказала незнакомка, – если ты будешь все так подолгу рассматривать, мы никогда не кончим.

Тут я поднял глаза и увидел картину Рафаэля, представляющую, видимо, первый эскиз его «Афинской школы», но, писанная маслом, она поражала яркостью красок.

Потом я увидел Геркулеса у ног Омфалы: фигура Геркулеса принадлежала кисти Микеланджело, в женском образе я узнал манеру Гвидо. Одним словом, любая картина совершенством своим превосходила все, виденное мной раньше. Стены залы были обиты гладким зеленым бархатом, превосходно выделявшим красоту живописи.

По обе стороны каждой двери стояли статуи немного меньше натуральной величины. Их было целых четыре: знаменитый Праксителев «Эрот», которого Фрина потребовала себе в дар, «Сатир» того же мастера, подлинная Афродита Праксителя, по отношению к которой «Венера Медицейская» является лишь копией, наконец несказанно прекрасный «Антиной». Кроме того, в окнах стояли мраморные группы.

По стенам гостиной были расставлены комоды с выдвигаемыми ящиками, украшенными вместо бронзы – мастерскими ювелирными изделиями с вделанными в них камнями, какие можно найти только в королевских коллекциях. В ящиках хранились собрания золотых монет, расположенные в предписанном наукой порядке.

– Здесь, – сказала моя путеводительница, – хозяйка замка проводит послеобеденные часы; рассматриванье этих коллекций дает повод для беседы столь же занимательной, сколь и поучительной. Но впереди еще много такого, что заслуживает осмотра, так что пойдем.

И мы вошли в спальню. Это была восьмиугольная комната с четырьмя альковами, и в каждом – роскошная широкая постель. Здесь не было видно ни панели, ни обоев, ни потолка. Раскинутый с изысканным вкусом, все покрывал индийский муслин, расшитый искусными

узорами и такой тонкий, что его можно было принять за туман, сотканный в легкую ткань самой Арахной.

– Для чего четыре ложа? – спросил я.

– Чтобы можно было переходить с одного на другое, если жара не дает заснуть! – ответила незнакомка.

– А почему эти ложа такие широкие? – подумав, опять спросил я.

– Иногда принцессу мучает бессонница, и она зовет своих дам. Но перейдем в купальню.

Это была круглая комната, выложенная перламутром с каймой из кораллов. Под потолком тянулась нить крупного жемчуга, поддерживавшая, вместо драпировки, бахрому из драгоценных камней одинакового размера и вида. Потолок был стеклянный, и сквозь него виднелись плавающие над ним китайские золотые рыбки. Вместо ванны посреди комнаты находился круглый бассейн, обложенный искусственной пенкой, в которой сияли раковины.

При виде этого я больше не мог скрывать своего изумления и воскликнул:

– Ах, синьора, рай земной – ничто по сравнению с этим дивным зрелищем!

– Рай земной! – воскликнула молодая женщина в ужасе. – Рай! Ты что-то сказал о рае? Пожалуйста, синьор Ромати, не прибегай к таким выражениям, очень тебя прошу... А теперь пойдем дальше.

Тут мы перешли в птичник, полный тропическими птицами всех видов и всеми милыми певцами наших краев. Там стоял стол, накрытый для меня одного.

– Неужели ты допускаешь, – сказал я прекрасной путеводительнице, – что можно думать о еде, находясь в этом божественном дворце? Вижу, что ты не собираешься разделить со мной трапезу. А я, со своей стороны, не решусь сесть за стол – разве только при условии, что ты согласишься сообщить мне кое-какие подробности о принцессе – обладательнице всех этих чудес.

Молодая женщина с очаровательной улыбкой подала мне кушанье, села и начала.

История принцессы Монте-Салерно

– Я дочь последнего принца Монте-Салерно...

– Как? Ты, синьора?

– Я хотела сказать: Монте... Но не перебивай меня.

Принц Монте-Салерно, из древнего рода независимых принцев Салерно, был испанским грандом, главнокомандующим, великим адмиралом, старшим конюшим, старшим мажордомом, старшим ловчим, одним словом, соединял в лице своем все высшие должности Неаполитанского королевства. Хоть сам он состоял на королевской службе, однако среди его собственных придворных было немало дворян, даже титулованных. Среди последних находился маркиз Спинаверде, первый придворный принца, пользовавшийся его безраздельным доверием, наравне с женой своей, маркизой Спинаверде, первой дамой в свите принцессы. Мне было десять лет... Я хотела сказать, что единственной дочери принца Монте-Салерно было десять лет, когда умерла ее мать. Тогда муж и жена Спинаверде покинули дом принца, он – чтобы заняться управлением имениями, а она – моим воспитанием. Они оставили в Неаполе свою старшую дочь, Лауру, занимавшую при принце довольно двусмысленное положение. Маркиза Спинаверде и юная принцесса переехали на жительство в Монте-Салерно. Воспитанием Эльфриды занимались не очень усиленно, а больше старались вымуштровать ее прислужниц, приучая их исполнять малейшие мои капризы.

– Твои капризы, синьора? – воскликнул я.

– Не перебивай меня, синьор, я уж просила тебя об этом, – ответила она с раздражением, а потом продолжала: – Я любила подвергать терпенье моих прислужниц всякого рода испытаниям. Поминутно я давала им противоречивые приказания, едва ли половину которых

они были в состоянии исполнить; а за нерасторопность щипала их или колола им руки и ноги булавками. Вскоре все они меня оставили. Маркиза прислала мне других, но и те не могли долго выдержать. В это время мой отец тяжело заболел, и мы поехали в Неаполь. Я мало его видела, но оба Спиनावерде не отходили от него ни на минуту. В конце концов он умер, в завещании своем назначив маркиза единственным опекуном своей дочери и управляющим всех ее имений.

Похороны задержали нас на несколько недель, после чего мы вернулись в Монте-Салерно, где я опять стала щипать моих прислужниц. Четыре года прошли в этих невинных развлечениях, которые были для меня тем приятнее, что маркиза всякий раз признавала меня правой, утверждая, что весь мир существует для моих услуг и что нет достаточно суровой кары для ослушниц.

Но однажды все служительницы одна за другой покинули меня, и вечером мне пришлось раздеваться самой. Я заплакала от злости и побежала к маркизе, которая сказала мне:

– Милая, дорогая принцесса, осуши свои красивые глазки; я сама тебя сегодня раздену, а завтра приведу тебе шесть женщин, которыми ты, я уверена, будешь довольна.

На другой день, после того как я проснулась, маркиза представила мне шесть молодых и очень хорошеньких девушек, при виде которых я испытала какое-то волнение. Они тоже показались мне взволнованными. Я первая овладела собой, спрыгнула в одной рубашке с постели, обняла их всех по очереди и уверила, что никогда не буду ни щипать, ни бранить их. В самом деле, хоть они, одевая меня, порой действовали неловко и осмеливались меня не слушать, я на них никогда не сердилась.

– Но, синьора, – сказал я принцессе, – кто знает, не были ли эти молоденькие девушки переодетыми юношами.

Принцесса с гордым видом ответила:

– Синьор Ромати, я просила не перебивать меня.

И продолжала:

– В день моего шестнадцатилетия ко мне явились знатные посетители. Это были: государственный секретарь, испанский посол и герцог Гвадаррама. Последний приехал просить моей руки, а другие двое лишь сопутствовали ему, чтоб поддержать его просьбу. Молодой герцог был очень хорош собой и, не буду отрицать, произвел на меня большое впечатление. Вечером мы вышли погулять в сад. Не успели мы сделать нескольких шагов, как из-за деревьев выскочил и устремился прямо на нас разъяренный бык. Герцог преградил ему дорогу, с плащом в одной руке и шпагой в другой. Бык на мгновение остановился, но сейчас же ринулся на герцога и упал, пронзенный его клинком. Я подумала, что обязана жизнью отваге и самоотверженности молодого герцога, но на другой день узнала, что его конюх нарочно подвел к нам быка и что хозяин его, по обычаю своей родины, хотел таким способом доказать мне свою преданность. Тогда, вместо благодарности, я рассердилась за тот испуг, который он мне причинил, и отвергла его предложение.

Поступок мой несказанно обрадовал маркизу. Она воспользовалась этим случаем, чтобы пояснить мне все преимущества свободы и подчеркнуть все лишения, которые мне пришлось бы терпеть, став замужней. Вскоре после этого тот же самый государственный секретарь приехал к нам с другим послом – владетельным герцогом Нудель-Гансбергским. Этот искатель был высокий, нескладный, толстый, светловолосый, бледный до синевы и старался развлечь меня разговорами о майоратах, которыми он владеет в управляемых Габсбургами землях Германской империи, но говорил по-итальянски со смешным тирольским акцентом.

Я начала передразнивать его выговор и с тем же самым акцентом стала его уверять, что ему необходимо все время находиться в своих наследственных майоратах. Немецкий герцог

уехал в большой обиде на меня. Маркиза осыпала меня ласками и, чтобы сильнее привязать к Монте-Салерно, приказала создать все это великолепие, которым ты тут дивился.

– В самом деле, получилось великолепно! – воскликнул я. – Этот чудный дворец вполне можно назвать земным раем!

Услышав эти слова, принцесса с раздражением встала и промолвила:

– Синьор Ромати, я тебя просила больше не употреблять этого выражения.

После чего она засмеялась, но странным, судорожным смехом, протяжно повторяя:

– ...да... раем... земным раем... нашел о чем говорить... о рае.

Сцена становилась неприятной. Наконец принцесса приняла прежний строгий вид и, устремив на меня грозный взгляд, приказала следовать за ней.

Тут она отворила дверь, и мы оказались в большом подземелье, в глубине которого поблескивало как бы серебряное озеро, в действительности состоявшее из ртути. Принцесса хлопнула в ладоши, и я увидел лодку, управляемую желтым карликом. Мы вошли в лодку, и только тут я понял, что у карлы лицо золотое, глаза бриллиантовые, а губы коралловые. Словом, это был автомат, с неслыханным проворством разрезавший маленькими веслами волны ртути. Этот невиданный перевозчик высадил нас у подножья скалы, которая раскрылась, и мы вошли опять в подземелье, где тысячи других автоматов представили нам изумительное зрелище. Павлины распускали усеянные драгоценными камнями хвосты, попугаи с изумрудными перьями летали у нас над головой, негры из черного дерева приносили нам на золотых блюдах вишни из рубинов и виноградные кисти из сапфиров – бесчисленное количество изумительных предметов наполняло эти чудесные своды, конец которых был недоступен глазу.

Тут, сам не знаю почему, у меня опять возникло желание повторить это злосчастное сравнение с раем, чтобы проверить, как принцесса отнесется к нему на этот раз.

Поддавшись коварному соблазну, я сказал:

– Действительно, можно сказать, что синьора владеет раем земным.

Однако принцесса с очаровательной улыбкой ответила:

– Чтоб ты мог лучше судить о приятности этого жилища, я представлю тебе шесть своих слуг.

С этими словами она вынула из-за пояса золотой ключ и открыла огромный сундук, крытый черным бархатом с серебряными украшениями. Когда крышка открылась, из сундука вышел скелет и с угрожающим видом направился ко мне. Я обнажил шпагу, но скелет, вырвав у себя левую руку, пустил ее в ход как оружие и с ожесточением напал на меня. Я оказал довольно сильный отпор, но в это время из сундука вылез другой скелет, выломал у первого ребро и со всей силой ударил меня этим ребром по голове. Я схватил его за шею, но он обнял меня костистыми руками и чуть не повалил на землю. В конце концов мне удалось от него освободиться, но тут из сундука выполз третий скелет и присоединился к первым двум. За ним показались еще три. Тогда, потеряв надежду одержать победу в такой неравной борьбе, я упал на колени перед принцессой и попросил у нее пощады.

Принцесса приказала скелетам вернуться в сундук, а потом сказала:

– Ромати, запомни на всю жизнь то, что ты увидел здесь.

И стиснула мне руку выше локтя так, что меня прожгло до самой кости, и я упал без чувств.

Не знаю, как долго оставался я в этом положении; наконец, очнувшись, услышал где-то поблизости молитвенное пение. Я видел, что лежу среди больших развалин; хотел из них выбраться и забрел во внутренний двор, где увидел часовню и монахов, поющих заутреню. По окончании службы приор позвал меня в свою келью. Я пошел и, стараясь собраться с мыслями, рассказал ему все, что видел в эту ночь. Когда я кончил свое повествование, приор промолвил:

– Сын мой, ты не смотрел, не оставила ли принцесса каких-нибудь знаков на твоей руке?

Я засучил рукав, и в самом деле оказалось, что рука выше локтя обожжена и на ней – след от пяти пальцев принцессы.

Тогда приор, открыв стоявший возле его кровати ларец, достал оттуда какой-то старый пергаментный свиток.

– Это – булла о нашем основании, – сказал он. – Она объяснит тебе то, что с тобой сегодня случилось.

Я развернул свиток и прочел нижеследующее:

«Лета господня 1503, в девятый год правления Фредерика, короля Неаполя и Сицилии, Эльфрида Монте-Салерно, доведя безбожие свое до крайних пределов, во всеуслышание похвалилась, будто владеет подлинным раем, и отеклась от того рая, который ждет нас в будущей жизни. Между тем однажды ночью, с четверга на пятницу, на страстной землетрясение поглотило дворец ее, развалины которого стали жилищем сатаны, где враг рода человеческого поселил тучу злых духов, преследующих тысячью обманов того, кто отваживается приблизиться к Монте-Салерно, и даже проживающих в окрестностях благочестивых христиан. На основании сказанного мы, Пий III, раб рабов божьих и проч., разрешаем заложить среди означенных развалин малую церковь...»

Я уже забыл, чем кончается булла, помню только, что, по утверждению приора, наваждения стали гораздо реже, но иногда все-таки бывают, особенно в ночь с четверга на пятницу на страстной. В то же время он посоветовал мне заказать несколько месс за упокой души принцессы и самому их отстоять. Я исполнил его совет, после чего пустился в дальнейший путь, но печальная память о событиях той несчастной ночи осталась у меня навсегда, – я ничем не могу ее истребить. Кроме того, у меня болит рука.

С этими словами Ромати обнажил руку выше локтя, и мы увидели на ней ожоги и следы от пальцев принцессы.

Тут я прервал жожака, сказав, что, просматривая у каббалиста повествование Хаппелиуса, нашел там происшествие, очень похожее на это.

– Может быть, Ромати заимствовал свою историю из этой книжки, – заметил жожек. – А может быть, целиком выдумал ее. Как бы то ни было, повествование его сильно оживило во мне дух странствий и в особенности надежду самому пережить столь же необыкновенные приключения, хоть это и осталось только надеждой. Но такова сила впечатлений, полученных в юные годы, что мечты эти долго бродили у меня в голове, и я никогда не мог от них вполне освободиться.

– Сеньор Пандесовна, – сказал я, – разве ты не намекал мне, что с тех пор, как живешь в этих горах, видел такие вещи, которые тоже можно назвать чудесными?

– В самом деле, я видел вещи, напоминающие историю Джулио Ромати...

В эту минуту один цыган прервал нашу беседу, и, так как выяснилось, что у Пандесовны много дела, я взял ружье и пошел на охоту. Преодолевав несколько холмов и, бросив взгляд на раскинувшуюся у моих ног долину, как будто узнал издали роковую виселицу двух братьев Зото. Это зрелище пробудило во мне любопытство, я прибавил шагу и в самом деле оказался возле виселицы, на которой, как обычно, висели оба трупа; я с ужасом отвернулся и пошел, угнетенный, обратно в табор. Жожек спросил меня, куда я ходил; я ему ответил, что дошел до виселицы двух братьев Зото.

– И застал их обоих висящими? – спросил цыган.

– Как? – в свою очередь спросил я. – Разве они имеют обыкновение отвязываться?

– Очень часто отвязываются, – ответил жожек. – Особенно по ночам.

Эти слова совсем расстроили меня. Значит, я снова нахожусь в соседстве с двумя проклятыми страшилищами. Я не знал, оборотни это или выдуманные мною страхи, но, так или иначе, их надо было опасаться. Печаль терзала меня весь остаток дня. Я ушел спать, не ужиная, и всю ночь мне снились одни только ведьмы, оборотни, злые духи, домовые и висельники.

День четырнадцатый

Цыганки принесли мне шоколад и сели со мной завтракать. Потом я опять взял ружье, и сам не понимаю, какая несчастная рассеянность направила меня к виселице двух братьев Зото. Я застал их отвязанными. Вошел в ограду и увидел оба трупа лежащими рядом на земле, а между ними – молодую девушку, в которой узнал Ревекку.

Как можно осторожнее я разбудил ее – однако зрелище, которого я не мог заслонить, ввергло ее в состояние невыразимой скорби. У нее начались судороги, она заплакала и лишилась чувств. Я взял ее на руки и отнес к ближайшему источнику; там обрызгал ей лицо водой и понемногу вернул ее к сознанию.

Никогда не решился бы я спросить ее, каким образом оказалась она под виселицей, но она первая заговорила об этом.

– Я предвидела, что твое молчанье будет иметь для меня губительные последствия. Ты не захотел рассказать нам о своих приключениях, и я, подобно тебе, стала жертвой этих проклятых оборотней, чьи гнусные проделки свели на нет продолжительные усилия моего отца доставить мне бессмертие. До сих пор не могу еще объяснить себе все ужасы этой ночи. Однако постараюсь припомнить их и дам тебе в них отчет, но ты меня не поймешь, если я не начну с самого начала моей жизни.

Немного подумав, Ревекка начала так.

История Ревекки

Мой брат, рассказывая тебе свою жизнь, отчасти познакомил тебя и с моею. Отец наш предназначал его в мужа двум дочерям царицы Савской, а относительно меня он хотел, чтобы я вышла за двух гениев, движущих созвездием Близнецов.

Брат, которому льстил такой великолепный брак, удвоил прилежание к каббалистическим наукам. Я же чувствовала нечто противоположное: я испытывала такой страх при мысли о том, чтобы стать женой сразу двух гениев, и это так меня угнетало, что я не могла сложить двух стихов на каббалистический лад. Все время откладывала работу до завтрашнего дня и кончила тем, что почти совсем забыла это искусство, столь же трудное, сколь и опасное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.